

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

EXCHANGE

EX LIBRIS

99. Утильмауз
ess. stone
Mid "stone" *Mar 527*
ex

Н. ХАРУЗИНЪ.

I

ИСТОРИЯ

РАЗВИТІЯ ЖИЛИЩА

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
NOV 29 1935
LIBRARY

У КОЧЕВЫХЪ И ПОЛУКОЧЕВЫХЪ

ТЮРКСКИХЪ И МОНГОЛЬСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ РОССИИ.

Univ. of
California

МОСКВА.

Всесоюзное утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1896.

DK33
K5

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін.

Предсѣдатель Общества *Д. Анучинъ.*

EXCHANGE

Оглавленіе.

	Стр.
ГЛАВА I. Типы переносныхъ жилищъ	1—53
<p><i>Коническій шалаашъ и рѣшетчатая юрта: а) Коническіе шалаши въ качествѣ постоянного и временнаго жилища: у карагасовъ (5), алтайскихъ тюрокъ (6), абаканскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ татаръ (10), качинцевъ (11), бурятъ (12), башкиръ (13), якутовъ и долганъ (13) монгольскихъ народностей Монголіи (15), астраханскихъ калмыковъ (15), киргизовъ (15). Развитие коническаго шалааша въ связи съ вліяніемъ мѣстности и занятій (17). Зачатки двора: изгороди для скота (19). Группировка жилыхъ строеній въ селеніи (19). б) Рѣшетчатая юрта: Развитие рѣшетчатой юрты изъ коническаго шалааша (21). Калмыцкій и киргизскій типъ рѣшетчатыхъ юртъ (24). Внешнее и внутреннее устройство рѣшетчатыхъ юртъ у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ и азиатскихъ монголовъ (27). Рѣшетчатая юрта: у туркменъ (36), сартовъ въ Хами (37), башкиръ (37), алтайскихъ тюрокъ (37), качинскихъ татаръ (38), каракалпаковъ (38), бурятъ (39), кувдровскихъ татаръ (39) и карагайцевъ (39). Передвижныя юрты на колесахъ: свадебная арба и отовъ карагайцевъ (40). Юрты на колесахъ у татаръ XIII в. (40); употребленіе ихъ среди волжскихъ, бесарабскихъ и переконскихъ татаръ въ XVIII в. (41). Мѣсто, занимаемое этимъ типомъ юртъ среди остальныхъ типовъ вочевого жилища (44). Развитие рѣшетчатыхъ юртъ (46). Группировка рѣшетчатыхъ юртъ въ селеніи (48). Развитие двора: помѣщенія для склада имущества и для охраненія скота отъ зимнихъ вьюговъ (50).</i></p>	
ГЛАВА II. Типы постоянныхъ жилищъ	54—124
<p><i>Типы постоянныхъ жилищъ, воспроизводящихъ форму рѣшетчатой юрты: у киргизовъ (55), астраханскихъ калмыковъ (56), бурятъ (56) и алтайскихъ тюрокъ (58).</i></p>	

Баланы и плетневая жилища: четырехгранный шалашъ алтайскихъ тюрковъ (60). *Баланы алтайскихъ* (62), чулымскихъ татаръ (62), якутовъ (63), бурятъ (68), башкиръ (68). Развитие балагана изъ шалаша (69). *Плетневая жилища (мазанки):* у телеутовъ (70), абинскихъ (71), перекопскихъ татаръ (71), ногайцевъ (72), астраханскихъ калмыковъ (72), ордосскихъ монголовъ (73) и киргизовъ (74). *Землянки:* у телеутовъ (74), киргизовъ (75) и ордосскихъ монголовъ (75). *Переходные типы отъ землянокъ къ срубамъ и мазанкамъ:* у кузнецкихъ татаръ (75), башкиръ (75), кундровскихъ татаръ (76), киргизовъ (77). *Надземная землянки:* у торгоутовъ (78) и киргизовъ (78). *Переходъ отъ надземной землянки къ срубамъ* (82). *Срубы:* у башкиръ (84), волжскихъ татаръ (86), киргизовъ (86), алтайскихъ тюрковъ (86). *Развитіе сруба у иртышскихъ киргизовъ* (87), алтайскихъ тюрковъ (87), сибирскихъ татаръ (88), башкиръ (89), бурятъ (89), якутовъ (90) акмолинскихъ киргизовъ (92). *Развитіе внутренняго устройства жилища* (94). *Развитіе очага* (95). *Устройство двора* (96). *Группировка въ селенія* (101). *Переходъ къ полусѣдности кочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи* (106), влияние лѣса на осѣданіе народности (107), переходъ къ полусѣдности въ лѣсной (108) и степной областяхъ (111). *Заключеніе* (121).

Указатель стр. I—IV

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩА У КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ РОССИИ.

I.

Типы переносных жилищъ

Коническій шалашъ и рѣшетчатая юрта.

а) Конические шалашы: въ качествѣ постоянного и временнаго жилища: у карагассовъ, алтайскихъ тюрковъ, абаканскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и абинскихъ татаръ, качинцевъ, бурятъ, башкиръ, якутовъ, долганъ, монгольскихъ народностей Монголіи, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Развитие коническаго шалаша въ связи съ вліяніемъ мѣстности и занятій. Зачати двора: изгороди для скота. Группировка жилищъ строеній въ селенія.—б) Рѣшетчатая юрта: Развитие рѣшетчатой юрты изъ коническаго шалаша. Калмыцкій и киргизскій типы рѣшетчатыхъ юртъ. Вѣншнее и внутреннее устройство рѣшетчатыхъ юртъ у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ и азиатскихъ монголовъ. Рѣшетчатая юрта: у туркменъ, сартовъ въ Хами, башкиръ, алтайскихъ тюрковъ, качинскихъ татаръ, каракалпаконъ, бурятъ, кундровскихъ татаръ и караногайцевъ. Передвижныя юрты на колесахъ: свадебная арба и отовъ караногайцевъ. Юрты на колесахъ у татаръ въ XIII в., употребленіе ихъ среди волжскихъ, бессарабскихъ и переконскихъ татаръ въ XVIII в. Мѣсто, занимаемое этимъ типомъ юртъ среди остальныхъ типовъ кочеваго жилища. Развитие рѣшетчатыхъ юртъ. Группировка рѣшетчатыхъ юртъ въ селенія. Развитие двора (помѣщенія для склада имущества и для охраненія скота отъ зимнихъ вьюговъ).

Культурный ростъ каждаго даннаго племени выражается во внѣ между прочимъ и въ усовершенствованіи и развитіи жилища; вслѣдствіе этого исторія развитія послѣдняго можетъ представлять интересъ для этнографіи съ точки зрѣнія изученія культурной исторіи извѣстнаго племени. Съ другой стороны, для этнографіи, занимающейся вообще законами развитія человѣчества, посколькѣ

это касается матеріальнаго и духовнаго быта, необходимо систематизировать имѣющійся въ ея распоряженіи матеріалъ: систематизацію матеріала удобнѣе всего дѣлать по племеннымъ группамъ, такъ какъ, изучивши законы развитія въ извѣстной сферѣ въ предѣлахъ разныхъ племенъ въ отдѣльности, легче ориентироваться въ матеріалѣ и, — отыскавши сходность законовъ развитія среди ряда племенъ — восходить къ установленію болѣе общихъ законовъ.

Исторія развитія жилища была предметомъ изученія по отношенію къ германцамъ, финнамъ, отчасти славянамъ. Предполагая представить отдѣльно исторію развитія жилища у русскихъ крестьянъ, мы въ настоящей работѣ обратимъ исключительное вниманіе на исторію жилища у народностей тюркскихъ и монгольскихъ. Причемъ только тѣхъ изъ нихъ, которыя или еще продолжаютъ вести кочевой образъ жизни или находятся въ періодѣ перехода къ осѣдлому быту. При изложеніи мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тюрковъ и монголовъ въ Россіи: число представителей тюркскихъ и монгольскихъ народностей въ предѣлахъ нашей родины весьма значительно: общее число ихъ на много превышаетъ 6 милліоновъ: большая масса ихъ еще не вполне сдѣлалась осѣдой. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ, различныя тюркскія и монгольскія народности очутились въ разныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ: мы встрѣчаемъ между ними и горныхъ, и степныхъ, и лѣсныхъ кочевниковъ. Эти условія не могли не вліять на ходъ развитія жилища, и матеріалъ, имѣющійся по этому вопросу, даетъ вполне возможность установить главныя, по крайней мѣрѣ, стадіи развитія ихъ жилища.

При переходѣ къ осѣдлости эти народности въ большинствѣ случаевъ подчинялись вліянію своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей; вслѣдствіе этого исторія жилищъ осѣдыхъ тюрковъ или монголовъ не можетъ считаться вполне самостоятельной: она является скорѣе одной изъ главъ исторіи жилища тѣхъ народностей, вліянію которыхъ подчинялись турки или монголы по переходѣ къ полной осѣдлости.

Если мы соединяемъ воедино исторію жилища у тюрковъ и монголовъ, то дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) народности обѣихъ племенныхъ группъ представляютъ много чертъ сходства какъ по образу жизни, такъ и по тѣмъ физическимъ условіямъ, среди которыхъ имъ приходится жить. Наконецъ куль-

турный уровень, достигнутый ими въ разныхъ мѣстностяхъ, оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ. Вслѣдствіе этого мы вправѣ ожидать, что и исторія развитія жилища у нихъ представляетъ много сходства. 2) Во многихъ мѣстностяхъ народности тюркской и монгольской группъ живутъ въ Россіи издавна рядомъ, слѣдовательно вѣками могли оказывать вліяніе другъ на друга, и отличить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это вліяніе не всегда представляется возможнымъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи русской этнографіи.

Быть кочевника представляется намъ обыкновенно устойчивымъ и неподвижнымъ; причиной этой кажущейся неподвижности является главнымъ образомъ то, что перемѣны въ культурномъ уровнѣ кочевника происходятъ дѣйствительно медленно. Но если взглянуть ближе и сравнить современный духовный и общественный бытъ многихъ кочевыхъ народностей Россіи съ той картиной, которую намъ начерчиваютъ болѣе старые авторы, нетрудно замѣтить, что кочевникъ не только не замеръ въ извѣстныхъ формахъ, но что онъ продолжаетъ подвигаться впередъ по пути культуры, хотя само движеніе и происходитъ медленно. Совершается перемѣна въ религіозныхъ взглядахъ: шаманизмъ во многихъ мѣстахъ замѣненъ магомѣтанствомъ или буддизмомъ; древніе рода распались и образовали особыя группы, входящія въ составъ уже различныхъ народностей; произошли перемѣны и въ одеждѣ и пищѣ и въ домашней обстановкѣ. Дѣйствительно, въ сферѣ матеріальной культуры эти перемѣны менѣе замѣтны: кибитки, въ которыхъ кочуютъ и въ настоящее время многія тюркскія и монгольскія народности, оказываются въ общихъ чертахъ почти совершенно такими-же, какими были по описанію лицъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ этими народами за нѣсколько вѣковъ до нашего времени. Но чтобы достигнуть этой формы жилища, монголу или тюрку пришлось пройти длинный путь, и кибитка, которую въ сравненіи съ развитыми жилищами осѣдлыхъ народовъ можно назвать «первобытной», оказывается продуктомъ многовѣкового развитія племени, до котораго однако поднялись далеко еще не всѣ представители его.

Если окинуть бѣглымъ взглядомъ виды жилищъ, которые мы встрѣчаемъ въ настоящее время у кочевыхъ и полукочевыхъ тюр-

ковъ и монголовъ, мы замѣтимъ значительное разнообразіе типовъ; опредѣлить, какой изъ нихъ долженъ былъ предшествовать другому, въ случаяхъ, когда мы не встрѣчаемъ точки опоры въ исторіи, можно только путемъ слѣдующихъ соображеній: изъ двухъ формъ одного и того-же типа жилища болѣе древнимъ должно считаться болѣе простое, устройство котораго менѣе сложно; но это соображеніе должно быть проверено изученіемъ переживаній въ способахъ постройки. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе древнее, болѣе первобытное жилище не покидается народомъ окончательно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переходитъ жить въ болѣе прочно и удобно устроенное жилье; старая форма продолжаетъ сохраняться или въ качествѣ временнаго жилища, напр. лѣтняго, или въ качествѣ хозяйственной постройки. Только найдя у народовъ, перешедшихъ къ высшимъ формамъ жилища, старыя формы въ качествѣ переживанія, мы можемъ съ увѣренностью говорить, что первобытная форма, которую мы застаемъ еще господствующей у нѣкоторыхъ болѣе низко стоящихъ народностей, была въ употребленіи и у тѣхъ, которыя въ настоящее время перешли къ высшимъ формамъ. То-же слѣдуетъ имѣть въ виду и при опредѣленіи преемственности различныхъ типовъ. Кроме того, переходъ отъ одного типа жилища къ другому совершается обыкновенно лишь постепенно: болѣе древній типъ постройки подвергается измѣненіямъ и улучшеніямъ, къ нему дѣлаются пристройки и т. д., такъ что, восходя отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ типамъ, мы можемъ прослѣдить между крайними пунктами развитія жилья, — наиболѣе простымъ и наиболѣе сложнымъ, — цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ.

Если разсмотрѣть съ этихъ точекъ зрѣніи различные типы жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей, живущихъ въ Россіи, то придется признать, что эмбриономъ развитія является шалашъ: кочевой бытъ, какъ и бытъ охотничій требуетъ частыхъ перемѣнъ мѣстъ остановокъ и уже поэтому является возможнымъ признать а priori, что первобытная форма жилища должна была быть или легко переносимой или по крайней мѣрѣ легко устраиваемой на новомъ мѣстѣ остановки. Шалашъ въ томъ или другомъ видѣ является формой широко распространенной у кочевыхъ тюрковъ и монголовъ.

Изъ этого типа жилища наиболѣе первобытную форму мы на-

ходимъ среди карагасовъ¹⁾, а также среди алтайскихъ тюрковъ. У карагасовъ единственнымъ жилищемъ, какъ лѣтомъ такъ и зимой, служить конусообразный шалашъ, составленный изъ листовенныхъ или еловыхъ жердей, покрываемыхъ лѣтомъ березовою корою, зимою — оленьими или лосиными выдѣланными кожами. Юрта имѣетъ 3—4 сажени въ поперечникѣ основанія. Внутреннее устройство ея до крайности просто: въ серединѣ горитъ огонь, раскладываемый безъ особаго очага; на немъ готовится пища и варится чай. На стѣнѣ противоположной входу виситъ образъ (по большей части св. Николая); подъ нимъ размѣщено въ сумакъ имущество. «Правая отъ образа стѣна составляетъ почетное мѣсто: тамъ укладываются на оленьихъ шкурахъ и угощаются гости. На лѣвой отъ образа сторонѣ помѣщается хозяинъ юрты съ хозяйкой. На правой отъ входа стѣнѣ хранится домашняя утварь, на лѣвой... винтовки, сѣти, сѣдла и т. д. Скотъ, состоящій изъ оленей, не помѣщается въ особыхъ юртахъ: онъ пасется круглый годъ подъ открытымъ небомъ». Такъ какъ жерди, служащія для составленія остова конусообразной юрты, тяжелы, то карагасы при перекочевкахъ обыкновенно не берутъ ихъ съ собой; они переносятъ лишь покрышки юртъ. Жерди-же, т. е. остовъ юрты остается на мѣстѣ; въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія этихъ перекочевковъ было уже только три: зимнiя—для звѣринаго промысла, лѣтнiя—для пастибища оленей, и осеннiя—для производства рыбной ловли²⁾.

Такимъ образомъ, эти юрты не переносятся, такъ какъ мѣста остановокъ теперь постоянныя; но еще въ прошломъ столѣтiи образъ жизни карагасовъ былъ бродячiй, и юрты должны были переноситься при частыхъ перемѣнахъ мѣстъ жительства. По словамъ Палласа, карагасы питаются одною ловлею и у себя другого скота не держатъ, кромѣ нѣсколькихъ оленей, на которыхъ имѣнiе свое съ мѣста на мѣсто перевозятъ... Юртишки свои покрываютъ звѣринными шкурами, коими одѣваются и сами. На одномъ

1) Хотя карагасы повидимому представляютъ племя сибирское, но тюркскiй элементъ въ нихъ настолько значителенъ, что въ настоящее время ихъ смѣло можно причислить къ тюркамъ. Въ виду того, что съ языкомъ воспринимается обыкновенно и культура, мы не видимъ основанiя выдѣлять ихъ, при изложенiи исторiи жилища, отъ прочихъ тюркскихъ народностей.

2) Этнограф. Сбор. И. Р. Г. О. IV. Карагасы, стр. 5.

мѣстѣ рѣдко они простаиваютъ два или три дня. Лѣтомъ таскаются съ мѣста на мѣсто вдоль по рѣкамъ для сараны, которая составляетъ главнѣйшее ихъ пропитаніе.¹⁾ Такимъ образомъ, за сравнительно краткій промежутокъ времени можно наблюдать культурный прогрессъ среди карагасовъ. Изъ бродячаго народа они становятся кочевыми, совершаютъ правильныя передвиженія въ различныя времена года; ихъ жилища сохраняютъ тотъ-же первобытный типъ, во до извѣстной степени становятся постоянными: карагасъ заботится только еще о доставленіи защиты отъ холода и непогоды исключительно себѣ и своей семьѣ; о защитѣ скота онъ еще не думаетъ: его олени и зиму проводятъ на открытомъ воздухѣ; ²⁾ повятія о дворѣ еще не существуетъ даже въ зародышѣ. Очагъ находится также въ первобытномъ состояніи: онъ ничѣмъ не огороженъ; помѣщеніе его въ срединѣ юрты объясняется круглой формой ея и нахожденіемъ дымового отверстія естественно посрединѣ, на мѣстѣ скрѣпленія жердей.

Юрты алтайскихъ тюрковъ весьма близко подходятъ къ только что описаннымъ. Многіе изъ числа кочевыхъ алтайцевъ, въ особенности бѣдные, не имѣютъ другого жилища. Юрта такъ же, какъ и у карагасовъ, состоитъ изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ; число жердей колеблется между 10 и 14; длина ихъ отъ 7 до 9 аршинъ. Юрты покрываются однако не звѣриными шкурами, а войлокомъ, что знаменуетъ уже извѣстный прогрессъ сравнительно съ юртой карагасовъ: знакомство съ овцеводствомъ, почти неизвѣстнаго послѣднимъ, позволяетъ алтайцамъ выдѣлывать кошмы. Такъ какъ культура алтайцевъ не чужда вліянію болѣе развитыхъ сосѣдей-кочевниковъ, что между прочимъ выражается въ фактѣ употребленія алтайцами и рѣшетчатой юрты, то есть основаніе предполагать, что и съ искусствомъ изготовленія кошемъ, равно и употребленіемъ послѣднихъ въ качествѣ покрытія ими своихъ шалашей, они познакомились черезъ посредство своихъ сосѣдей. Однако обычай покрывать лѣтнія конусообразныя жилища берестой еще господствуетъ.³⁾ Устроенная, какъ и только что описанная, лѣтняя юрта отличается нѣсколько болѣе большими размѣрами. Жерди прикрываются берестой и толстой корой лиственницы или сосны. Дымовое отвер-

¹⁾ П а л л а с ъ. Путешествіе. III, пол. 1-я, стр. 424, 435.

²⁾ Этногр. Сб. И. Р. Г. О. IV, стр. 5.

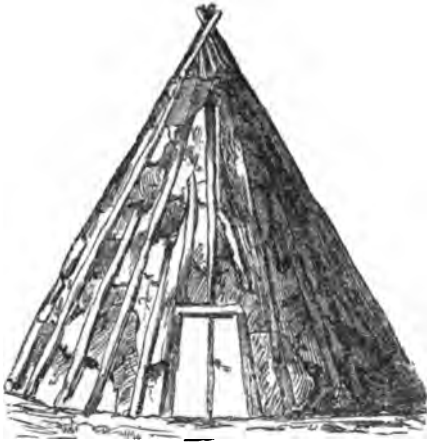
стие часто прикрывается войлокомъ. Рисунки обоихъ видовъ юртъ, покрытой войлокомъ (*соолты*) и покрытой берестой и корой (*алатчикъ*), изображены В. Радловымъ (*Aus Sibirien. I*, табл. 5 и 6; см. рис. 1 и 2). По словамъ В. Радлова, хорошо устроенная берестяная юрта практичнѣе покрытой войлокомъ; послѣдній, если судить по описаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, обыкновенно бываетъ худъ и оказываетъ плохую защиту отъ непогоды. Такъ какъ жерди, употребляемыя алтайцами для постройки указанныхъ видовъ юртъ, отличаются сравнительно большими размѣрами, то они при перемѣнахъ мѣстъ кочевокъ обыкновенно не переносятся (въ особенности берестяныя), какъ и карагасскія, а такъ какъ берестяныя юрты обыкновенно болшихъ размѣровъ, чѣмъ аналогичныя, прикрытыя войлоками, то устройство ихъ естественно возможно исключительно въ лѣсистыхъ пространствахъ. Вслѣдствіе богатства Алтая лѣсомъ эти виды жилищъ все-таки остаются наиболѣе дешевыми, благодаря чему они и сохраняются преимущественно среди бѣднаго населенія, въ то время какъ болѣе состоятельные перешли уже къ другимъ, усовершенствованнымъ видамъ жилья. Въ изображенной на рис. 2 берестяной юртѣ устроена уже дверь въ рамѣ; это естественно позднѣйшее усовершенствованіе первобытнаго типа жилья, усовершенствованіе, котораго, какъ мы это увидимъ ниже, лишены иногда и болѣе сложные типы жилищъ кочевниковъ; подобныя-же дверныя рамы встрѣчаются иногда и на юртахъ войлочныхъ, но обыкновенно входъ въ нихъ устраивается слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ, гдѣ предполагають устроить

1. Коническая войлочная юрта алтайскихъ тюрковъ.

1. Коническая войлочная юрта алтайскихъ тюрковъ.

отверстіе для двери, жерди разставляются шире; на высотѣ 1½ арш. отъ земли прикрѣпляютъ поперечную жердь; отверстие прикрывается привѣшеннымъ кускомъ кошмы или звѣриной шкурой. Для поддержанія поставленныхъ конусомъ жердей шалаша часто ус-

2. Коническая берестяная юрта алтайскихъ тюрковъ.

транваютъ два поперечныхъ кольца, свитыхъ изъ прутьевъ, которыя и поддерживаютъ жерди, придавая имъ больше устойчивости ¹⁾.

Внутреннее расположеніе юрты лучше всего, насколько намъ извѣстно, описано В. Радловымъ, у котораго приведенъ и планъ внутренняго устройства юрты ²⁾. Устройство всѣхъ юртъ, какъ первобытныхъ шалашей, такъ и болѣе сложныхъ типовъ, извѣстныхъ среди алтайцевъ, одинаково; различіе заключается лишь въ убран-

ствѣ, количествѣ мѣшковъ въ которыхъ хранится имущество семьи, ковровъ и въ размѣрахъ самой юрты. Какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго описанія внутреннее устройство жилищъ алтайскихъ тюрковъ въ существенномъ ничѣмъ не отличается отъ устройства аналогичныхъ жилищъ у карагасовъ.

Въ срединѣ юрты находится очагъ, въ которомъ поддерживается непрерывно огонь. Надъ очагомъ ставятъ большой треножникъ, а на послѣднемъ утверждается котелъ. Лѣвая половина шалаша, считая отъ дверей, образуетъ мужскую половину, правая — женскую. Часть шалаша въ мужской половинѣ, ближе къ дверямъ, назначается для менѣ почетныхъ гостей; другая часть,

1) Radloff: Aus Sibirien I. стр. 267, 270; Вербницкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12; Ядринцевъ: Отчетъ о поѣздѣ въ горный Алтай; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. IV. стр. 26—27, Ядринцевъ: Алтай и его инородческое царство въ Истор. Вѣст. XX. стр. 631.

2) Radloff. о. с. стр. 270 и слѣд.; табл. 6. Ср. Вербницкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

ближе къ стѣнѣ, противоположной двери, называется *tөр* (*tör*)¹⁾ и по значенію своему равняется красному углу русской избы. Здѣсь помѣщаются хозяева и почетные гости. За төромъ вправо часто помѣщается хозяйская постель (*орула*),²⁾ передъ которой устраиваютъ обыкновенно занавѣску,двигающуюся по шнурку. Недалеко отъ постели влѣво, почти противъ входныхъ дверей, устраивается божница; она украшена коврами, ими-же прикрытъ полъ въ этомъ мѣстѣ; съ жердей свѣшиваются изображенія идоловъ: священное мѣсто юрты находится слѣдовательно въ той-же части, какъ и у карагассовъ; съ тѣмъ лишь различіемъ, что мѣсто идоловъ у алтайцевъ-шаманистовъ, заняла у карагассовъ-православныхъ христіанская икона. Священные предметы и изображенія помѣщаются алтайцами иногда кромѣ этого еще снаружи, передъ юртой: между двумя жердями протягивается шнурокъ, на которомъ висятъ пестряя тряпки, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ. Стѣны юрты увѣшаны мѣшками, въ которыхъ хранится имущество семьи, хозяйственные принадлежности, орудія и пр. Слева отъ дверей помѣщается часто и молодой скотъ. Внутренность юрты представляетъ закопченныя стѣны: почти непрерывно поддерживаемый въ очагѣ огонь наполняетъ юрту ѣдкимъ дымомъ, къ которому при мѣшивается кисловатый запахъ.

Зимой юрты (войлочные) покрываются двойнымъ покровомъ кошмы; иногда ихъ до извѣстной высоты прикрываютъ и снѣгомъ, но въ общемъ войлочная юрта въ меньшей степени спасаетъ отъ стужи, чѣмъ берестяная, которую на зиму забрасываютъ до половины высоты землей и снѣгомъ.

Первобытный шалашъ, который мы встрѣтили у кочевыхъ алтайцевъ, встрѣчался или отчасти встрѣчается еще или въ качествѣ временнаго жилища или хозяйственной постройки у цѣлаго ряда тюркскихъ и монгольскихъ народностей, что даетъ право заключить, что аналогичный видъ постройки былъ нѣкогда, до перехода къ болѣе высокимъ въ культурномъ отношеніи формамъ жилищъ, широко распространенъ среди большинства представителей указанныхъ народностей.

¹⁾ Букавальное значеніе этого слова—на *огреху* (V à m b é g y, *Die primitive Cultur d. Turko-Tatarischen Volkes*, стр. 75).

²⁾ Первоначально въ значеніи *возвышеннаго мѣста* вообще (V à m b é g y, *Die pr. Cultur etc.*, стр. 79).

Такъ у тѣхъ изъ алтайскихъ тюрокъ, которые уже перешли къ жизни въ деревняхъ и строятъ себѣ избы по русскому образцу, коническія юрты еще не вполне исчезли. Въ этомъ отношеніи представляетъ характерный примѣръ дер. Кюзэнь, населенная черными татарами, которую посѣтилъ В. Радловъ: «деревня состоитъ изъ 20 домовъ, пишетъ онъ ¹⁾, изъ которыхъ большинство построено изъ балоковъ совершенно по русскому образцу; другіе жители живутъ еще въ остроконечныхъ берестяныхъ юртахъ». У полукочевыхъ алтайцевъ шалашъ сохраняется въ качествѣ лѣтняго жилья; этотъ типъ лѣтняго жилища былъ отмѣченъ еще въ XVIII в. между прочимъ у телеутовъ: лѣтнія юрты ихъ состояли изъ жердей, были подобны видомъ «кегелю» и покрыты рогожами изъ лыкъ гороховаго дерева (*Robinia Carganata* L.) или изъ камышу ²⁾. Такія-же юрты извѣстны и у абаканскихъ татаръ, причемъ онѣ были покрываемы берестой, и служили нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ и лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ.

Сибирскіе татары — барабинскіе, кузнецкіе, верхотомскіе или абянскіе, большинство которыхъ еще въ XVIII в. вело полукочевой образъ жизни, знали форму шалаша въ качествѣ жилья, постояннаго или лѣтняго. «Лѣтнія хижины (*уэ*) барабинскихъ татаръ состояли, по свѣдѣніямъ отъ XVIII в., изъ воткнутыхъ въ землю и къ верху сведенныхъ на подобіе борти шестиковъ (*тылма*). Такая юрта, которой подпоры при перекочевкѣ на другое мѣсто не вынимаются, бываетъ въ поперечникѣ сажень въ пять, и покрывается сдѣланными изъ тростнику, который укладывается прямо, рогожами (*тотанъ*)». ³⁾ Гмелинъ ⁴⁾ въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ лѣтнюю юрту кузнецкихъ татаръ: онѣ круглы, къ верху заострены; внизу въ поперечникѣ онѣ имѣютъ около 3 сажень: входъ обращенъ къ востоку; это входное отверстіе прикрывается дверью; на верху продѣлано отверстіе для дыма. Внутри устроены вокругъ стѣнъ широкія скамьи; въ срединѣ въ небольшомъ углубленіи въ землѣ устроенъ очагъ. Юрты выстроены изъ тонкихъ жердей, сведенныхъ концами вверху, и покрыты камышемъ; для противодѣйствія дождю между жердями и камышемъ настилагся

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien I, стр. 365.

²⁾ Описание ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 162.

³⁾ Описание ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 110.

⁴⁾ Gmelin: Reise durch Sibirien. I, стр. 272.

еще береста. Жилище чулымскихъ татаръ лѣтомъ было подвижное; лѣтнія юрты устраивались какъ и у барабинскихъ татаръ и покрывались берестой ¹⁾. Верхотомскіе татары, которые въ XVIII в. вели еще кочевой образъ жизни, мѣняя свое мѣстопробываніе нѣсколько разъ въ теченіе какъ лѣта, такъ и зимы, устраивали жилища «подобно кегелю» и покрывали ихъ рогожами, какъ и телеуты,; такія же жилища были извѣстны также въ прошломъ столѣтіи и тюркамъ, кочевавшимъ по р. Бирюсъ ²⁾. Качинскихъ тюрковъ (жившихъ по рр. Енисею и Катъ) Гмелинъ засталъ въ періодъ перехода отъ конусообразныхъ юртъ къ курнымъ избамъ. Несмотря на то, что путешественникъ посѣтилъ улусъ ихъ около селенія Торокина въ 1735 г. въ началѣ февраля, слѣдовательно, когда тепло еще не наступало, въ юрты переселились однако и тѣ, у которыхъ были уже курныя избы. Большинство лицъ, проводившихъ и лѣто и зиму въ шалашахъ, имѣло юрты, сложенные изъ жердей, скрѣпленныхъ поперечинами, и покрытыя берестой; только богатые покрывали остовъ оленіими шкурами. «Мы входили въ различныя юрты, пишетъ Гмелинъ, и вездѣ замѣчали, что въ срединѣ горѣлъ огонь, вокругъ котораго лежали большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти; тутъ-же ложили и собаки, съ которыми они выходятъ на охоту. Юрты были наполнены дымомъ, и мы не могли въ нихъ оставаться долго, изъ боязни задохнуться, но эти люди уже привыкли къ этому; зимой у нихъ нѣтъ другого тепла, кромѣ какъ отъ очага, который горитъ въ юртѣ» ³⁾.

На удушливый воздухъ и на ѣдкій дымъ, господствующій въ юртахъ жалуются вообще всѣ путешественники. Выше мы привели слова Радлова по этому поводу; этотъ-же путешественникъ такъ описываетъ свое ощущеніе при входѣ въ юрту, хотя послѣдняя, среди типовъ алтайскихъ жилищъ, принадлежала къ лучшимъ. «Когда я въ первый разъ вошелъ въ алтайскрю юрту, я чуть не потерялъ сознанія; непроницаемый дымъ наполнялъ все помѣщеніе, такъ что я невольно закрылъ глаза отъ боли. Лишь нѣсколько минутъ спустя пришелъ я снова въ себя... Оставаться долгое время въ юртѣ алтайскихъ калмыковъ чистое мученіе... Первая ночь,

¹⁾ Описание ...вародовъ, изд. Миллера, II, стр. 146.

²⁾ *ibid.* стр. 170, 171.

³⁾ Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 380, 381.

которую я провелъ въ юртѣ, далеко не была пріятной, такъ какъ послѣ того, какъ огонь угасъ, стало такъ холодно, что я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не могъ заснуть. Кромѣ того угаръ и дымъ причинили мнѣ сильную головную боль. Для меня совершенно непонятно, замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, какъ алтайцы могутъ выносить зиму въ своихъ юртахъ, такъ какъ даже лѣтомъ приходится въ достаточной мѣрѣ страдать отъ холода: вѣтеръ и дождь проникаютъ въ каждую юрту, и если дождь сильный, то юрта начинаетъ протекать со всѣхъ сторонъ, такъ что сидящіе должны надѣвать войлочное покрывало на голову и спину» ¹⁾. «Внутренность юрты, замѣчаетъ В. И. Вербицкій, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юртѣ, то вліяніе дыма сначала незамѣтно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что ночлегъ для нихъ не благоприятенъ: ихъ что-то ѣсть. По проведеніи-же цѣлой ночи въ юртѣ, на свѣжѣмъ воздухѣ долго нельзя открыть глаза отъ рѣзи. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много больныхъ глазами» ²⁾.

У сѣверныхъ бурягъ, по словамъ М. Хангалова, въ старину были употребительны въ качествѣ жилища шалаши, т. наз. *бухэке*, которые устраивались слѣдующимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обертывались большими полостями изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался незакрытымъ; дымъ выходилъ въ щели между жердями. Иногда бухэке строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэке, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрывки не употреблялись ³⁾.

Подобныхъ коническихъ юртъ въ настоящее время у бурягъ, кажется, не встрѣчается. Но у селенгинскихъ бурягъ онѣ были

1) Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 273—275.

2) В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

3) Этногр. Обзор. X, стр. 144, 145. Само слово *бухэке* г. Хангаловъ приводитъ отъ бурятск. *бухэке* — *наклоняться*, „такъ какъ входъ въ бухэке дѣлался очень низкимъ“.

извѣстны еще въ началѣ текущаго столѣтія. А. Эрманъ, видѣвшій ихъ въ 1829 г., оставилъ подробное описаніе ихъ. Юрты состояли изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ такъ, чтобы верхніе концы ихъ сходились; такъ какъ описываемыя юрты служили зимнимъ жилищемъ, то остовъ былъ покрытъ двойнымъ рядомъ войлока. Эрманъ отмѣчаетъ, что по формѣ онѣ отличаются отъ самоѣдскихъ чумовъ тѣмъ, что конусъ менѣе остръ. Внутреннее устройство заключалось въ слѣдующемъ: противъ дверей у стѣны находилась божница, состоявшая изъ двухъ поставленныхъ другъ на друга ящиковъ, съ священными предметами и изображеніями. Очагъ находился въ центрѣ конуса, причемъ огонь раскладывался въ ямѣ. Вокругъ очага были разложены кошмы и перины, служившія постелями ¹⁾.

Среди башкиръ, въ Уфимской губ., въ мѣстностяхъ, гдѣ они перешли уже къ осѣдлости, сохраняется въ качествѣ переживанія обычай устройства первобытнаго шалаша, на усадьбѣ. Шалашъ дѣлается изъ плетня, промазаннаго навозомъ, сверху котораго онъ покрывается соломой; шалашъ имѣетъ круглую форму; внутри, въ среднѣ, на камняхъ устанавливается котель, въ которомъ башкиры варятъ себѣ пищу ²⁾.

У якутовъ конической шалашъ продолжаетъ еще существовать въ качествѣ лѣтняго жилища, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ. Этотъ видъ жилья описанъ какъ болѣе старыми, такъ и болѣе новыми писателями. Такъ напр. Штраленбергъ замѣчаетъ, что «лѣтнія жилища ихъ (якутовъ) круглы, какъ колпакъ съ сахарной головы, и обложены берестой, которую они крашеными конскими волосами пестро убираютъ и вышиваютъ,—съ открытымъ отверстіемъ для дыма, такъ какъ они дѣлаютъ свои каминны и огнища прямо посреди юрты съ крюкомъ, на который они вѣшаютъ... горшки... и котлы» ³⁾. Въ изданномъ Миллеромъ «Описаніи... народовъ» ⁴⁾ объ якутскихъ лѣтнихъ жилищахъ сказано, что они состоятъ изъ жердей, подобны кегелю и покрываются берестой. Миддендорфъ описываетъ эти лѣтнія юрты, какъ не-

¹⁾ A d. E r m a n : Reise um die Erde II, стр. 103—105.

²⁾ Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XI, 2, стр. 164.

³⁾ S t r a h l e n b e r g : Das Nord-und Oestliche Theil v. Europa u. Asien. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. Казанск. Ун. XI, вып. 3, стр. 244.

⁴⁾ т. II, стр. 128 (СПБ. 1776).

сравненно болѣе уютныя, чѣмъ зимнія жилища якутовъ; онѣ просторны, прохладны и довольно красиво сдѣланы изъ бересты; онѣ называются урось ¹⁾ «и сооружаются посреди привѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, вдали отъ зимняго мѣстопробыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастыбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребають подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна якутъ заготовляетъ только для рогатаго скота» ²⁾.

По словамъ Мейнсгаузена ³⁾, который видѣлъ уросы у вилюйскихъ якутовъ, они имѣють до 21 фута въ поперечникѣ. Входъ съ востока. Жерди покрываются корой лиственницы или берестой. Этотъ типъ жилищъ сохрывается еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и у богатыхъ якутовъ до настоящаго времени и тогда, когда лѣтнія и зимнія юрты строятся болѣе совершеннымъ образомъ: богатые (якуты), пишетъ В. Л. Приклонскій, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокъ, ставятъ *урасу*: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердой заплетается для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. *курду*, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которою въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бывають 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украшеніями и швами изъ окрашеннаго конскаго волоса. Внутреннее устройство урасы то-же, что и въ четырехугольной юртѣ, о которой нами будетъ сказано ниже. Очагъ находится посрединѣ, причемъ онъ представляетъ собой ящикъ, набитый глиной ⁴⁾.

У долганъ коническій шалашъ, покрываемый оленьими шкурами продолжаетъ, по словамъ Миддендорфа ⁵⁾, строятся даже среди зимовокъ, которыя уже представляютъ изъ себя срубы (см. рис. въ гл. II).

¹⁾ По другимъ *Urasa*. (V&thbegr. Das Türkenvolk, стр. 154).

²⁾ Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II. стр. 781, 782.

³⁾ К. Meinhäusen: Nachrichten über das Wilui-gebiet въ Beitr. z. Kenntniss d. Russisch. Reiches. XXVI, стр. 35.

⁴⁾ В. Л. Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII. стр. 23, 24.

⁵⁾ А. Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II, стр. 694.

У монголовъ, кочующихъ внѣ предѣловъ Россіи, коническіе шалаши продолжаютъ еще сохраняться, въ качествѣ жилищъ бѣднѣйшаго населенія; эти шалаши прикрываются старымъ, прокопченнымъ войлокомъ, и употребляются въ качествѣ жилья не только лѣтомъ, но и зимой ¹⁾. О нихъ-же упоминаетъ и Г. Н. Потанинъ: по его словамъ, эти шалаши употребительны въ сѣверной Монголіи и называются *обахаи* или *хатгурь*. Для обахая берутся жерди, которыя верхними своими концами вставляются въ кругъ (*токъ*) ²⁾ Хатгурьы бывають иногда такъ малы, что двое сидящихъ людей едва въ состояніи въ нихъ помѣститься и могутъ достать рукой верхъ юрты, не вставая съ мѣста ³⁾. Другой видъ шалаша, употребительнаго у монголовъ-же, лишь формою напоминаетъ первобытный шалашъ ⁴⁾.

У астраханскихъ калмыковъ ⁵⁾ коническіе шалаши продолжаютъ еще встрѣчаться: это такъ наз. *джоломъ*, состоящій изъ жердей и покрытый кошмой; высота его въ центрѣ около 3 аршинъ.

Далѣе среди киргизовъ, даже тѣхъ, которые перешли уже къ полусѣдлому быту, сохраняются или въ качествѣ временныхъ, походныхъ жилищъ, или въ качествѣ жилья бѣднѣйшей части населенія рядъ формъ, повторяющихъ типъ первобытнаго коническаго шалаша. Такъ напр., на рис. 3 мы видимъ примѣръ подобнаго походнаго шалаша, состоящаго изъ жердей, связанныхъ

1) М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69.

2) Г. Н. Потанинъ: Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 53.

3) Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 108.

4) „Во время путешествій съ караванами или на богомолья, пишетъ М. В. Пѣвцовъ, монголы помѣщаются на ночлегахъ въ палаткахъ (*майсанъ*) изъ синей бумажной ткани (*дабы*), подбиваемой иногда внутри болѣе грубою и рѣдкою бумажною-же тканью (*далымбою*). Остовъ ея состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ кольевъ отъ 6 до 9 футовъ высоты, утверждаемыхъ въ разстояніи 7—11 фут. другъ отъ друга и снабженныхъ на верхнихъ концахъ желѣзными ушками, сквозь которыя продвѣвается третій колъ, служащій гребнемъ, или конькомъ остова. На этотъ остовъ натягивается палатка, полы которой прикрѣпляются посредствомъ веревокъ внизу къ желѣзнымъ кольцамъ, вбиваемымъ въ землю. По наружному виду, монгольская палатка напоминаетъ нѣсколько крутую шестигранную кровлю. Остриемъ или носомъ, она для устойчивости обращается въ навѣтренную сторону, а противоположная сторона, состоящая изъ двухъ полъ заключаетъ между ними отверстіе, служащее дверью.

5) И. Жителіи: Очеркъ быта астраханскихъ калмыковъ, стр. 4.

на верху и прикрытыхъ кошмой такъ, что остается отверстіе для входа и дымовое отверстіе на верху; огонь раскладывается посрединѣ. Иногда походный шалашъ (*кошъ*), служащій также и жилищемъ пастухамъ, устраивается на подобіе коническихъ шалашей алтайскихъ тюрковъ: кошъ, употребляемый азіатскими киргизами, въ своемъ простѣйшемъ видѣ состоитъ изъ деревянныхъ круговъ

3. Походный шалашъ букеевскихъ киргизовъ.

отъ 1—2 саж. въ діаметрѣ, соединенныхъ по окружности жердыми ¹⁾. Нѣсколько болѣе сложный типъ представляетъ употребляемый азіатскими-же киргизами типъ шалаша, извѣстный подъ названіемъ *аблайча*; она состоитъ изъ прямыхъ жердей, поставленныхъ наклонно; на верху жерди вставляются въ особо для того приспособленный кругъ—*чатаракъ*. Одна кошма покрываетъ остовъ, причеиъ такъ, что на верху оставляется отверстіе для дыма. Въ настоящее время аблайча употребляется только въ качествѣ походной юрты. Народное преданіе приписываетъ изобрѣтеніе ея хану Аблаю, который ввелъ эту форму шалаша для своего войска,

¹⁾ В. Ш н о: Зимовки ...кочевниковъ Акмолинской, Обл., стр. 11—въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1.

откуда и названіе шалаша—аблайча¹⁾. По своей формѣ аблайча рѣзко отличается отъ остальныхъ видовъ жилищъ у киргизовъ, и преданіе, приписывая изобрѣтеніе ея у киргизовъ хану Аблаку, повидимому, стремилось лишь объяснить то рѣзкое отличіе, которое представляетъ болѣе архаичный типъ шалаша, отъ сравнительно сложныхъ по своему устройству рѣшетчатыхъ кибитокъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что коническая форма шалаша является распространенной и наиболѣе древней у тюркскихъ народностей, что она²⁾ была извѣстна монголамъ, и что этотъ типъ слѣдуетъ считать первичнымъ въ исторіи развитія жилья у указанныхъ племенныхъ группъ.

Однако, какъ ни просто устройство коническаго шалаша, въ описанныхъ нами у разныхъ народовъ типахъ мы не всегда встрѣчаемъ однообразіе: это даетъ намъ возможность намѣтить главныя ступени развитія коническаго шалаша.

Въ описаніи устройства остова слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что первоначальное скрѣпленіе жердей посредствомъ простаго связыванья верхнихъ концовъ замѣняется слѣдующими приспособленіями: для поддержанія жердей въ неизмѣнномъ направленіи онѣ скрѣпляются кольцами, свитыми изъ прутьевъ; далѣе верхнія концы жердей, образующихъ остовъ, вставляются уже въ особо приспособленный для этого кругъ — чангаракъ. Этотъ послѣдній не является въ своей первоначальной формѣ въ аблайчѣ³⁾. Едвали будетъ рискованнымъ предположить, что чангаракъ образовался первоначально изъ такого-же витка изъ прутьевъ кольца, какъ и нижнія кольца, и служилъ лишь для распиранія верхнихъ концовъ жердей, и только впоследствии сталъ выдѣлываться изъ дерева, съ отверстиями для вставляванія жердей. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ, что верхній кругъ (*тонъ*) въ сѣверной Монголіи представляетъ лишь легкій обручъ, согнутый изъ тонкаго ивоваго прута³⁾. Далѣе еще въ коническихъ шалашахъ мы видимъ зародыши дверной рамы; прежде просто раздвигаемыя для устройства дверного отверстія жерди въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрѣпляются поперечнымъ кускомъ дерева. Наконецъ,

1) Записки Зап. Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XV, 3. стр. 11, ст. Маховца
аго: Юрта.

2) Устройство чангарака будетъ описано ниже.

3) Г. Н. Потанинъ: Тангутско-тибетская окраина Китая. I. стр. 53.

въ отношеніи покрытія юрты важная переѣна заключается въ замѣнѣ звѣриныхъ шкуръ войлокомъ (кошмами). Прежде чѣмъ сдѣлаться скотоводами, въ частности овцеводами, турки и монголы прошли періодъ охотничьяго, звѣроловческаго быта,—стадія, на которой мы теперь еще застаемъ карагассовъ и нѣкоторыхъ алтайскихъ тюрковъ.

На этой стадіи развитія покрытіемъ шалаша могли служить только звѣриныя шкуры или древесная кора, а зимою кромѣ того еще земля и снѣгъ, какъ это мы видимъ и въ настоящее время еще у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ народностей. Лишь съ переходомъ къ чисто скотоводческому быту, когда домашній скотъ начинаетъ удовлетворять почти всѣмъ насущнымъ потребностямъ кочевника, покрытіями первобытному шалашу начинаютъ служить сначала шкуры домашнихъ животныхъ, а затѣмъ и издѣлія изъ шерсти послѣднихъ, именно кошмы, которыя вытѣсняють въ послѣдствіи всѣ остальные способы покрытія, какъ мы это, напр., видимъ у киргизовъ, у которыхъ и бѣднѣйшіе покрываютъ свои шалашы кошмами. Наконецъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, коническій шалашъ изъ легко переносимаго становится постояннымъ, что приближаетъ его въ значительной степени къ категоріи осѣдлыхъ жилищъ, хотя бы сами жители и продолжали еще вести кочевой образъ жизни: обиліе лѣса въ нѣкоторыхъ областяхъ позволяетъ строить шалашы изъ сравнительно толстыхъ жердей, вслѣдствіе чего перенесеніе ихъ затрудняется; результатомъ этого, благодаря дешевизнѣ и обилію матеріала, является стремленіе оставлять остовы шалашей на прежнихъ мѣстахъ и брать съ собой при перекочевкахъ лишь покрышки. Оставленіе на мѣстѣ шалаша развивается въ значительной степени и благодаря тому, что среди лѣсниковъ-звѣролововъ сравнительно мало распространено скотоводство: въ ючныхъ животныхъ имѣется въ распоряженіи семьи немного, едва достаточное количество для перевозки домашняго скарба. Поэтому мы видимъ, что напр. среди алтайцевъ, не нуждающихся въ лѣсѣ, первобытный коническій шалашъ не переносится, тогда какъ у степныхъ кочевниковъ, вынужденныхъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ дорожить имъ, жилище значительно болѣе развитого типа долго еще продолжаетъ быть переносимымъ съ мѣста на мѣсто. Такимъ образомъ, прослѣживая исторію коническаго шалаша, мы доходимъ до развитія почти-что осѣдлой формы жилища.

На звѣроловческой стадіи развитія человѣку приходится почти исключительно заботиться лишь о самомъ себѣ. Домашняго скота еще не существуетъ, и потому въ первобытныхъ типахъ этой формы жилища мы не видимъ никакихъ пристроекъ, изъ которыхъ могъ бы развиться дворъ. Даже съ переходомъ къ скотоводству заботы о скотѣ не сразу приводятъ къ стремленію защищать его отъ непогоды: заботами начинаетъ пользоваться сначала лишь молодой скотъ, хуже чѣмъ старый выносящій зимній холодъ; для него однако не строятъ отдѣльныхъ помѣщеній, а берутъ его въ жилую юрту, гдѣ онъ, какъ напр. у алтайцевъ, и помѣщается около входныхъ дверей. Дальнѣйшая забота заключается въ стремленіи помѣщать скоту разбрестись: для этого устраиваются изгороди, въ которыя скотъ загоняется. Далеко не всѣ изъ упомянутыхъ народностей поднялись до устройства изгородей. Мы видѣли, наприм., что ихъ нѣтъ еще у карагасовъ; онѣ не встрѣчаются и у многихъ алтайскихъ тюрковъ, продолжающихъ еще жить въ коническихъ шалашахъ. Но напр. въ Абаканской степи, среди т. наз. абаканскихъ татаръ, В. Радловъ уже отмѣчаетъ, что юрты ихъ (коническія) принимаютъ скорѣе характеръ усадебъ, такъ какъ онѣ окружаются заборами, въ которые загоняютъ скотъ.¹⁾ Впослѣдствіи мы увидимъ, что изъ подобныхъ изгородей развиваются дворы.

Наконецъ что касается расположенія жилыхъ построекъ въ поселкахъ, то прежде всего нельзя ожидать здѣсь правильности: каждый строится тамъ, гдѣ находятъ для себя удобіе. Второй характерной чертой слѣдуетъ признать незначительное число жилыхъ построекъ въ селеніи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда устраиваются уже правильныя зимовки, причѣмъ однако семейства родственныя другъ другу стремятся селиться близко другъ отъ друга. Число юртъ въ поселкѣ у карагасовъ, даже прямо зависитъ отъ числа семействъ, соединенныхъ узами родства²⁾. Телеуты на зимовки располагались колѣнами (аймаками), хотя численность входящихъ въ составъ аймака лицъ и была крайне невелика, такъ какъ „большая половина деревень такихъ, въ коихъ считается только отъ 4—10 дворовъ“.³⁾ Южный алтаецъ, пишетъ В. И.

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 375.

2) Этногр. Сб. изд. И. Р. Г. О. вып. IV, стр. 5.

3) Описаніе народовъ II, стр. 162.

Вербицкій ¹⁾, любить просторъ; ему тѣсно въ большомъ обществѣ, и потому аилы ихъ обыкновенно состоятъ не болѣе какъ изъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Незначительность поселковъ у кочевыхъ бурятъ подтверждаетъ сообщеніе Эрмана, который отмѣчаетъ, что описанный имъ поселокъ селенгинскихъ бурятъ состоялъ лишь изъ двухъ коническихъ юртъ. ²⁾ Вообще свѣдѣнія, что селеніе состоитъ лишь изъ самаго незначительнаго числа строеній, что даже часто семьи селятся въ одиночку, нерѣдки у различныхъ авторовъ. Въ числѣ причинъ, обуславливающихъ малолюдность селеній, на низшихъ ступеняхъ культуры по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ отнести одно изъ первыхъ мѣстъ соображеній чисто экономическаго характера. Относительно черневыхъ татаръ (*иши-кижи*) покойный Н. М. Ядринцевъ отмѣчаетъ эту причину совершенно основательно: „лѣсники или черневые татары, которыхъ мы наблюдали, пишутъ онъ, никогда не живутъ нѣсколькими семьями, аулами, ихъ *аилъ* — это одинъ, много два, три шалаша съ семьями вмѣстѣ; болшею частію по одному. Этому способствуетъ бѣдность пастбищъ въ лѣсахъ и стремленіе каждому имѣть шире право на охотничьи угодья. Лѣсной просторъ ничего не даетъ для пастбищъ; онъ препятствуетъ имъ; угодья въ лѣсахъ начинаютъ цѣниться какъ для скотоводства, такъ и для начинающагося первобытнаго земледѣлія“. ³⁾ Значеніе лѣса, какъ фактора, ограничивающаго свободу передвиженій, совершенно справедливо указано Н. М. Ядринцевымъ: этимъ значеніемъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что алтайскіе тюрки, какъ и карагассы, перешли отъ звѣроловческаго быта почти непосредственно къ первобытнымъ способамъ обработки земли. Но и въ степяхъ, гдѣ простора болше, экономическія соображенія — необходимость прокормить многочисленныя стада, а слѣдовательно стремленіе сохранить кормъ, приводятъ къ тому же результату: расселенію небольшими группами, состоящими изъ родственниковъ и при возрастаніи группы къ дѣленію этой послѣдней на меньшія подгруппы; при изложеніи формъ жилищъ у степныхъ кочевниковъ намъ придется еще возвратиться къ этому во-

¹⁾ В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

²⁾ Ерман: Reise, II, стр. 103.

³⁾ Н. М. Ядринцевъ: Начало осѣлости. Литературный Сборникъ (СПБ 1885), стр. 143.

просу, и мы увидимъ, что лишь стремленіе къ самосохраненію отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, приводитъ къ нарушенію этого принципа и къ расселенію болѣе или менѣе значительными группами.

Изучая преемственность формъ, мы должны рассмотретьъ прежде всего тѣ типы жилищъ, происхожденіе которыхъ отъ первобытнаго конического шалаша несомнѣнно. Однимъ изъ болѣе близкихъ въ этомъ отношеніи къ шалашу типовъ слѣдуетъ считать переносное жилище степныхъ кочевниковъ, ихъ юрты или кибитки, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „рѣшетчатой юрты“, или кибитки. Во многихъ мѣстахъ она служитъ единственнымъ жилищемъ; въ другихъ—среди скотоводческихъ народностей, перешедшихъ къ полукочевому быту и живущихъ зимой въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, она является переноснымъ шалашомъ во время лѣтнихъ перекочевокъ. Отличіе рѣшетчатой юрты отъ конической въ существенномъ заключается въ слѣдующемъ: 1) она состоитъ изъ двухъ частей: нижней вертикальной стѣнки и самостоятельнаго верха; 2) нижняя стѣнка образована изъ рѣшетки, которая можетъ складываться. Этотъ видъ шалаша чрезвычайно удобопереносимъ и вполне приспособленъ къ перекочевкамъ; онъ представляетъ высшую форму, до которой развился шалашъ. вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ характерныя черты рѣшетчатой юрты настолько отличаютъ ее отъ конической, что предполагать, чтобы она сразу появилась въ томъ видѣ, въ которомъ мы застаемъ ее теперь, едва ли возможно: рѣшетчатая кибитка внѣ сомнѣнія должна была пройти длинный путь, прежде чѣмъ развиться до настоящаго ея вида. Но прослѣдить это развитіе послѣдовательно нелегко: возможно на основаніи имѣющагося матеріала лишь намѣтить это развитіе въ общихъ чертахъ и высказать нѣкоторыя гипотезы.

Наиболѣе вѣроятнымъ отечествомъ рѣшетчатой кибитки повидимому слѣдуетъ считать степь: остовъ ея состоитъ изъ тонкихъ палокъ, деревянныя части ея сокращены до minimum'a; она чрезвычайно удобна для перевозки. Обитатели лѣса не имѣли нужды въ деревѣ: гдѣ бы они ни останавливались, они находили готовый матеріалъ для постройки себѣ жилища; кромѣ того, лѣсные жители не держатъ такихъ огромныхъ стадъ, какъ степные кочевники, которме для прокормленія скота вынуждены въ теченіе года обойти значительное количество верстъ. Только безлѣсныя пространства и вызванная ими нужда въ лѣсѣ могли научить кочевника цѣнить

его; топливомъ ему начинаетъ служить вязякъ; прежнія толстыя жерди, составляющія остовъ шалаша въ лѣсныхъ пространствахъ, должны были по необходимости замѣняться болѣе тонкими: это дѣлали необходимымъ какъ сама растительность степей, гдѣ большія деревья рѣдки, но лозякъ и камышь встрѣчаются по озерамъ, рѣкамъ и балкамъ, такъ и неувѣренность кочевника, что онъ найдетъ на мѣстѣ новой кочевки древесный матеріалъ для постройки шалаша, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ дѣлаться возможно портативнѣе.

Въ степныхъ мѣстностяхъ мы почти не находимъ типовъ, которые могли бы объяснить, появленіе обычая дѣлать юрту на верхнюю и нижнюю части, отдѣльно разбираемыя. Несомнѣнно, что коническій шалашъ, какъ бы великъ ни былъ діаметръ его основанія, представлялъ большое неудобство, вслѣдствіе наклона стѣнъ; поэтому должно было естественно сказываться стремленіе къ выпрямленію послѣднихъ. Наиболѣе простой способъ былъ надламыванье жердей. Мы уже говорили, что жерди коническихъ шалашей для устойчивости иногда скрѣпляются витыми кольцами. Если поставить жерди прямо и обломать ихъ у одного изъ колець, а затѣмъ свести ихъ концы, получится шалашъ, по контуру очень похожій на рѣшетчатую кибитку: именно, нижняя часть колець будетъ соответствовать рѣшеткѣ, а верхняя часть колець, наклоненныхъ къ центру—жердямъ, которыя составляютъ крышу рѣшетчатой юрты. Такой способъ постройки отмѣченъ Палласомъ среди татаръ на р. Сильгунъ (притокъ Чулыма), которые именно такимъ образомъ устраивали свои лѣтніе шалаша, хотя имъ извѣстна была и коническая юрта: „здѣшніе крещеные татары, пишетъ Палласъ, ¹⁾ живутъ лѣтомъ въ мерзкихъ юртахъ, кои состоятъ частію изъ сведенныхъ вверху спицею колець, частію же изъ березовыхъ колець, кои, будучи съ самой земли около нѣкоторыхъ большихъ обручевъ утверждены и обломаны, составляютъ видъ калмыцкаго шалаша, и устланы сильно разваренными и вмѣстѣ шитыми бѣлыми берестами“. Отъ надламыванья верхнихъ концовъ жердей, до привязыванья къ кольямъ, образующимъ низъ шалаша, отдѣльныхъ колець—только одинъ шагъ: подобныя юрты извѣстны алтайскимъ тюркамъ; онѣ состоятъ, по словамъ Радлова, изъ цилиндра,

¹⁾ П а л л а с ъ: Путешествіе. II, пол. 2-я, стр. 449.

вышиной приблизительно аршина $1\frac{1}{2}$, на верхній конецъ котораго опирается кегелеподобная крыша. Эти юрты не переносятся. Остовъ нижней, вертикальной стѣны юрты дѣлается изъ палокъ, вертикально воткнутыхъ въ землю, которыя на верху скрѣплены посредствомъ поперечныхъ колець. Къ верхнему концу каждой изъ стоящихъ прямо палокъ прикрѣплена жердь, образующая остовъ крыши; всѣ жерди вверху сведены вмѣстѣ, такъ что онѣ образуютъ коническую крышу; въ дверное отверстіе вставляется рама, закрываемая двойнымъ кускомъ кошмы. Остовъ покрывается кошмами, которыя обвязываются веревкой. „Эти юрты, замѣчаетъ В. Радловъ, значительно свѣтлѣе и обширнѣе, чѣмъ коническія; свѣтъ въ нихъ проникаетъ отчасти черезъ дверь, отчасти черезъ дымовое отверстіе, на много большее, чѣмъ въ конической юртѣ. Крыша этихъ юртъ значительно болѣе плоская, а діаметръ нижняго круга равняется 4—6 саженимъ. При переходѣ на другое мѣсто обитатель подобной юрты оставляетъ на мѣстѣ остовъ ея и приготовляетъ новый на новой остановкѣ, подобныя юрты встрѣчаются только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ потеря деревяннаго остова не имѣетъ значенія. ¹⁾

Въ описанныхъ типахъ мы видимъ уже отдѣленіе крыши отъ нижней части юрты, т.-е. первый характерный признакъ рѣшетчатой юрты. Что касается до появленія рѣшетки, то наиболѣе вѣроятнымъ окажется предположеніе, что колья, употребительные въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, необходимо было замѣнять палками изъ тонкаго лѣса въ степныхъ мѣстностяхъ, устраивать плетень, который и послужилъ прототипомъ рѣшетки. Такой именно плетень, быть можетъ, и разумѣлъ Палласъ ²⁾, когда при описаніи *непередвижныхъ* юртъ кундровскихъ татаръ онъ характеризуетъ нижнія стѣны юртъ слѣдующими словами: „круглыя оныхъ стѣны состоятъ изъ плетня изъ весьма тонкихъ палочекъ составленнаго, а крышка оныхъ ничто иное есть, какъ плосковатый сводъ нагнутыхъ палочекъ, кои однимъ концомъ къ плетню, а другимъ прикрѣплены къ обечайкѣ продушины, для дыму оставленной“.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываются эти юрты и въ „Описаніи народовъ“: ³⁾ „у кундровцевъ совсѣмъ отмѣнены юрты.

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268.

²⁾ Палласъ: Путешествіе III, пол. 2, стр. 141.

³⁾ Изд. Миллера. II, стр. 41.

Онѣ въ поперечникѣ не будутъ и въ двѣ сажени, а составлены такъ, что *не можно* ихъ разбирать. Потолкомъ служить плоскій сводъ изъ согнутыхъ въ дугу колышковъ, которые ради отверстія же для дыму и свѣту сводятся въ кольцо; надъ отверстиемъ же симъ вѣшаютъ они для красоты пеструю тряпицу. Стѣны сдѣланными изъ тростнику рогожами, а весь шалашъ войлоками покрывается такъ, что покрывки сей снимать нельзя“. Что стѣны юрты въ данномъ случаѣ не представляютъ еще рѣшетки, слѣдуетъ заключить изъ того, что юрты кундровскихъ татаръ противопоставляются юртамъ кочевыхъ ногайцевъ, которыя „состоятъ изъ частокола, который при всякой перекочевкѣ ставится вновь“. 1) Въ пользу предположенія развитія рѣшетчатой юрты въ областяхъ безлѣсныхъ говорить и то, что деревянныя части юрты въ настоящее время приобретаются кочевниками иногда издалека. Въ восточномъ Алтаѣ, по словамъ Г. Н. Потанина, и въ другихъ безлѣсныхъ мѣстахъ юрочныя рѣшетки получаютъ изъ лѣсныхъ мѣстностей, гдѣ ихъ дѣлаютъ сами монголы. Въ г. Уляссутаѣ деревянныя части юртъ приготавливаютъ китайцы; деревянный остовъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ стоитъ отъ 4—7 чаевъ. 2)

Рѣшетчатая кибитка (монгольск. *иръ, керъ*, тюркск. *юрта*) широко распространены у тюркскихъ и монгольскихъ народностей, ведущихъ кочевой или полукочевой образъ жизни. Устройство ихъ повсюду въ существенномъ одно и то-же. По вѣшнему виду принято дѣлать ихъ на два типа: т. наз. *калмыцкій* и *киргизскій*, на томъ основаніи, что одинъ изъ нихъ господствуетъ среди калмыковъ, другой—у киргизовъ; въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что калмыцкій типъ рѣшетчатыхъ юртъ преобладаетъ у монгольскихъ народностей, киргизскій—у тюркскихъ, вслѣдствіе чего указанная названія „калмыцкій“ и „киргизскій“ типы можно было бы замѣнять „монгольскимъ“ и „тюркскимъ“ 3), причемъ однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что у тюрковъ нерѣдко встрѣчаются юрты монгольскаго типа (рис. 4), и на оборотъ. Отличіе калмыцкаго типа отъ киргизскаго заключается въ отношеніи къ контуру въ томъ, что первый представляетъ *конусообразный верхъ*, второй—*шарообразный*

1) Ibid. стр. 41.

2) Г. Н. Потанинъ: Очеркъ сѣверо-зап. Монголіи, II, стр. 109.

3) Сами киргизы называютъ монгольскій типъ юрты *торгоутъ-уй* (Потанинъ: Оч. С. З. Монголіи, стр. 108).

(рис. 5 и 6). Это различіе объясняется тѣмъ, что жерди, образующія крышу юрты, у калмыцкихъ *прямы*, а у киргизскихъ — *вынуты*. Если вообще считать, что изъ двухъ видовъ жилища одного и

4. Походная кибитка бугеевскаго киргиза.

5. Калмыцкая рѣшетчатая юрта (съ фот. Дашков. Этногр. Муз.).

того же типа болѣе древнимъ является то, устройство котораго болѣе просто, то калмыцкій типъ слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, такъ какъ онъ представляетъ просто шалашъ типа аблайчи, поставленный на рѣшетку, между тѣмъ какъ для устройства выгнутыхъ жердей киргизскихъ кибитокъ требуется извѣстная доля искусства.

6. Киргизская рѣшетчатая юрта.

Въ способъ устройства оба типа, кромѣ указаннаго различія, представляютъ много общаго, поэтому мы изложимъ ихъ параллельно. 1) Основаніемъ юрты служитъ рѣшетка, называемая киргизами *кереге*, калмыками — *терме*; кереге готовится изъ тальника, растущаго по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Готовить ихъ особый мастеръ — *уйче*. Тальникъ очищается отъ коры, высушивается, потомъ распаривается въ кучкѣ тлѣющаго бараньяго навоза; палки, образующія рѣшетку, нѣсколько выгнуты; выгибъ достигается съ помощью особаго прибора наз. *тезь*; этотъ послѣдній, по словамъ г. Маковецкаго, представляетъ довольно толстую палку, одинъ конецъ которой укрѣпляется въ землѣ, а другой подъ угломъ 45° привязывается къ козламъ. Въ верхнемъ концѣ *тезя*

1) Н. Маковецкій: Юрта (дѣтнее жилище киргизовъ) въ Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 3—11; Су с л о в ъ: Очерки по исторіи древ. русск. водчества, стр. 61, 62; Ж и т е ц к і й: Астраханскіе калмыки, стр. 2 и слѣд. П ѣ в ц о в ъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 67—70.

дѣлается прорѣзь, куда изготовляющій палки мастеръ вставляет тальникъ и тяжестью своего тѣла надавливаетъ на другой конецъ, чѣмъ палкамъ придается нѣкоторый выгибъ; эти палки остаются обыкновенно круглыми, но калмыки часто обстругиваютъ ихъ, придавая имъ форму или сплюснутаго четырехгранника, или многогранника. Палки обыкновенно окрашиваются въ коричневый или желтый цвѣта, у калмыковъ изрѣдка и въ зеленый или синій. Изъ этихъ палокъ складывается рѣшетка, причемъ киргизы обыкновенно пробуравливаютъ палки въ мѣстахъ скрещиванья, и продѣваютъ въ отверстія ремешки, концы которыхъ укрѣпляются узелками. Калмыки просто связываютъ палки ремешками, но не на глухо, а такъ, что шести въ извѣстныхъ предѣлахъ вращаются свободно, чѣмъ дается также, какъ и при киргизскомъ способѣ устройства рѣшетки, возможность, сжимая и растягивая ее, съ одной стороны увеличивать ея высоту, а съ другой—складывать ее при перевозкахъ. Само слово *kereté*, по словамъ Вамбери, ¹⁾ значить „растягиваемое“, отъ *kermek*—растягивать.

Основаніе юрты составляетъ изъ нѣсколькихъ кусковъ рѣшетки, поставленныхъ въ кругъ; каждый отдѣльный кусокъ, составленный изъ 12 — 17 паръ палокъ, называется киргизами *канатъ*. Къ рѣшеткѣ привязываются жерди, называемыя киргизами *укъ* (*окъ*), монголами—*уминъ*. Эти жерди, какъ было указано выше у киргизовъ выгнутыя, у калмыковъ прямыя, вслѣдствіе чего юрты первыхъ имѣютъ куполообразный верхъ, у вторыхъ конусообразный. Величина укъ приблизительно аршина 4. Кромѣ формы укъ въ юртахъ тюркскаго и монгольскаго типа, — дальнѣйшее различіе въ способѣ устройства верха кибитки заключается въ томъ, что у калмыковъ верхній конецъ, который вставляется въ кругъ, заостренъ въ тупой клинъ, а нижній конецъ, круглый, имѣетъ отверстіе, черезъ которое продѣвается шерстяной шнурокъ, завязываемый петлей, при помощи которой жерди прикрѣпляются къ рѣшеткѣ ²⁾; у киргизовъ верхній конецъ жерди прямой, а нижній, по-

1) V à m b è r u: Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. стр. 75.

2) Г. Н. Потанинъ сообщаетъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II, стр. 108), что въ южной Монголіи встрѣчается особый видъ юрты — *сырлимикъ*, который въ сѣверо-западную Монголію завозятъ только случайно. „У нихъ стрѣлы (*унивъ*) прикрѣплены къ верхнему обручу посредствомъ шалнера, такъ что юрта складывается и нагружается на телегу. Эпитетъ *сырлимикъ* собственно

гнутой, упирается въ рѣшетку и привязывается къ ней. Уки (укинъ) верхнимъ концомъ своимъ вставляется въ деревянный кругъ, называемый киргизами — *чангаракъ* (*чанаракъ*), монголами — *харачи* (*токъ*). Чангаракъ дѣлается обыкновенно изъ березы и состоитъ изъ двухъ полукруговъ, связанныхъ между собой и сбитыхъ желѣзомъ. У калмыковъ харачи устраивается нѣсколько иначе: онъ склеивается изъ небольшихъ кусковъ, число которыхъ доходитъ до 15 и болѣе; въ ободѣ харачи наглухо прибиты съ внутренней стороны 4 или болѣе полуобруча (*цаирмакъ*), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся надъ плоскостью круга ¹⁾. Киргизы также употребляютъ пагрыки, которые носятъ у нихъ, равно и у другихъ тюркскихъ народностей, снабжающихъ ими свои юрты, — названіе кульдереушъ (*küldgöisch*), но они дѣлаются только въ томъ случаѣ, когда устраиваютъ юрту съ коническимъ верхомъ, т. е. типа калмыцкаго (монгольскаго). Въ *чангаракъ*, *харачи*, продѣлываются отверстія, въ которыя вставляются верхніе концы жердей (*укъ*, *укинъ*). Число этихъ отверстій, а слѣдовательно и вставляемыхъ въ нихъ жердей зависитъ отъ размѣровъ кибитки: ихъ бываетъ отъ 100—200. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что въ бѣднѣйшихъ кибиткахъ, называемыхъ у киргизовъ *кошъ*, чангаракъ не употребляется; уки просто прикрѣпляются къ рѣшеткѣ, образующей основаніе коша, а верхніе концы ихъ сводятся къ одному центру и связываются. Этотъ видъ коша представляетъ уже болѣе развитой типъ сравнительно съ кошемъ, устройство котораго нами описано выше: онъ употребляется пастухами-табунщиками; въ аулахъ подобный кошъ ставятъ для гостей и наконецъ его употребляютъ въ качествѣ походнаго шалаша, при частыхъ перекочевкахъ. Дверь въ киргизскихъ кибиткахъ состоитъ изъ рамы, вышиной не больше 1½ арш.; боковыя стороны рамы носятъ названіе — *босаи* или *тажмишъ*, нижняя часть — порогъ — *мандайча*; къ этой рамѣ прикрѣпляется обыкновенно кусокъ кошмы. Прежде,

придается къ верхнему обручу — *сыржымъ-токъ*. Самъ я ихъ не видалъ*. Не имѣя болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ видѣ юрты, мы затрудняемся къ какому типу ее отнести. Во всякомъ случаѣ способъ скрѣпленія жердей (укинъ) съ верхнимъ кругомъ посредствомъ шпалеръ представляетъ интересный фактъ въ исторіи развитія переноснаго жилища кочевника.

¹⁾ По словамъ Г. Н. Потанина (Оч. С.-З. Монголіи, II, 108), обручъ называется *цаирмакъ*, а крестовины *цамжытъ*.

по словам г. Маковецкаго, дверь (*есыг*) представляла изъ себя просто рѣшетку *иткерме* «лишь бы собака не вошла въ юрту». Въ настоящее время дверь нерѣдко дѣлается двустворчатой «на манеръ русскихъ столярныхъ дверей. Въ боковыхъ сторонахъ дверной рамки, т. е. въ *босаи*, имѣются выдолбленные отверстія, за которыя двери привязываются къ кереге». Двустворчатая дверь составляетъ обыкновенно необходимую принадлежность калмыцкой кибитки; г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ существованіе створчатыхъ дверей въ монгольскихъ кибиткахъ, даже какъ черту, отличающую монгольскія кибитки отъ киргизскихъ. Различіе въ устройствѣ створчатыхъ дверей между киргизами и калмыками заключается въ томъ, что у послѣднихъ обѣ половины двери наглухо прикрѣплены къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой; снаружи надъ дверями калмыки однако продолжаютъ еще привѣшивать кошму — пережитокъ періода, когда дверь двустворчатая еще не была извѣстна. Направленіе двери обыкновенно на югъ или въ сторону противоположную вѣтру. Принадлежность юрты составляетъ еще *боканы* — березовая палка, на одномъ концѣ которой дѣлается выемка или небольшія вилы, которой подпираютъ чапгаракъ для предупрежденія юрты отъ паденія подъ напоромъ вѣтра. Бокановъ въ большихъ юртахъ бываетъ нѣсколько: 3 — 4. Въ кошѣ боканъ замѣняется веревкой, одинъ конецъ которой привязанъ къ мѣсту скрѣпленія уковъ, а другой къ колу, вбитому въ центрѣ коша. Въ юртахъ для этой же цѣли, кромѣ бокановъ привязываютъ къ чапгараку два длинныхъ аркана (*джиль-бау*), прикручиваемые также къ колу въ центрѣ юрты. Въ калмыцкихъ кибиткахъ бокановъ не дѣлается; онѣ прикрѣпляются какъ и коши веревками или тесьмами, протянутыми отъ харачи къ одному или двумъ кольямъ внутри юрты. Во время сильныхъ бурь юрты укрѣпляются и съ наружной стороны или посредствомъ соединенной кольцами тесьмы, которая набрасывается на конусъ, образующій верхъ юрты, или при помощи петли, сдѣланной изъ шерстяной веревки; къ бокамъ петли въ 2-хъ—3-хъ мѣстахъ привязываются веревки, которыя и прикрѣпляются къ вбиваемымъ по бокамъ кибитки кольямъ. Таковъ остовъ юрты: размѣры его варьируются; въ среднемъ юрты имѣютъ приблизительно 2—3 сажени въ діаметрѣ и вышиной до 5—6 аршинъ.

Въ настоящее время киргизы и калмыки покрываютъ остовъ юрты обыкновенно войлоками (*кошмами*); это вполне понятно при развитомъ въ настоящее время овцеводствѣ: «изъ домашнихъ животныхъ (у киргизовъ), справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Никольскій, наибольшее значеніе имѣютъ бараны, изъ шерсти которыхъ приготовляются кошмы, арканы, грубая матерія и широкія тесьмы, употребляемая для прикрѣпленія кошмъ на юртахъ»¹⁾. Что однако не всегда юрты покрывались обѣими народностями этимъ матеріаломъ, можетъ служить доказательствомъ какъ фактъ, что и въ настоящее время подъ кошменнымъ покрытіемъ киргизы устраиваютъ еще промежуточное покрытіе изъ травы, тагъ и общее г. Сусловымъ извѣстие, что бѣдныя семейства астраханскихъ калмыковъ обиваютъ внѣшнія стороны своихъ жилищъ сухимъ болотнымъ растеніемъ—ситнякомъ (*земесенъ*), хотя если юрта имѣетъ кошменное покрытіе, то оно накладывается непосредственно на остовъ—черта, которую Г. Н. Потанинъ считаетъ одной изъ характерныхъ, отличающихъ монгольскую кибитку отъ киргизскихъ²⁾. Знакомство съ рѣшетчатыми кибитками у другихъ народностей лишь подтверждаетъ высказанное здѣсь предположеніе.

Наиболѣе подробныя, изъ извѣстныхъ намъ, свѣдѣнія о покрытіи киргизскихъ юртъ мы находимъ у г. Маковецкаго (l. c.); свѣдѣнія эти касаются азіатскихъ киргизовъ, но имѣющіяся литературныя данныя позволяютъ распространить ихъ и на киргизовъ, живущихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи. «Съ наружной стороны кереге, пишетъ г. Маковецкій, при постановкѣ юрты, кругомъ обставляются *чѣмъ*. Это родъ циновки, приготовляемой изъ высокой степной травы (по киргизски *чій*), солома которой довольно толста, а главное—гибка и очень прочна».—Далѣе, «при постановкѣ юрты употребляется много разной толщины и длины веревокъ (*арканъ*), приготовляемыхъ изъ бараньей шерсти со введеніемъ въ нее, для прочности конскаго волоса, и кромѣ того, всякая юрта должна имѣть *баскуръ*. Это тканый шерстяной поясъ, иногда съ довольно красивымъ узоромъ. Ширина баскура не больше двухъ четвертей, а длина рассчитана на величину окружности юрты». Баскуръ употребляется для связыванья рѣшетки въ ея верхней части, чѣмъ

¹⁾ А. М. Никольскій: Путешествіе на оз. Балкашъ. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., VII, вып. 1, стр. 81.

²⁾ Г. Н. Потанинъ: Оч. Сѣв. Зап. Монголіи, II, стр. 108.

юртѣ, придаетъ прочность. Когда отдѣльныя части рѣшетки раз-
ставляютъ въ кругъ и отдѣльные «канаты» свяжутъ вмѣстѣ, такъ,
чтобы оставитъ свободнымъ только отверстіе, назначенное для
двери, мужчины, ставши въ центрѣ круга поднимаютъ на бокахъ
чангаракъ, въ который и вставляются тотчасъ уки, нижніе концы
которыхъ привязываются къ рѣшеткѣ. Затѣмъ рѣшетки, въ верх-
ней своей части стягиваются баскуромъ и прикрывается чѣмъ;
послѣ этого приступаютъ къ покрытію остова кошмами: прежде
всего кладутъ куски кошмы, извѣстныя подъ названіемъ *туур-*
лыкъ, состоящіе изъ 4-хъ квадратныхъ широкихъ кусковъ; они
покрываютъ рѣшетку и $\frac{1}{2}$ часть (погнутую) укы. Затѣмъ навѣши-
ваютъ сшитую въ два ряда кошму, закрывающую входъ (*есыкъ*);
верхняя часть кошмы забрасывается на уки; есыкъ дѣлается обы-
кновенно изъ бѣлой кошмы, наружная сторона которой укра-
шается узоромъ, а нижняя подбивается узорчатымъ чѣмъ. Затѣмъ
на уки кладется *узюкъ*, состоящій изъ двухъ частей, имѣющихъ
каждая видъ трапеціи; узюкъ кладется на уки такъ, что онъ за-
хватываетъ туурлыкъ, и доходитъ на верху до окружности чанга-
рака; узюкъ тяжестью своей держитъ и верхній конецъ дверной кошмы;
на нижнемъ краѣ узюка нашиваютъ небольшіе квадратные узоры
(*додде*), что дѣлается какъ для красоты, такъ и для того, чтобы
прикрѣплять къ нимъ веревки. Наконецъ чангаракъ закрывается
кускомъ кошмы — *тюддукъ*, представляющимъ форму удлиненнаго
четырёхугольника. Всѣ кошмы, употребляемыя для покрытія юрты,
оторачиваются волосянымъ шнуркомъ (*джіекъ*) и, кромѣ того по
концамъ туурлыка привязывается достаточно длинная веревка;
узюкъ имѣетъ 6 такихъ веревокъ, по три съ каждой стороны, а
тюддукъ—четыре длинныхъ веревки; ими связываются кошменные
части юрты, препятствуя соскальзыванію. Богатые киргизы покры-
ваютъ юрты бѣлыми кошмами, что даетъ имъ особенно нарядный
видъ. Этотъ обычай, встрѣчающійся въ настоящее время еще у
киргизовъ, по крайней мѣрѣ въ Букеевской ордѣ, отмѣченъ еще
въ XVIII в. ¹⁾

Переходя затѣмъ къ внутреннему устройству киргизской юрты,
мы увидимъ, что оно не представляетъ скольконибудь рѣзкихъ
отличій отъ устройства коническихъ юртъ алтайскихъ инородцевъ.

¹⁾ М и л е р ъ: Описаніе. II. стр. 129.

и карагассовъ. И здѣсь, какъ и тамъ, очагъ находится посрединѣ, причѣмъ огонь раскладывается или непосредственно на землѣ, или вмѣстилищемъ для топлива служить небольшое углубленіе (это мѣсто называется *отбасы*). Надъ очагомъ ставятъ треножникъ, на которомъ укрѣпляется котель, употребляемый при варкѣ пищи. По словамъ г. Маковецкаго, киргизы наблюдаютъ, чтобы промежутокъ между ножками треножника приходился противъ двери. Противъ двери, полукругомъ, продолжаетъ цитируемый авторъ, возлѣ рѣшетки устанавливаются на невысокихъ подставкахъ ящики (*сандыж*) съ различнымъ добромъ киргиза. Передъ ящиками лежатъ ковры и хорошія, обыкновенно вышитыя, кошмы (*сырмак*). Самое почетное мѣсто въ юртахъ—противъ двери, у ящиковъ. Здѣсь усаживается гость на коверъ или сырмакъ, иногда—на одѣяло. Это мѣсто называется, какъ и у алтайскихъ *тѣръ*.—При входѣ, отъ дверей направо, нѣкоторая часть юрты отдѣляется ширмой изъ чіа; она служитъ кладовой; здѣсь на кереге развѣшано мясо, стоитъ треножникъ, ведра и на деревянной невысокой подставкѣ—*саба*, кожаный мѣшокъ для кумыса; кромѣ того здѣсь-же помѣщается этажерка—*осадалъ*, на которой хранятся припасы, кровать (*тюсенъ-орунъ*), ящикъ (*кебеже*), въ которомъ хранятся лучшіе съѣстные припасы и все, что чаще нужно подъ рукой, напр. чайная посуда. Мѣсто хозяина или хозяйки въ юртѣ—передъ кроватью. Если въ семьѣ есть взрослая дѣвица или женатый (у бѣдняковъ) сынъ, то лѣвая часть юрты отъ входа отдается имъ и отдѣляется занавѣской. Это-же мѣсто служитъ для положенія умершихъ; тогда тоже оно отдѣляется занавѣсью. Болѣе богатые киргизы строятъ отдѣльныя юрты для взрослыхъ сыновей, гостей и пр. Гордость киргиза заключается и въ настоящее время въ обладаніи большимъ количествомъ юртъ и при томъ разнаго типа. Въ XVIII в. знатные и зажиточные киргизы устраивали особыя юрты «для женъ, дѣтей, страпни, и для съѣстныхъ припасовъ» ¹⁾. Если и въ настоящее время киргизскія юрты считаются, если оставить въ сторонѣ туркменскія, одними изъ наиболѣе богатыхъ по своему внутреннему устройству, то въ прежнее время онѣ были еще богаче въ этомъ отношеніи, когда украшеніемъ юрты служило оружіе; этотъ обычай въ настоящее время почти совершенно вывелся у большинства

¹⁾ Миллеръ: Описаніе II. 129.

киргизовъ, въ томъ числѣ и у букеевскихъ, у которыхъ развѣ только какъ исключеніе можно встрѣтить еще старинное оружіе, хотя этотъ способъ украшенія юрты и былъ имъ извѣстенъ еще сравнительно недавно¹⁾.

Что касается **покрытія и внутренняго устройства казымскихъ юртъ**, то наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ трудѣ г. Житецкаго²⁾. Существенныхъ отличій отъ покрытія киргизскихъ юртъ мы здѣсь не находимъ; почти тождественъ и самый способъ установки остова. Въ общемъ, по словамъ г. Житецкаго, для покрытія юрты требуется не менѣе 12 кошмъ, а именно: 4 нижнія кошмы—*иребчи*, каждая шириной въ 1 арш. и болѣе; онѣ употребляются для покрытія рѣшетки юрты снизу. Далѣе 4 среднія кошмы—*турю*, соотвѣтствующія *узюкъ* на киргизскихъ кибиткахъ и имѣющихъ также низъ шире, чѣмъ верхъ, и бока вырѣзанные во внутрь. Онѣ накидываются на шести, образующіе верхъ юрты, но такъ, что закрываютъ только часть, нижнюю половину, крыши, а нижними своими концами закрываютъ нѣсколько верхнюю часть иребчи. Верхнія, кошмы *деберъ* которыхъ бываетъ двѣ, дѣлаются сходными по формѣ съ *турю*, но длиннѣе и шире ихъ; онѣ покрываютъ верхнюю часть юрты отъ дымоваго отверстія (*харачи*) и внизъ, налегая нижними краями на *турю* до рѣшетки. Дверная кошма (*ишиге удун*)—четыреугольная, продолговатая кошма, которая укрѣпляется нѣсколько ниже линіи прикрѣпленія *турю* надъ дверью и служитъ наружной занавѣской послѣдней. Въ противоположность киргизской двери-кошмѣ, она не украшается узорами ни у калмыковъ ни у другихъ монгольскихъ народностей. Наконецъ для прикрытія дымоваго отверстія служитъ еще четырехугольная кошма (*оркѣ*) съ вырѣзанными глубоко во внутрь боками, отчего получается четыре длинныхъ около аршина конца или угла, къ которымъ прикрѣплены четыре шерстяныя веревки; *харачи* посредствомъ *оркѣ* закрывается не на глухо, причемъ для пропуска свѣта и воздуха, при помощи веревокъ, легко загибается одинъ изъ угловъ *оркѣ*. Ко всѣмъ кошменнымъ частямъ прикрѣплены тесьмы, которыя и служатъ для закрѣпленія ихъ на деревянномъ остовѣ.

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 73, 74.

²⁾ И. А. Житецкій: Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Тр. От. Этногр. И. О. Д. Е. А. и Этнографіи. XII, 1.

Внутреннее убранство калмыцкой кибитки представляет мало различий, въ существенныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, отъ киргизской: „противъ маленькой, низкой двери, пишетъ А. А. Ивановскій, обыкновенно стоятъ деревянные ящики съ имуществомъ хозяевъ, нагроможденные другъ на друга. По лѣвую сторону отъ ящиковъ ставится низкая складная кровать; передъ ней отъ верха кибитки до низу протянуть занавѣсъ—кѣшкэ. Отъ кровати къ дверямъ ставится разная домашняя утварь: котлы, треножники, кожаные мѣшки для айрана и молока, мѣдные чайники, ведра, ложки и т. п. По правую сторону ящиковъ кладутся принадлежности для верховой ѣзды: сѣдла, узды. Передъ ящиками разстилается на полу вышитая кошма, а передъ ней на низкихъ ножкахъ ставится круглый деревянный столъ. По срединѣ кибитки—очагъ“. ¹⁾ Къ этому можно, со словъ Г. Житецкаго, прибавить, что на лѣво отъ кровати, т. е. почти непосредственно противъ дверей, оставляется небольшой промежутокъ—*таклын шире* (жертвенный столъ), гдѣ помѣщается *хобол*—ящикъ съ бурханами; далѣе, что рядомъ съ послѣднимъ, влѣво, ставится *барун-баран* „родъ кладовой и гардероба“, составленный изъ поставленныхъ отчасти рядомъ, отчасти другъ на другѣ ящиковъ и сундуковъ, что такая же „кладовая“, только меньшихъ размѣровъ (*эюн-баран*), находится и направо отъ кровати, и наконецъ, что около послѣдняго, ближе къ двери, привѣшивается *табцэ*—полка для постановки деревянныхъ чашекъ, ножей и кухонныхъ приборовъ.

У другихъ монгольскихъ кочевыхъ народностей, если оставить въ сторонѣ божницу, мы также не встрѣтимъ чертъ, рѣзко отличающихъ внутреннее убранство кибитокъ сравнительно съ киргизскими. Обширная божница, представляетъ раскрашенный ящикъ (шкатулку), поставленный на другой, болѣе простой ящикъ. „Не рѣдко, пишетъ Г. Н. Потанинъ, божница, бываетъ драпирована шелковыми матеріями. На шкатулкѣ выставляются бурханы, преимущественно въ видѣ иконъ, писанныхъ на бумагѣ или дабѣ; передъ ними рядъ мѣдныхъ чашечекъ, цокцо, въ которыя наливается вода и кладутся части отъ дневной пищи—сыръ, творогъ и проч. Тутъ-же ставятся искусственные цвѣты, рѣзныя фигуры

¹⁾ А. А. Ивановскій: Монголы-Торгоуты. Тр. Антропол. Отд. И. О. Л. Е. А. и Этн. XIII, стр. 10, 11.

и другія украшенія. Подобные домашніе алтари устраиваются во всѣхъ юртахъ безъ исключенія; въ самой бѣдной юртѣ или хатгурѣ какого-нибудь обнищавшаго въ конецъ урянхайца найдется небольшой ящикъ, и передъ нимъ хоть одна мѣдная цокцо, а въ самомъ ящикѣ хранятся два, три печатанныя на бумагѣ изображенія Дзонкавы, Аюши, Манджишири, или глиняный покрытый сусальнымъ золотомъ медальонъ Джангырсэка; все это тщательно укутано сначала въ шелковыя, потомъ въ бумажныя тряпки, чтобы не ветшало отъ выставки⁴. Въ общемъ, по словамъ того-же изслѣдователя, внутренность монгольской юрты гораздо больше наполнена утварью и скарбомъ, чѣмъ киргизская, и богаче громоздкой деревянной посудой. ¹⁾

Полъ въ кибиткахъ обоихъ типовъ земляной, покрываемый часто кошмами или коврами, равно и камышевой настилкой, зимой иногда и звѣриными шкурами. Богатые монголы иногда устраиваютъ и деревянный полъ. ²⁾

При описаніи обоихъ типовъ юртъ мы имѣли въ виду жилища зажиточныхъ хозяевъ; въ общемъ юрта бѣднаго хозяина отличается отъ юрты богатаго только величиной и чистотой войлоковъ и внутреннимъ убранствомъ. Такъ напр., въ то время какъ у богатыхъ устраиваются отдѣльные коши для молодого или большого скота, у бѣдныхъ монголовъ, по словамъ г. Пѣвцова, въ юртѣ можно встрѣтить и новорожденныхъ телятъ, ягнятъ или козлятъ, помѣщающихся въ очищенномъ для нихъ тѣсномъ уголкѣ; внутренняя поверхность юрты, въ особенности у бѣдныхъ, заполнена копотью, „которая, по словамъ того-же автора, вмѣстѣ съ пылью образуетъ на куполѣ и перекладинахъ цѣлыя пряди, спускающіяся въ видѣ бахромы⁴. Въ общемъ рѣшетчатая кибитка по общимъ отзывамъ, не производятъ того непріятнаго впечатлѣнія, какъ коническія юрты; лѣтомъ онѣ прохладны и, открывая войлоки, покрывающіе рѣшетки, дается возможность проходить свѣжему воздуху. Зимой онѣ менѣе удобны: несмотря на то, что ихъ покрываютъ на зиму двойнымъ рядомъ войлоковъ, что въ срединѣ, въ очагѣ, горитъ почти безпрестанно огонь, онѣ довольно плохо защищаютъ отъ холода и вьюги.

¹⁾ Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣверо-Зап. Монголіи. II, стр. 109, 110.

²⁾ Пржевальскій: Монголія и страна Тангутовъ. I, стр. 35.

Въ описанныхъ типахъ мы видѣли, что очагъ устраивается либо непосредственно на землѣ, либо въ углубленіи. У монголовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Россіи, очаги въ значительной мѣрѣ уже усовершенствованы. Для того, чтобы аргаль (=кизякъ, сухой скотскій пометь) горѣлъ лучше, употребляется, по словамъ г. Пѣвцова, бездонная цилиндрическая рѣшетка, въ которую и накладывается аргаль; эта рѣшетка служитъ одновременно и таганомъ; „она состоитъ изъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8—12 вершковъ въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою параллельно четырьмя желѣзными пажилками съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ покоится сферическій котелъ“. Рѣшетка имѣетъ обыкновенно 9—12 вершковъ высоты; благодаря свободному притоку воздуха съ боковъ, аргаль въ рѣшеткѣ горитъ лучше. Въ послѣднее время, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, въ западной Монголіи стали мало-по-малу появляться желѣзные печи для нагрѣванія юртъ зимою. Монголы переняли ихъ отъ бійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кобдо и Улясутаѣ, употреблявшихъ подобныя печи для своихъ помѣщеній въ указанныхъ городахъ. Привезенныя такимъ образомъ изъ Бійска печи понравились нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ китайскихъ торгорцевъ, „заказавшихъ нашимъ купцамъ доставить такія же печи и для нихъ. По ввезеннымъ бійскими купцами образцамъ, желѣзные печи въ Кобдо и Улясутаѣ стали готовить тамошніе купцы-китайцы на продажу сначала горожанамъ, а потомъ и окрестнымъ монголамъ. Листовое желѣзо для этихъ печей покупается у нашихъ купцовъ, и онѣ цѣнятся 10—12 ланъ (25—30 руб.), а потому доступны только зажиточнымъ монголамъ“. ¹⁾

Рѣшетчатая юрта широко распространена у многихъ кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ: видоизмѣненія чрезвычайно незначительны; нѣкоторыя изъ нихъ однако необходимо имѣть въ виду для уясненія исторіи развитія этого вида переноснаго жилища. Если туркменская кибитка отличается отъ киргизской только подчасъ большей величиной и бѣльшимъ богатствомъ въ убранствѣ, то причины этого слѣдуетъ искать въ большемъ благосостояніи владѣльцевъ ихъ: въ общемъ-же она представляетъ повтореніе киргизской.

¹⁾ М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69, 70.

Хотя сарты въ Хами и перешли отчасти уже къ полной осѣдлости, но въ нѣкоторыхъ частяхъ хамійскаго оазиса еще сохраняется полукочевой бытъ: на лѣто они покидаютъ свои фанзы и выселяются на пашни, гдѣ они живутъ въ юртахъ монгольскаго типа. Хотя внутренняя обстановка этихъ жилищъ, замѣчаетъ Г. Н. Потанинъ, кромѣ отсутствія ламайскихъ особенностей, ничѣмъ не отличается отъ монгольскихъ, нельзя однако думать, что это временное явленіе, вызванное дунганскимъ мятежемъ и разореніемъ, а не остатокъ стараго быта. Существованіе особой отъ монгольской номенклатуры для частей юрты, полный составъ кочевой обстановки, и наконецъ, увѣренія самихъ жителей, что они съ незапамятныхъ временъ жили лѣтомъ въ юртахъ, говорятъ противъ такого предположенія. ¹⁾

У башкиръ мы встрѣчаемъ киргизскій типъ кибитокъ (*термой*). Главное отличіе ея отъ киргизской заключается въ томъ, что дверь у башкирской юрты всегда деревянная двухстворчатая и никогда не дѣлается изъ кошмы. Занавѣсъ дѣлать башкирскую юрту на двѣ части: мужскую (*шиикъ-якъ*, т. е. дверная сторона, такъ какъ дверь находится въ мужской половинѣ) и женскую—*шаршау-уси* или *туръ-башъ*. Если у хозяина нѣсколько женъ, то шаршау бываетъ двѣ. Противъ дверей кибитки устраивается печь, сложенная изъ 4 плитъ, на которыя ставится казанъ. По сторонамъ печи вбиты 4 шеста, къ верхнимъ концамъ которыхъ привязана рама съ тонкими перекладинами; это—*лаиъ*, мѣсто для сушки крута (родъ сыра). ²⁾

У алтайскихъ инородцевъ мы встрѣчаемся также съ рѣшетчатой юртой, которая строится ими по монгольскому типу, т. е. съ конусообразнымъ верхомъ. Мы видимъ у нихъ устройство дверной рамы, хотя обычай завѣшивать дверь звѣриной шкурой и продолжаетъ еще сохраняться, не смотря на то, что сама юрта покрыта кошмами. Въ общемъ рѣшетчатая юрта лучше, просторнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ тотъ видъ алтайскихъ юртъ съ конусообразнымъ верхомъ, который нами описанъ выше, и который можетъ быть признанъ переходной формой отъ чисто конической юрты къ рѣшетчатой. Но

¹⁾ Г. Н. Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 12.

²⁾ П. С. Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ. Этног. Обзор. VI, стр. 179, 180.

кошмы у алтайцевъ, покрывающія остовъ рѣшетчатой юрты, обыкновенно стары и дырjвы; даже богатые не имѣютъ хорошихъ покрывекъ, а остовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ хорошо сработанъ. В. Радловъ замѣчаетъ, что по Чуѣ онъ не видалъ ни одной рѣшетчатой юрты съ хорошо выдѣланнымъ остовомъ и что онъ не ночевалъ ни въ одной юртѣ, которая могла бы защитить его отъ дождя. Единственная хорошая рѣшетчатая юрта, которую В. Радловъ видѣлъ въ указанной мѣстности, покрытая новыми бѣлыми войлоками, была, по крайней мѣрѣ остовъ, привезена изъ Монголіи. ¹⁾

Качинскіе татары живутъ въ настоящее время частью въ такихъ-же рѣшетчатыхъ юртахъ, какъ и алтайцы, ²⁾ и этотъ видъ жилища встрѣчался у нихъ еще въ XVIII в., но и тогда, какъ и въ настоящее время, онъ отличался бѣдностью; „юрты ихъ или палатки, пишетъ Палласъ, гдѣ они живутъ также и зимою, пространны и обиты войлокомъ, совершенно подобны киргизскимъ или калмыцкимъ. Но они живутъ, не выключая богатѣйшихъ, весьма не чисто“; ³⁾ а въ „Описаніи народовъ“ (изд. Миллера) ⁴⁾ мы находимъ интересное свидѣтельство о замѣнѣ покрывающихъ кошмами берестой: „юрты ихъ сходны съ башкирскими въ видѣ и въ величинѣ. Зимою покрываютъ и они ихъ войлоками, а лѣтомъ вареною берестю“.

У каракалпаковъ юрты (киргизскаго типа) превышаютъ размѣрами киргизскія и туркменскія, но отличительный признакъ ихъ заключается, по Вамбери, въ томъ, что онѣ лишены всякихъ украшеній и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ грязный и бѣдный видъ: вмѣсто пестрыхъ поясовъ, которыми прикрѣпляются кошмы къ остову, пишетъ тотъ-же авторъ, вмѣсто кошемъ употребительныхъ у другихъ кочевниковъ, здѣсь часто въ качествѣ наружнаго покрывающаго выступаютъ шкуры животныхъ, а изукрашенное у другихъ кочевниковъ внутреннее помѣщеніе занято у каракалпаковъ телятами. Прекрасные ковры, и подчасъ искусно вытканые мѣшки, — производство, которымъ туркменки гордятся не безъ основанія, —

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268—269.

2) *ibid.* стр. 376.

3) Палласъ: Путешествіе. II. пол., 2. стр. 461.

4) т., II. стр. 153.

отсутствуют здѣсь окончательно, а чистоты, даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ наиболѣе богатыхъ лицъ, здѣсь не встрѣтишь.¹⁾

Кибитки Кундровскихъ татаръ представляютъ калмыцкій типъ, но палки, образующія рѣшетку скрѣпляются по способу киргизскихъ кероге; небезынтересно, что рѣшетка у кундровскихъ татаръ носитъ монгольское названіе—*тэрмэ*, хотя остальные части остова кибитки имѣютъ названія тюркскія (*ук*, *шамарак*); кромѣ обычнаго покрытія землянаго пола юрты кошмами, кундровцы покрываютъ его и рогожами, на которыхъ кладутся тюфяки, набитые шерстью или перинами.²⁾

У бурятъ мы встрѣчаемъ также рѣшетчатую войлочную юрту: она извѣстна какъ забайкальскимъ, такъ и сѣвернымъ бурятамъ, причемъ у послѣднихъ, по мнѣнію г. Хангалова,³⁾ она появилась въ послѣдствіи и заимствована ими у забайкальскихъ своихъ сородичей.

Калмыцкій-же типъ кибитки мы встрѣчаемъ и у родственныхъ кундровскимъ татарамъ караногайцевъ—съ монгольскимъ-же названіемъ *тэрмэ*. Рядомъ съ этимъ типомъ встрѣчается однако и киргизскій типъ юрты, называемый караногайцами *отогъ*, причемъ отовы устраиваются всегда меньшихъ размѣровъ, чѣмъ *тэрмэ*. Двери кибитокъ (одна-или двустворчатая) деревянные и цестро раскрашены; на зиму надъ дверями привѣшиваютъ еще вышитый войлокъ; окружность *тэрмэ* достигаетъ 12 саж., въ то время какъ высота ея только 1 саж.; дымовое отверстіе—1 кв. арш. Съ трехъ сторонъ внутри кибитки постланъ на землѣ плетеный камышь, на которомъ разстилаютъ вышитые и простые войлоки; послѣдніе уставлены подушками.⁴⁾

Во многихъ аулахъ караногайцевъ, пишетъ г. Г. Ананьевъ,⁵⁾ можно встрѣтить *куй-мэ*—свадебную арбу, которая отличается отъ обыкновенныхъ арбъ тѣмъ, что она имѣетъ форму арбы съ кибиткой, причемъ послѣдняя сдѣлана не изъ рогожи или войлока,

¹⁾ V á m b é g y. Das Türkenvolk стр. 380.

²⁾ В. А. Мошковъ: въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Кав. Ун. XII, вып. I, стр. 16, V á m b é g y: Das Türkenvolk; стр. 555.

³⁾ М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣв. бурятъ; въ Этногр. Обзор. X, стр. 145.

⁴⁾ Ананьевъ: Караногайцы. стр. 38—40. въ Мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. XX.

⁵⁾ ib. стр. 41.

а изъ досокъ; кибитка эта сзади и спереди прикрѣплена къ арбѣ дощечками, раскрашенными въ разные пестрые цвѣта. Позади арбы имѣется маленькое квадратное отверстіе, а спереди двухстворчатая дверца; въ такихъ арбахъ возятъ невѣсть въ домъ жениховъ, чтобы никто ихъ не могъ видѣть. Мы имѣемъ здѣсь дѣло очевидно съ пережиткомъ вида, т. ск. подвижнаго жилища, который сохранился лишь при свадебномъ обрядѣ. Дѣйствительно караногайцы, насколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, представляютъ единственный примѣръ народности изъ числа живущихъ въ предѣлахъ Россіи тюрковъ или монголовъ, которые сохранили еще подвижныя, перевозимыя цѣликомъ жилища. До настоящаго времени, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ тѣмъ-же авторомъ, при перекочевкахъ (лѣтомъ онѣ совершаются нѣсколько разъ) тѣрмэ разбираются, а „*отовы*“ поднимаются цѣликомъ и ставятся на арбу, причемъ колеса арбы не касаются стѣнокъ отова, ибо діаметръ основанія его въ $1\frac{1}{2}$ раза больше ширины арбы съ колесами“. Способъ перекочевки, подобный только что описанному у караногайцевъ, въ прежнее и притомъ еще не очень отдаленное время былъ распространенъ значительно шире. Мы считаемъ поэтому необходимымъ остановиться на немъ, такъ какъ онъ представляетъ интересный моментъ въ исторіи развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюрескихъ и монгольскихъ народностей.

Объ употребленіи кочевыми народами крытыхъ телѣгъ извѣстно еще со словъ писателей классическаго міра, начиная съ Геродота. О существованіи ихъ у тюрковъ и монголовъ мы узнаемъ отъ средневѣковыхъ писателей. Такъ напр. Марко Поло, говоря о татарахъ упоминаетъ отдѣльно объ ихъ кибиткахъ и объ крытыхъ повозкахъ: въ то время какъ первыя состояли изъ колевъ, покрытыхъ войлоками, имѣли круглую форму и складывались въ связку при перекочевкахъ на 4-хъколесныя телѣги, — вторыя представляли повозки о двухъ колесахъ, „также покрытыя войлокомъ и превосходныя до того, что татары, сидя въ нихъ, выдерживаютъ цѣлый день дождь, не промокнувъ; эти телѣги тащатъ волы и верблюды, продолжаетъ путешественникъ, въ нихъ возятъ татары своихъ женъ и дѣтей, домашнюю посуду и необходимыя припасы“.¹⁾

¹⁾ Путешествія Марко Поло, пер. Шемкина, стр. 178, 179.

То-же подтверждаетъ и Плато Карпини, хотя изъ его свидѣтельства становится уже яснымъ, что рѣчь идетъ не о крытыхъ повозкахъ, а объ кибиткахъ, перевозимыхъ на колесахъ: „иныя (жилища) скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину, другихъ же разбирать нельзя, а ставятъ ихъ на повозки. Куда бы они ни ходили, на войну или съ мѣста на мѣсто, всегда берутъ ихъ съ собою“. ¹⁾

Наконецъ у третьяго писателя XIII-го в. Рубруквиса мы встрѣчаемъ нѣкоторыя подробности сравнительно съ двумя, упомянутыми выше: о складныхъ кибиткахъ Рубруквисъ ничего не говоритъ, причеъ относительно кибитокъ на колесахъ можно вывести заключеніе, что онѣ устраивались изъ плетня, и только верхъ ихъ покрывался кошмами: „дома ихъ утверждены на колесахъ и состоятъ изъ переплетенныхъ кусковъ дерева и кончаются наверху отверстіемъ на подобіе камина, покрытымъ бѣлымъ войлокомъ“. Дверь закрывается узорнымъ войлокомъ. „Эти дома у нихъ бываютъ такихъ размѣровъ, что они имѣють до 30-ти футовъ длины; я нѣсколько разъ измѣрялъ одинъ, который имѣлъ отъ одного колеса до другого 20 футовъ; и когда этотъ домъ былъ поставленъ на колеса, онъ выходилъ за ихъ предѣлы... я насчиталъ до 22 воловъ, чтобы свезти одинъ изъ такихъ домовъ: одиннадцать съ одной стороны и одиннадцать съ другой“. Такимъ же образомъ устраивали татары, по словамъ Рубруквиса, и маленькія кибитки, въ которыхъ они перевозили свое имущество. ²⁾

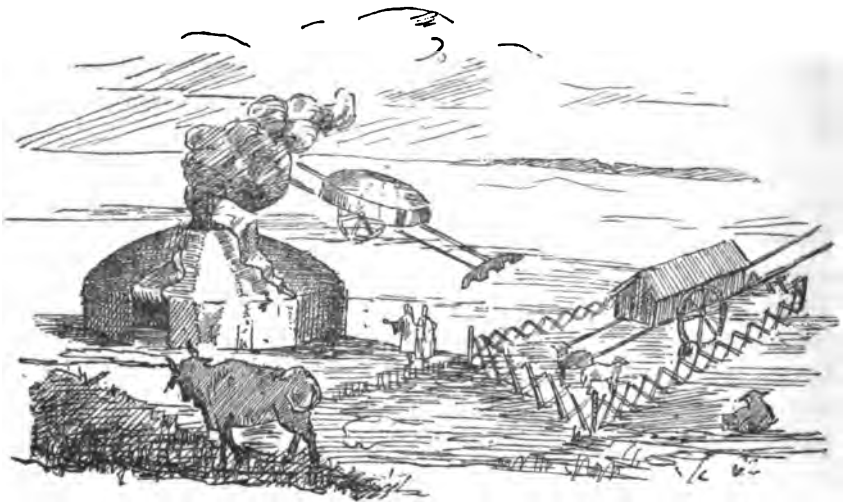
Въ XVIII в. этотъ обычай перевозить кибитку на арбѣ былъ еще распространенъ среди астраханскихъ татаръ ³⁾, кибитки которыхъ представляли настолько крѣпкое цѣлое, что остовы или оставлялись при перекочевкахъ на старомъ мѣстѣ, или перевозились на арбахъ. Подобныя кибитки служили исключительно лѣтнимъ жилищемъ; онѣ имѣли отчасти круглый, отчасти угловатый видъ (вѣроятно въ зависимости отъ матеріала), были очень низки, „такъ что едва въ нихъ прямо стоять можно“; въ нихъ огонь рѣдко разводили, такъ какъ для приготовленія пищи устраивались особыя

¹⁾ Плато Карпини, кн. II. гл. 2. въ Собр. путешествій къ татарамъ (СПб. 1825), стр. 81.

²⁾ Voyage de Rubruquis en Tartarie. стр. 6 — 7. Bergeron Voyages faits en Asie. I. (1735 г.).

³⁾ Г м е л я н ъ: Путешестіе по Россіи въ 1759—1770 г. II., стр. 174, 175.

юрты. Палласъ ¹⁾ лично посѣтившій кочующія селенія кундровскихъ татаръ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Мы видѣли, пишетъ онъ, три ихъ кочующія селенія. Ихъ юрты видомъ и строеніемъ весьма различествуютъ отъ употребляемыхъ калмыками и другими азіатскими кочующими народами. Ихъ не можно по частямъ разбирать, но тѣмъ удобнѣе ихъ ставить можно такой вточъ величины, что могутъ установиться на большой телѣгѣ и въ поперечникѣ не много болѣе 4—5 арш.... для переносенія сихъ кибитокъ съ мѣста на мѣсто ставятъ они ихъ на высокую двуколесную телѣгу, наз. арба, такъ что они какъ спереди, такъ и сзади лежатъ на оси и на подобіе зонтика покрываютъ всю телѣгу и съ колесами. На телѣгу кладутъ они все ихъ малое стяжаніе, сундуки, посуду и т. п., потомъ садятъ жену и дѣтей и со всѣмъ тѣмъ отъѣзжаютъ. У богатыхъ бываетъ такихъ кибитокъ по двѣ и болѣе, смотря по семьѣ, сверхъ того еще телѣга съ построеннымъ на оной спальнымъ чуланомъ, въ коихъ они съ женами своими покоятся. Когда они лѣтомъ, когда видятъ, что на одномъ мѣстѣ не могутъ долго прокормить свой скоть, то юртъ и всего домашняго своего снадобья съ телѣгъ не снимаютъ, но садятъ подъ ними...

7. Юрта и спальнй чуланъ на колесахъ у татаръ XVIII в.

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 2-я, стр. 140—141.

и подъ тѣнію юрты отправляютъ свои работы. (рис. 7¹) „Ежели они въ лѣтнюю пору травятъ гдѣ-ни есть короткое только время, то не снимаютъ они юрть своихъ съ телѣгъ, но подъ оными сидятъ, ѣдятъ и спятъ. Зажиточные люди имѣютъ по двѣ и больше юрты на телѣгахъ; нѣкоторые же строятъ и деревянные спальные чуланы на таковыхъ телѣгахъ: почему кочевья ихъ кажутся подвижными деревнями или станами» (ibid. стр. 41.)

Отъ XVIII-го вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Клемана объ существованіи этого же обычая среди татарскаго населенія, кочевавшаго между Бендерами и Очаковымъ. Въ то время бессарабскіе татары имѣли уже рѣшетчатые юрты, которыя, судя по описанію Клемана, въ способѣ своего устройства ничѣмъ не отличались отъ современныхъ рѣшетчатыхъ юртъ, если откинуть обычай надѣ дымовымъ отверстіемъ вывѣшивать на шестѣ нѣчто въ видѣ флага (бѣлый съ синимъ),—обычай прежде болѣе распространенный и выведшійся у большинства описанныхъ народностей въ настоящее время. Подобную рѣшетчатую юрту можно было перевозить не разбирая на телѣгѣ, запряженной верблюдомъ. ²) Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ, повидимому, понимать и слова Мартына Броневскаго, имѣвшаго возможность наблюдать крымскихъ степныхъ татаръ въ XVI в.: „въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (татары) откочевываютъ съ женами, дѣтьми, семьею, рабами и съ кибитками. Эти кибитки круглы и покрыты войлоками, но едва могутъ вмѣщать въ себя отъ 4—5 человекъ. Татары укладываютъ все на двуколесные возы, запряженные однимъ или двумя верблюдами, иногда волами... татары отправляются (кочевать) въ Перекопъ... иногда въ самую Таврику... иногда въ Азовъ“. ³) Неясное въ словахъ Броневскаго, касающееся интересующаго насъ вопроса въ достаточной степени выясняется свидѣтельствомъ путешественника XVII в., доминиканца де-Люка, замѣчающаго, что у перекопскихъ татаръ лѣтнія жилища представляютъ „круглые верхи (кибитки), арбы (плетенныя) изъ ивы, которые ставятся на колеса; такъ какъ лѣтомъ у нихъ вовсе нѣтъ постоянного мѣстопробыванія, то перевозятъ эти жилища туда, гдѣ на-

¹) Рисунки 7 заимствованы изъ „Описанія народовъ“, изд. Миллера. II, стр. 6.

²) K l e m a n n's Reisen, стр. 83, 84.

³) Описаніе Крыма *Tartariae descriptio*, Мартына Броневскаго въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. VI, стр. 377, 338.

ходить пастбище“¹⁾, равно и замѣчаніемъ Палласа (l. c.), когда онъ вслѣдъ за описаніемъ кундровскихъ татаръ говоритъ, что „по достовѣрнѣйшимъ повѣствованіямъ, крымскіе и бессарабскіе татары нравами, видомъ и родомъ жизни совершенно сходствуютъ съ описанными татарами“.

Какое мѣсто слѣдуетъ удѣлить этимъ кибиткамъ на колесахъ въ исторіи развитія жилища у тюрковъ и монголовъ? Н. М. Ядринцовъ, первый изъ русскихъ изслѣдователей, пытавшійся начертать на основаніи преемственности типовъ исторію жилища у тюрковъ, былъ, повидимому, склоненъ отводить имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи развитія жилища кочевника. Такъ, говоря о способахъ современнаго кочеванія и правилахъ, регулирующихъ послѣднее, онъ замѣчаетъ, что „историческія изысканія доказываютъ, что прежде способы кочеванія были другіе. Хунну и гіенъ-ну (тюрки), а затѣмъ монголы имѣли болѣе простора. Передвиженіе было постоянное; кочевникъ даже не зналъ, гдѣ онъ остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, какъ нынѣ, но кибитка была поставлена на телѣги и съ телѣгами перевозилась“.²⁾ Другой изслѣдователь первобытной культуры тюрковъ Вамбери, полагаетъ, что кибитка на колесахъ ногайцевъ замѣнила *кедшеве* или *палеки*—плетенныя мѣста сидѣнья на верблюдахъ или муллахъ, и что эти кибитки употреблялись во всякомъ случаѣ только во время странствованій. Монголы, продолжаетъ тотъ же авторъ, также употребляли ихъ (кибитки на колесахъ) при Чингисѣ и его потомкахъ, но только въ волжскихъ областяхъ, а не на родинѣ³⁾, чему однако противорѣчитъ вышеприведенное свидѣтельство Марка Поло, который имѣетъ въ виду не волжскихъ степныхъ татаръ, а кочующихъ зимой въ равнинахъ, лѣтомъ въ горахъ, т.-е. во всякомъ случаѣ азіатскихъ татаръ, а равно и сообщенія ПIANO Карпини.

Въ пользу мнѣнія Вамбери, что кибитки на колесахъ служили только временнымъ жилищемъ, говоритъ и то, что ни одинъ изъ цитованныхъ нами писателей и не говоритъ о нихъ, какъ жилищахъ постоянныхъ. Кромѣ того, скотоводческій бытъ, избобрѣ-

1) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ Жана де-Дюка въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. XI, стр. 483.

2) Н. М. Ядринцовъ: Сибирскіе инородцы, стр. 246, 247.

3) V a m b e r y: Das Türkenvolk, стр. 551.

теніе колеснаго экипажа, приученіе животныхъ къ перевозкѣ является сравнительно высокой стадіей развитія, которой предшествовалъ звѣроловческій періодъ жизни народа, а типы жилищъ, которые представляетъ этотъ періодъ среди тюркскихъ народностей, мы описали уже выше. Необходимость совершать перекочевки и подчасъ переселенія съ женами и дѣтьми должна была вызвать потребность къ прикрытію телѣгъ отъ непогоды; съ развитіемъ жилища въ легко переносимое первоначальное прикрытіе должно было замѣняться перевозомъ на арбѣ цѣлой кибитки: это было вызвано необезпеченностью степнаго кочевника въ матеріалѣ, необходимомъ ему для постройки себѣ шалаша. Мы и видимъ дѣйствительно, что кибитка, уставляемая на колеса, видоизмѣняется по мѣрѣ измѣненія и развитія жилища; такъ кундровскіе татары ставили на арбы свои небольшія юрты, которыя мы считаемъ въ числѣ переходныхъ формъ отъ первобытнаго шалаша къ рѣшетчатой юртѣ; съ появленіемъ этой послѣдней бессарабскіе татары перевозятъ ее не разбирая, наконецъ современные караногайцы дѣлаютъ это также съ рѣшетчатыми юртами (*отовами*), которыя появились у нихъ въ замѣнъ описанныхъ у ногайцевъ же XVIII в. юртъ переходнаго къ рѣшетчатой юртѣ типа. Что этотъ обычай продолжаетъ существовать и въ настоящее время у караногайцевъ, не должно удивлять: съ одной стороны перевозить кибитку не разбирая несомнѣнно менѣе хлопотливо, чѣмъ разбирать ее и снова устанавливать на новомъ мѣстѣ, съ другой стороны, если маленькіе, неудобные отовы продолжаютъ вообще существовать у караногайцевъ, несмотря на знакомство ихъ съ болѣе обширными кибитками, то это объясняется вообще консерватизмомъ народа въ отношеніи къ прежнимъ формамъ жилищъ, съ которыми онъ не легко расстаётся, и примѣры чего намъ еще придется неоднократно встрѣтить. Въ описанной г. Ананьевымъ свадебной арбѣ не трудно узнать спальные чуланы кундровцевъ, о которыхъ упоминаетъ Палласъ: помѣщеніе, прежде постоянное, устраиваемое себѣ супругами, обратилось въ ритуальный экипажъ для перевозки невесты.

Такимъ образомъ въ общей исторіи развитія жилищъ у тюрковъ и монголовъ кибитка на колесахъ, являются, на нашъ взглядъ, только отпрыскомъ, вызваннымъ условіями жизни этихъ народностей: большими передвиженіями въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ—отпрыскомъ, который не далъ никакихъ самостоятельныхъ формъ и

исчезъ почти совершенно, съ появленіемъ новыхъ болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилищъ и съ сокращеніемъ района кочеванья.

Возвращаемся къ рѣшетчатой юртѣ. Мы видѣли, что она широко распространена. Какъ бы ни было рѣзко отличіе современной рѣшетчатой юрты въ ея развитомъ видѣ отъ первобытнаго конического шалаша, предшествующее изложеніе показало, что она появилась не сразу, что можно намѣтить промежуточные звенья, связующія ее съ первобытнымъ шалашомъ. Даже послѣ появленія складной рѣшетки нѣкоторыя черты прежняго типа продолжаютъ еще сохраняться: кошменные покрытія не сразу вытѣсняютъ обычай покрывать юрту берестой или камышемъ, и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами народностей сохраняется покрытіе остова циновками, или употребленіе циновокъ въ качествѣ нижняго покрытія остова, подъ кошмами. Особья условія быта поддерживаютъ до настоящаго времени среди каракалпаковъ обычай покрыванья юртъ кожами животныхъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнны нѣкоторыя указанія, которыя можно почерпнуть изъ сравненія описаній ногайскихъ юртъ у прежнихъ путешественниковъ. Такъ напр., Олеарій описываетъ ихъ юрты въ слѣдующихъ словахъ: онѣ (юрты) сдѣланы только изъ камыша или тростника, круглы и какъ-бы сводчатыя. На верху у нихъ отверстіе, служащее трубой, черезъ которое они (татары) пропускаютъ палку съ кускомъ кошмы, которую они могутъ повертывать по вѣтру, съ цѣлью облегчить выходъ дыма, и который они опускаютъ, когда дрова или кизякъ выгорѣли; при большомъ холодѣ они окружаютъ всю кибитку большой покрывкой изъ войлока (кошмой), при помощи которой они хорошо сохраняютъ тепло¹⁾. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Корнилій де-Бруинъ, бывшій въ Россію въ первыхъ годахъ XVIII в., отмѣчаетъ для астраханскихъ татаръ, что палатки ихъ сдѣланы уже изъ рѣшетинокъ или планокъ, и покрыты уже цѣликомъ войлокомъ; но войлокъ не доходитъ до земли, а находится выше ея на 1—2 фута; кромѣ того юрты плотно покрыты еще тростникомъ; дѣлаются богатыми, кромѣ того еще и полотняные навѣсы²⁾.

1) А. Оlearius: Voyage, стр. 458, 459 (Amsterd. 1727).

2) Корнилій де-Бруинъ: Путешествіе черезъ Московію; стр. 197.

Если бросить взгляд на границы распространения рѣшетчатой юрты легко замѣтить, что она господствуетъ именно среди кочевниковъ, живущихъ въ областяхъ бѣдныхъ лѣсомъ. Если мы встрѣчаемъ ее и въ лѣсистыхъ мѣстахъ, то тамъ она не является господствующимъ типомъ, что приводитъ къ заключенію, что она заимствована у степныхъ сосѣдей: алтайскіе инородцы далеко не всѣ обзавелись рѣшетчатыми юртами: онѣ принадлежатъ лишь болѣе состоятельнымъ, а сѣверные буряты заимствовали ихъ, по видимому, какъ было указано выше, отъ своихъ болѣе южныхъ сосѣдей. Географическое распредѣленіе рѣшетчатой юрты говоритъ въ пользу высказаннаго нами выше предположенія о развитіи этой формы жилища въ степяхъ.

Рѣшетчатая юрта является наиболѣе высшимъ типомъ, до котораго развилось жилище кочевника, высшей формой развитія шалаша. Несмотря на то, что она вся составная и легко раскладывается, она представляетъ, когда она составлена, настолько крѣпкое цѣлое, что ее можно переносить не разбирая ¹⁾; съ другой стороны установка разобранной кибитки требуетъ лишь очень незначительнаго времени.

Наконецъ, въ описанныхъ выше типахъ рѣшетчатыхъ кибитокъ можно подмѣтить слѣдующія измѣненія, которыя являются элементами для развитія болѣе сложныхъ типовъ жилья, а именно: прочное устройство дверей, вынесеніе башкирами очага изъ юрты наружу и замѣну его первобытной печью. Вынесеніе очага за предѣлы кибитки является вполне естественнымъ среди башкиръ, у которыхъ рѣшетчатая войлочная юрта служить только лѣтнимъ жилищемъ, въ теченіе жаркаго времени года; естественнымъ является и огражденіе очага камнями, — приемъ который, приводитъ къ развитію прочной печи. Изъ другихъ чертъ въ развитіи кибитки, отмѣтимъ раздѣленіе ея на части посредствомъ занавѣси или перегородокъ, сплетенныхъ изъ травы. Наконецъ среди бурятовъ мы встрѣчаемъ примѣръ развитія кибитки еще въ томъ отношеніи, что въ ней продѣлывается иногда окно, что не мѣшаетъ ей во всемъ

¹⁾ Опредѣлить, который изъ двухъ типовъ рѣшетчатыхъ юртъ болѣе устойчивъ довольно трудно: Г. Н. Потанинъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II. стр. 108) замѣчаетъ однако что устройство конусообразнаго верха „дѣлаетъ монгольскую юрту, по сознанію самихъ киргизовъ, устойчивѣе киргизской и лучше выносящую удары вѣтра“.

остальномъ сохранять всѣ черты, типичныя для обыкновенной рѣшетчатой юрты.

Въ способахъ разселенія и послѣ появленія рѣшетчатой юрты не происходитъ замѣтныхъ измѣненій; въ основу устройства кочевки лежатъ какъ и раньше два принципа: 1) родственный, который заставляеть родственниковъ другъ другу семейства кочевать вмѣстѣ или по крайней мѣрѣ вблизи другъ отъ друга, и 2) экономическій, не позволяющій вслѣдствіе скудости пастбищъ селиться большими группами; вслѣдствіе этого у большинства писателей мы находимъ извѣстія, что аулы состоятъ обыкновенно изъ сравнительно ничтожнаго количества юртъ. Такъ полуосѣдлые башкиры, жившіе еще въ XVIII в. зимой въ большихъ деревняхъ, разбивались на лѣто на небольшія группы, состоявшія изъ 5 — 20 юртъ¹⁾. Г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ въ качествѣ характерной черты малолюдность монгольскихъ улусовъ: «на всемъ длинномъ пути по Монголіи, пишетъ онъ, (около 5000 верстъ) мы нигдѣ не встрѣчали большихъ улусовъ: величина ихъ колеблется отъ 5 до 8 юртъ и рѣдко отъ 8 до 12. ...Малолюдность монгольскихъ улусовъ, продолжаетъ авторъ, объясняется отчасти недостаткомъ обширныхъ привольныхъ пастбищъ, отчасти родственными отношеніями, лежащими въ основѣ общежитія монголовъ, поселенія которыхъ составляются преимущественно изъ юртъ близкихъ родныхъ. Привыкнувъ кочевать разсѣянно, монголы и на тучныхъ пастбищахъ, встрѣчающихся изрѣдка въ ихъ странѣ и способныхъ питать многочисленныя стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительныя группы изъ 4 — 8 юртъ, состоящія иногда въ полуверстѣ одна отъ другой. Исключеніемъ служатъ развѣ только княжескія ставки и большіе монастыри, около которыхъ встрѣчаются болѣе многолюдные улусы²⁾. Тотъ-же фактъ малолюдности монгольскихъ селеній въ Монголіи можно отмѣтить и на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Я. П. Дубровымъ³⁾. Аулы караногайцевъ состоятъ самое большое изъ 30—40 юртъ, при среднемъ количествѣ въ 8 или 10⁴⁾. То-же самое видимъ мы и среди калмыковъ

1) Описание... народовъ, изд. Миллера П, стр. 89.

2) М. В. Пѣвцовъ: Оч. пут. по Монголіи, стр. 67.

3) Я. П. Дубровъ: Поѣздка въ Монголію въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, № 1—3.

4) Г. А нань евъ: Караногайцы, стр. 41.

Астраханской губ. Собрание кибитокъ (*хотонъ*) состоитъ изъ лицъ, находящихся въ ближайшемъ родствѣ, и семейно-родственное начало составляетъ, пишетъ г. Житецкій, главное основаніе для группировки кибитокъ въ хотонъ, хотя съ измѣнившимися условіями жизни этотъ принципъ и терпитъ нарушенія; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохраняется обычай, что въ составъ хотона кибитка посторонняго лица принимается не иначе, какъ послѣ общаго послѣдняго подчиненія обычаямъ хотона¹⁾. Подобныхъ свидѣтельствъ можно было-бы привести много. Исключеніемъ изъ этого общаго правила составляютъ тѣ кочевыя или полукочевыя народности, которыя еще недавно представляли воинственное населеніе; потребности самозащиты вынуждали ихъ селиться большими группами; въ случаѣ тревоги селеніе доставляло быстро готовое войско. Киргизы селились большими группами, причѣмъ и въ настоящее время среди азіатскихъ киргизовъ встрѣчаются еще селенія въ 50—80 юртъ. Но въ мѣстностяхъ, гдѣ замирненіе киргизовъ произошло уже сравнительно давно, какъ напр. въ Букеевской ордѣ, селенія распадаются на незначительныя группы. Въ эпоху воинственной жизни тюркскихъ и монгольскихъ народностей ставки однако были многолюднѣе, и древніе путешественники отмѣчаютъ, что онѣ отличаются большимъ количествомъ юртъ, какъ напр. Рубрукъ, который относительно ставки Батыя замѣчаетъ, что издали она показалась ему большимъ городомъ; впрочемъ онъ оговаривается, что такъ какъ у татаръ процвѣтало многоженство, и такъ какъ каждая жена имѣла свои повозки, то женское населеніе въ ставкахъ было вообще болѣе обширно, чѣмъ мужское²⁾. До послѣдняго времени каракиргизы жили не аулами, а цѣлыми родами, устраивали зимнія стойбища по берегамъ рѣкъ, располагая юрты непрерывнымъ рядомъ часто на 20 и болѣе верстъ. Они такимъ-же образомъ устраивали и лѣтнія перекочевки въ горы. Этотъ способъ кочеванія, пишетъ В. Радловъ, объясняется отчасти условіями страны, отчасти значительно болѣе воинственнымъ (чѣмъ у киргизъ-казаковъ) характеромъ народа. При подобномъ способѣ установки юртъ каракиргизы могли въ нѣсколько часовъ имѣть цѣлое войско готовымъ къ нападенію или къ защитѣ. Но уже въ 1864 г.—время,

¹⁾ Житецкій: Очерки быта астрах. калмыковъ, стр. 34—35.

²⁾ Rubruquis: Voyage, гл. XXI; ср. также *ibid.*: гл. XII и XVII.

къ которому относится путешествіе В. Радлова, авторъ слышалъ, что каракиргизы, послѣ подчиненія ихъ русскимъ, т. е. послѣ минованія необходимости поддерживать военный строй, — начали мѣнять прежній способъ кочевки и стали разбиваться на аулы, какъ и киргизъ-кхазакъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ съ упадкомъ родового быта, съ увеличеніемъ безопасности со стороны внѣшнихъ враговъ, и съ упадкомъ воинственнаго духа, поддерживавшаго вражду родовъ, экономическій принципъ при расселеніи сказывается съ большей интенсивностью, и заставляетъ устраивать малолюдные аулы, дабы у каждой группы не было недостатка въ травѣ и ей давалась возможность дольше оставаться на одномъ и томъ-же мѣстѣ не перекочевывая.

Чтобы покончить съ кочевымъ жилищемъ, остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи двора. Размѣры кибитокъ настолько незначительны, что съ развитіемъ благосостоянія онѣ не могутъ вмѣщать въ себя всего имущества кочевника; разрастаніе семьи также не даетъ возможности всѣмъ членамъ ея помѣщаться подъ одной кровлей; вотъ почему уже отъ XIII в. мы имѣемъ свидѣтельства, о построеніи особыхъ помѣщеній для перевозки имущества, женъ, дѣтей и т. д. Рубрукъ (1. с.) говоритъ, что небольшія юрты, устраиваемыя по образцу большихъ, жилыхъ юртъ, и служащія для перевозки имущества, всегда слѣдовали при перекочевкахъ за жилыми помѣщеніями, но въ то время, какъ послѣднія снимались на ставкахъ, послѣднія всегда оставались на повозкахъ, лѣтомъ—на колесныхъ, зимой на саняхъ. Члены семьи и жены имѣли также особыя повозки: такимъ образомъ развитіе жилища кочевника, его подвижнаго двора, заключается прежде всего въ увеличеніи, соотвѣтственно количеству членовъ семьи, числа какъ жилыхъ помѣщеній, такъ и подвижныхъ кладовыхъ. Впослѣдствіи по свѣдѣніямъ отъ XVIII в. и въ настоящее время мы находимъ у киргизовъ и калмыковъ тоже раздѣленіе семьи на нѣсколько кибитокъ, причемъ отдѣльныя кибитки строятся иногда специально для приготовленія кушанья²⁾. Гмелинъ упоминаетъ о существованіи обычая строить отдѣльныя «поваренныя кибитки» у астраханскихъ татаръ³⁾. О спальныхъ чуланахъ у волжскихъ татаръ

1) W. Radloff: Aus Sibirien, I, стр. 527, 528.

2) Ср. Описаніе... народа, изд. Миллера, II, стр. 129.

3) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи, II, стр. 175.

мы выше говорили со словъ Палласа. Относительно существованія обычая устраивать особую юрту для жены, дѣтей и для варки пищи у бессарабскихъ татаръ въ XVIII в. мы имѣемъ свидѣтельство Клемана ¹⁾. Обычай отдѣлять взрослыхъ лицъ въ особыя кибитки и устраивать отдѣльныя помѣщенія для варки пищи встрѣчаемъ мы и у астраханскихъ калмыковъ ²⁾. Условія, при которыхъ приходится жить кочевнику, не позволяютъ ему расширять размѣры жилого помѣщенія: онъ въ силу необходимости вынужденъ увеличивать только число помѣщеній для семьи и для храненія своего имущества — и этотъ принципъ, выработанный при условіяхъ кочевой, постоянно подвижной жизни, сохраняется, какъ мы это увидимъ ниже, и при переходѣ къ болѣе прочнымъ видамъ жилища.

Что касается устройства помѣщенія для скота, то кочевникъ—скотоводъ отсталъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ развитіемъ своего жилого помѣщенія; въ то время, какъ послѣднее вполне оказалось приспособленнымъ къ постояннымъ передвиженіямъ, помѣщеніемъ для скота еще долго продолжаютъ служить простые загоны. При условіяхъ жизни, которыя заставляютъ кочевника мѣнять мѣста своего жительствова, и зимой, для отысканія пищи скоту, при обширности стадъ, не можетъ быть и рѣчи о прочномъ укрытіи скота отъ зимнихъ вьюговъ. Такъ напр., монголы, живущіе внѣ предѣловъ Россіи, перекочевываютъ и зимою, хотя эти передвиженія и совершаются рѣже, чѣмъ лѣтомъ; «скоть у нихъ круглый годъ остается подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго крова. Только для барановъ и козъ дѣлаютъ иногда на продолжительныхъ зимнихъ стоянкахъ, круглыя ограды изъ камней, высотой фута въ три, въ которыя загоняютъ этихъ животныхъ на ночь» ³⁾. Молодыхъ животныхъ укрываютъ обыкновенно въ жилыхъ юртахъ. Исключеніе составляютъ только богатые монголы: такъ одинъ изъ ноёновъ, видѣнныхъ Я. П. Дубровымъ, жилъ въ большой чистой юртѣ, близъ которой была устроена другая поменьше: это *тогоней-ыръ* — кухня; въ ней жили рабочіе. Около тогоней-гыра былъ устроенъ дворикъ для загона табуновъ,

¹⁾ Клеман: Voyage, стр. 73.

²⁾ Житецкій: I. с. стр. 18, 34.

³⁾ М. В. Пѣвцовъ: I. с., стр. 67, 68.

и наконецъ былъ поставленъ деревянный амбаръ для домашняго скарба¹⁾. Развитіе двора начинается при переходѣ мочевника къ полуосѣдлости; впрочемъ, пока онъ еще сохраняетъ въ качествѣ зимняго жилья свою кибитку,—изгороди, иногда только крытыя, для скота служатъ послѣднему единственной защитой. Такъ напр., киргизы, которые живутъ около оз. Балкашъ и по теченію р. Или и зимуютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, зимой продолжаютъ жить въ кибиткахъ, — устраиваютъ простые загоны для скота: съ появленіемъ снѣга въ степи, они направляются на зимовки, которыя они располагаютъ въ мѣстностяхъ обильныхъ камышемъ; камышевымъ заборомъ они, въ предупрежденіе снѣжныхъ заносовъ, обносятъ свои юрты, изъ камыша-же дѣлаютъ и загоны для барановъ; эти загоны представляютъ совершенно закрытый шалашъ съ маленькимъ входнымъ отверстіемъ, которое на ночь прикрывается снопомъ камыша²⁾. У караногайцевъ «зимой кибитки, по словамъ г. Ананьева (l. c.), огораживаются съ запада, съвера и востока стѣнами изъ бурьяна, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ; такія стѣны дѣлаются для загона скота, овецъ и лошадей во время бурановъ и метелей». Подобныя-же загороди были въ употребленіи и у степныхъ крымскихъ татаръ до перехода ихъ къ осѣдлости, причемъ загороди продолжали существовать и у тѣхъ, немногихъ въ то время, степныхъ татаръ, которые строили себѣ на зиму болѣе прочныя помѣщенія; такъ въ отчетѣ таврическаго вице-губернатора А. Шостака отъ 1804 г., лично знакомившагося съ хозяйственнымъ бытомъ татаръ, говорится: „я нашелъ ихъ (татаръ) хотя завимающимися хлѣбопашествомъ, но кочующими въ лѣтнее время съ мѣста на мѣсто. На зиму хотя возвращаются они туда, гдѣ заготавливаютъ топливо и сѣно и гдѣ у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяна, однакожь сіе ничуть не служитъ защитой отъ стужи, а скотъ ихъ и табуны, будучи безъ всякихъ загоновъ, всегда подвержены гибели. Зимовники ихъ въ томъ единственно заключаются, что каждое се-

1) Я. П. Дубровъ: Поездка въ Монголію, въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV. № 1—2, стр. 73.

2) А. М. Никольскій: Путешествіе на оз. Балкашъ, стр. 81; Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, вып. 1; см. также В. Фишеръ: Оз. Балкашъ и теченіе р. Или, стр. 17, *ibid.* т. VI.

мейство или, по ихъ названію казань, отдѣляется небольшимъ окопомъ¹⁾.

Какъ ни просты эти заговы, но уже въ описанныхъ формахъ мы видимъ извѣстное развитіе отъ простой изгороди до формы, приближающейся къ понятію о дворѣ; изгороди дѣлаются изъ камыша; у киргизовъ на Балкашѣ онѣ принимаютъ форму крытаго шалаша, у другихъ встрѣчаются окопы и обставливаніе кибитокъ изгородями изъ камыша — все это элементы, изъ которыхъ впоследствии складывается дворъ при развитыхъ зимовкахъ полукочевниковъ. Наиболѣе развитую форму двора у кочевника, при сохраненіи въ качествѣ зимняго жилища рѣшетчатой юрты, мы встрѣчаемъ у бессарабскихъ татаръ конца XVIII в.; около юртъ, располагались, по словамъ Клемана²⁾, стойла, въ стѣны которыхъ при устройствѣ не входило ни камней, ни кирпичей; онѣ составлены были изъ тростника или дранокъ, снаружи обмазаны коровимъ навозомъ и покрыты тростникомъ, на который накладывали сѣно и навозъ, и были окружены камышевымъ заборомъ. Въ описанной Клеманомъ формѣ мы видимъ уже дворъ, который лишь съ небольшими видоизмѣненіями и въ нѣсколько болѣе сложномъ видѣ мы встрѣтимъ у степныхъ полуосѣдлыхъ народовъ, перешедшихъ къ болѣе высокимъ формамъ жилища.

¹⁾ А. Скальковскій: О ногайскихъ татарахъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1843. ч. XI, отд. II, стр. 156.

²⁾ Клеман: Voyage, стр. 73.

II.

Типы постоянных жилищъ.

Типы постоянныхъ жилищъ, воспроизводящихъ форму рѣшетчатой юрты: у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ, бурятъ и алтайскихъ тюрковъ. Балаганы и плетневые жилища: четырехгранный шалашъ алтайскихъ тюрковъ. Балаганы алтайскихъ тюрковъ, чулымскихъ татаръ, якутовъ, бурятъ, башкиръ. Развитие балагана изъ шалаша. Плетневые жилища (мазани) у телеутовъ, абинскихъ, перекопскихъ татаръ, ногайцевъ, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Землянки у телеутовъ, киргизовъ и ордосскихъ монголовъ. Переходные типы отъ землянокъ къ срубамъ и мазанкамъ у вузнецкихъ татаръ, башкиръ, кундровскихъ татаръ, киргизовъ. Надземныя землянки у торгоутовъ и киргизовъ. Переходъ отъ надземной землянки къ срубамъ. Срубы у башкиръ, волжскихъ татаръ, киргизовъ, алтайскихъ тюрковъ. Развитие сруба у башкиръ, штышскихъ киргизовъ, алтайскихъ тюрковъ, сибирскихъ татаръ, бурятъ, якутовъ, акмолинскихъ киргизовъ. Развитие внутреннего устройства жилища. Развитие очага. Устройство двора. Группировка въ селеніи. Переходъ къ полупустынности кочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи; вліяніе лѣса на осѣданіе народности; переходъ къ полупустынности въ лѣсной и степной областяхъ. Заключение.

Мы видѣли, что кочевыя народности и послѣ перехода ихъ къ постояннымъ мѣстамъ зимовки продолжаютъ еще долгое время употреблять въ качествѣ постоянного жилища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, одинъ и тотъ-же типъ, приспособленный къ кочевому быту. Однако потребность въ болѣе тепломъ помѣщеніи постепенно приводитъ къ стремленію отыскать болѣе прочныя формы жилища. Въ общемъ процессъ перехода къ новымъ видамъ жилья у полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей совершался, какъ и всюду, двоякимъ путемъ: при замѣнѣ прежняго матеріала другимъ, болѣе прочнымъ, или сохранялись древнія формы, или отыскивались новыя. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ старыя жилища не всегда уничтожаются; напротивъ того, они еще долго продолжаютъ служить сначала въ качествѣ исключитель-

но лѣтнихъ жилищъ, а затѣмъ въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ.

Начнемъ съ построекъ, которыя продолжаютъ сохранять старыя формы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рельефно можно видѣть развитіе жилья изъ переноснаго въ постоянное на рѣшетчатой юртѣ. Выше нами было указано, что даже послѣ того, какъ народъ выбралъ себѣ мѣста постоянныхъ зимовокъ и устроилъ крытые загоны для скота на зиму (какъ киргизы на оз. Балкашъ или бессарабскіе татары XVIII в.), онъ продолжаетъ жить еще въ рѣшетчатой юртѣ, которая, не смотря на то, что зимой покрывается двойнымъ рядомъ кошпъ, служитъ плохой защитой отъ холода. Отыскавъ себѣ новый матеріалъ для постройки, которая могла-бы больше охранять отъ стужи, народъ не ищетъ новой формы: онъ сохраняетъ старую, но воспроизводитъ ее изъ новаго матеріала; этотъ послѣдній зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Подобныя жилища извѣстны у киргизовъ Акмолинской Области: въ степныхъ частяхъ Области, занимаемой киргизами, гдѣ лѣса нѣтъ, матеріаломъ служитъ земля. Такъ въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ уу. зимовками бѣдныхъ киргизовъ служатъ т. наз. чучелы: по своему внѣшнему виду, чучелы воспроизводятъ рѣшетчатую юрту киргиза. Въ безлѣсной степи чучелы строятся изъ дерна: стѣны ихъ, образуя правильный кругъ, возводятся на 2 арш.; затѣмъ на этотъ фундаментъ, соответствующій рѣшеткѣ въ лѣтней юртѣ—дернъ кладется уже нѣсколько наклонно, такъ что образуется тупой конусъ, въ срединѣ котораго оставляется отверстіе для выхода дыма. Въ отверстіе вставляется, какъ и въ войлочной юртѣ, деревянный кругъ—чангаракъ, прикрываемый, какъ и въ послѣдней, войлокомъ. Посрединѣ чучелы выкапывается продольная съ отвѣсными боками яма, которая служитъ очагомъ: надъ нимъ устанавливается чугунный котелъ, либо непосредственно, либо на треножникѣ. Дверное отверстіе прикрывается циновкой, сплетенной изъ камыша, или коврикомъ изъ войлока. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ круглыя стѣны чучелы строятся изъ двойного плетня, набиваемаго землей и навозомъ, а конусообразная крыша дѣлается изъ жердей, нижній конецъ которыхъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ, а верхній—лежитъ на кругѣ или четырехугольникѣ, опирающемся на 4 столба внутри чучелы; сверхъ жердей, образующихъ крышу, накладываютъ камышъ, хворостъ и дернъ, а дымо-

вое отверстіе прикрывается войлокомъ. Среди болѣе богатыхъ киргизовъ чучелы служатъ кухней или помѣщеніемъ для рабочихъ. Наконецъ иногда чучела строятся изъ бревенъ, и такъ какъ при этомъ матеріалъ нѣтъ возможности придать ей круглую форму, то ее дѣлаютъ обыкновенно восьмиугольной ¹⁾).

Аналогичныя постройки появились недавно среди астраханскихъ калмыковъ въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ. Это, по описанію г. Житецкаго, постройки, „по виду и размѣру даже совершенно одинаковыя съ калмыцкими кибитками.“ Онѣ строятся изъ камня и дѣлаются или совершенно круглыми или восьмигранными. Конусообразныя крыши возводятъ или также изъ камня, или онѣ представляють деревянный остовъ, покрытый кошмами. Наверху устроено дымовое отверстіе, въ которое, какъ и въ войлочныхъ кибиткахъ, вставляютъ кругъ—харачи, съ перебрещивающимися полуобручами—цагрыкъ. „Но подобныя каменные кибитки, замѣчаетъ г. Житецкій, сколько я ихъ видѣлъ, назначаются не для жилья, а для приготовленія кушанья: это—кухни, главнымъ образомъ богачей изъ духовенства, и едва-ли онѣ не заимствованы отъ бурятъ и угринскихъ монголовъ, куда въ послѣднее время ежегодно отправляются астраханскіе калмыки, особенно изъ Дербетовскаго улуса ²⁾.“

Дѣйствительно, среди бурятъ значительно распространены подобныя постройки, но онѣ по условіямъ мѣстности строятся изъ бревенъ. О подобныхъ бревенчатыхъ юртахъ у бурятъ говоритъ еще Гмелинъ, который видѣлъ ихъ около д. Буринской на Бурьярѣ; онѣ уже встрѣчались, по его словамъ, и у удинскихъ бурятъ. Всѣ онѣ (юрты) шестиугольны, пишетъ Гмелинъ, и состоятъ изъ балокъ, положенныхъ другъ на друга на высоту немного болѣе $\frac{1}{2}$ сажени; начиная съ этой высоты, палки положены вкось, послѣднія наверху соединяются, но такъ, что остается отверстіе для выхода дыма; палки, образующія крышу, засыпаны землею. Входъ обращенъ на востокъ. Внутри юрта подпиралась 4-мя столбами, между которыми находился очагъ, надъ которымъ прихо-

¹⁾ В. Шпе: Зимовья и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 10, 11; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й.

²⁾ И. Житецкій: Очеркъ быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

дилось дымовое отверстіе. Въ юртахъ помѣщались и люди и молодой скоть. ¹⁾

Подобныя бревенчатыя юрты служатъ сѣвернымъ бурятамъ и до настоящаго времени зимнимъ жилищемъ. По описанію А. В. Потаниной ²⁾ юрты сѣверныхъ бурятъ имѣютъ восьмигранную форму; стѣны, однако, поднимаются на сажень и выше, крыша дѣлается также бревенчатой или досчатой; отверстіе для выхода дыма устраивается квадратное, или остается по формѣ юрты—тоже восьмиугольнымъ. Кровля поддерживается 4-мя столбами, очагъ — посрединѣ юрты, причеиъ огонь разводится непосредственно на землѣ. Полъ отъ столбовъ до стѣнъ выстилается досками, иногда впрочемъ земля ничѣмъ не покрывается. При юртѣ ставится амбаръ, — четырехугольный срубъ безъ оконъ и лабазъ: полати на 4-хъ столбахъ для склада провизіи.

Среди бурятъ Аларскаго вѣдомства, перешедшихъ въ теченіе настоящаго столѣтія къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ, сохраняется то же многоугольная бревенчатая юрта, которая въ настоящее время, однако, служитъ лишь лѣтнимъ жильемъ. Лѣтовки аларскихъ бурятъ представляютъ также срубы, причеиъ они дѣлаются 4-хъ, 5-ти, 6-ти, 8-ми угольными; длина и ширина ихъ равняется отъ $2\frac{1}{3}$ —4 саж., при высотѣ въ 3—5 аршинъ. При входѣ въ юрту дѣлаются часто глухія сѣни съ чуланами по сторонамъ; перегородокъ въ юртѣ нѣтъ; онѣ замѣнены занавѣсками; да и въ остальномъ своемъ внутреннемъ убранствѣ юрта повторяетъ устройство и убранство рѣшетчатой юрты: по стѣнамъ развѣшивается одежда, разставляются сундуки, кладутся подушки, а на полкахъ устанавливается посуда. Крыша на юртахъ тесовая скатами, или на горбыли, которые кладутся на крышу, наваливаются большіе куски лиственничной и березовой коры и придавливаются слоеиъ земли, вслѣдствіе чего крыша принимаетъ куполообразную форму. Какъ въ вышеописанныхъ жилищахъ этого типа у бурятъ, и здѣсь крыша поддерживается нѣсколькими столбами; дымовое отверстіе круглое или четырехугольное. Очагъ посрединѣ. Въ богатыхъ юртахъ пространство вокругъ костра, для котораго оста-

¹⁾ Gmelin: Reise durch Sibirien, I. стр. 404, 405.

²⁾ Изъ путешествій ...А. В. Потаниной, изд. Географ. Отд. И. О. Л. Е. А. и Этногр. „Буряты“, стр. 22, 23,

вляется около 1 кв. сажени, забирается досками въ видѣ пола. Эти юрты лѣтомъ гораздо прохладнѣе: въ нихъ воздухъ лучше вентилируется, чѣмъ въ домахъ и избахъ; зимой-же онѣ стоятъ пустыми и служатъ для склада разныхъ произведеній, а также для выдѣлки *тарасуна* (хмѣльнаго напитка изъ молока).¹⁾ Описанная юрта аларскихъ бурятъ представляетъ высшую ступень въ развитіи жилыхъ построекъ, воспроизводящихъ собой форму рѣшетчатой юрты въ ней мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ у богатыхъ, уже досчатый полъ, и планъ ея усложняется пристройкой сѣней. У посѣщенныхъ г. Кирилловымъ бурятъ на Байкалѣ этотъ типъ юртъ различается отъ вышеописанныхъ тѣмъ, что внутри юрты, „надъ головами, вмѣсто потолка, и вдоль нѣкоторыхъ стѣнъ на правой сторонѣ—устроены полки для посуды; на лѣвой сторонѣ, вдоль первыхъ двухъ отъ входа стѣнъ, идутъ широкія лавки—нары“. Далѣе очагъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: „посреди юрты между столбами пола нѣтъ, а плотно убитая глинистая почва... здѣсь поставлены 3 камня, изъ которыхъ каждый имѣетъ видъ конуса, распиленнаго пополамъ по вертикальной оси: межъ этими камнями постоянно дымитъ огонь“. Не лишень интереса фактъ, что не смотря на существованіе наръ, буряты никогда не садятся на нихъ, предпочитая располагаться на полу близъ очага, на подушкахъ, войлокахъ и т. п.²⁾

Наконецъ этотъ-же типъ жилыхъ строеній извѣстенъ и среди алтайскихъ инородцевъ, но тамъ онѣ продолжаетъ еще въ большинствѣ случаевъ служить зимнимъ жилищемъ. Обиліе лѣса позволяетъ алтайцамъ, какъ и бурятамъ, возводить подобныя юрты изъ дерева. О нихъ говоритъ П. М. Ядринцевъ и совершенно вѣрно указываетъ мѣсто ихъ въ исторіи развитія жилища у алтайцевъ: „у кочевыхъ алтайцевъ и у черневыхъ существуетъ еще переходная форма—это шести-или восьмиугольная бревенчатая юрта, съ конусомъ наверху; такова зимовка скотовода. Человѣку, привыкшему къ круглому помещенію, немислимо перейти къ четырехугольному, и онѣ избобрѣлъ многоугольный срубъ, замѣняющій ему ста-

1) Землезнавѣніе Азіи, Карла Риттера. I. Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губ... стр. 345, 346.

2) Кирилловъ: Повѣдка въ Нижне-Аягарскъ... на Байкалѣ, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, № 1—2, стр. 6 и 7.

рую юрту, съ очагомъ посрединѣ. 1)“ На рис. 8 изображена воспроизведенная г. Ядринцевымъ юрта у черневыхъ татаръ.

Подобная же 8-миугольная юрта у алтайскихъ инородцевъ описана и В. Радловымъ 2). Видѣнныя имъ бревенчатыя юрты были построены изъ хорошаго лѣса, и образовывали правильный восьмиугольникъ; стѣны возвышались въ ростъ человѣка; крыша была также восьмиугольная, состояла изъ жердей и была покрыта

Рис. 8. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

берестой; дымовое отверстіе имѣло въ поперечникъ до $2\frac{1}{2}$ футовъ. Дверь (двустворчатая) была устроена по русскому образцу. Рис. 9 изображаетъ описанную г. Радловымъ юрту. Внутреннее устройство ея ничѣмъ не разнилось отъ устройства коническихъ юртъ, кромѣ развѣ того, что, такъ какъ она принадлежала богатому хозяину, юрта была богаче убрана.

1) Н. М. Ядринцевъ: Алтай и его инородч. царство. Историч. Вѣстн. XX. 1885. стр. 634.

2) Radloff Aus Sibirien. I, стр. 269—270.

Мы имѣли возможность прослѣдить въ общихъ чертахъ исторію развитія первобытнаго конического шалаша до построекъ срубамъ, вполне подходящихъ, если вспомнить юрты аларскихъ бурятъ, къ понятію о домѣ: развитіе конического шалаша приводитъ къ рѣшетчатой куртѣ, а эта послѣдняя къ землянымъ, плетенымъ, каменнымъ или бревенчатымъ прочнымъ жилищамъ. Но какъ при господствѣ рѣшетчатой юрты, коническіе шалашы превращаются исключительно въ жилища бѣднѣйшихъ представителей

Рис. 9. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

племени или начинаютъ служить только походнымъ жильемъ, такъ и земляныя, бревенчатыя и др. постройки, воспроизводящія форму юрты и знаменующія собой значительный культурный прогрессъ племени, начинаютъ занимать, по переходѣ народа къ болѣе сложнымъ типамъ, второстепенное мѣсто: онѣ служатъ или только лѣтнимъ жилищемъ, какъ у аларскихъ бурятъ, или зимовками болѣе бѣднаго населенія, или кухнями, какъ чучела киргизовъ и аналогичныя постройки калмыковъ.

Коническій шалашъ служитъ однако эмбриономъ и для развитія другого рода жилищъ, именно четырехугольныхъ срубовъ. Уже въ коническихъ шалашахъ, построенныхъ изъ толстыхъ жердей, можно видѣть основаніе для болѣе прочнаго жилья; остовы ихъ не переносятся, какъ вслѣдствіе тяжести, такъ и вслѣдствіе обилія лѣса, который лѣсной кочевникъ всегда находитъ готовымъ для постройки себѣ такого-же жилища на новомъ мѣстѣ остановки. Дальнѣйшее развитіе подобнаго шалаша заключается въ томъ, что

вмѣсто круглыхъ жердей для устройства остова шалаша начинаютъ употреблять толстыя, конечно лишь плохо обдѣланныя, доски; вслѣдствіе этой замѣны одного матеріала другимъ, коническій шалашъ долженъ естественно видоизмѣнить свою форму, и изъ круга превратиться въ четырехгранный. Этотъ переходъ формы шалаша изъ конуса въ четырехгранную пирамиду хорошо извѣстенъ у финскихъ народностей, у которыхъ напр. вѣжи русскихъ лопарей и остяковъ именно произошли этимъ-же путемъ. Подобныя четырехгранные шалаша извѣстны и среди алтайскихъ тюрковъ: ¹⁾ въ качествѣ лѣтняго жилья (*яйлу*) они встрѣчаются по теченію Би и на Телоцкомъ оз. Яйлу представляетъ четырехгранный шалашъ безъ оконъ, покрытый берестой. Зимой досча-

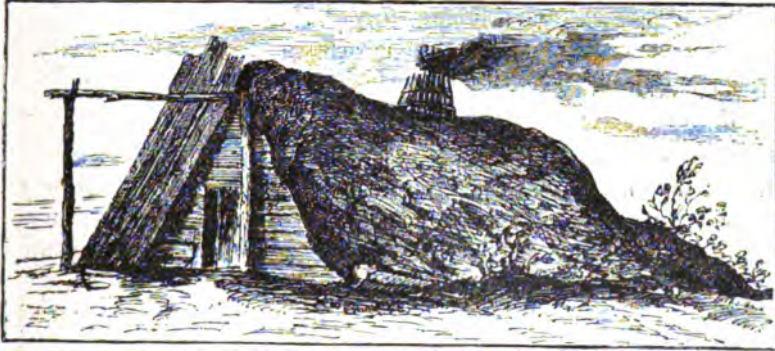

Рис. 10. Зимовка кумандицевъ.

тыя стѣны закидываются землей. „У кумандицевъ, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, ²⁾ среди подобія русскихъ избъ мы нашли оригинальную переходную форму зимовки; это родъ шалаша съ крышей, закиданной землей, съ глинобитной печью (рис. 10), ³⁾ переходъ къ настоящей избѣ но своеобразной формы: здѣсь видно еще родство съ шалашемъ“. Жилища этого типа, въ особенности зимнія, разбираются съ трудомъ и при перекочевкахъ оставляются на мѣстахъ: они являются, такимъ образомъ, вполне прочными

¹⁾ Ядрищевъ: Сибирскіе инородцы стр. 115, см. его-же: Алтай I. с. стр. 634.

²⁾ Н. М. Ядрищевъ: Алтай: Истор. В. 1885. XX. стр. 633.

³⁾ Ibid. стр. 629.

типами жилья и составляют переходный типъ въ четырехугольнымъ постройкамъ отъ круглыхъ - коническихъ. Изъ этой формы вслѣдствіе стремленія выпрямить стѣны развиваются т. наз. балаганы и мазанки.

Балаганами, поскольку это касается жилищъ инородцевъ, принято вообще называть легкія, плохо сколоченныя постройки изъ досокъ или тонкаго лѣса, въ частности изъ этого же матеріала, поставленнаго стоймя. Такія именно жилища мы встрѣчаемъ среди алтайскихъ инородцевъ; это шалашъ, построенный изъ лѣса, поставленнаго стоймя; онъ употребляется въ качествѣ лѣтняго жилья и кроется берестой; слѣва въ углу отъ входной досчатой двери, плохо придѣланной и держащейся на ремешкахъ, устроенъ очагъ, который иногда замѣняется чуваломъ ¹⁾. Подъ чуваломъ разумѣется очагъ, надъ которымъ поднимается прямая, сплетенная изъ прутьевъ и обмазанная труба, выпускающая дымъ наружу; въ видахъ удобства прикрѣпленія трубы чуваль ставится обыкновенно въ углу.

Къ этому же типу жилищъ, повидимому, слѣдуетъ причислить и зимній шалашъ алтайцевъ, о которомъ говоритъ Н. М. Ядринцевъ (I. с.); въ немъ устраивается уже окно, которое вначалѣ помещается наверху (въ крышѣ) и затягивается брюшиной; окно переплетено прутьями. Въ такихъ зимовкахъ также устраивается чуваль.

Зимнее жилище **чулымскихъ татаръ** въ XVIII в. представляетъ тотъ-же типъ: „Чулымское зимнее жилище, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ“ ²⁾, подобно въ размѣщеніи тонкаго строевого лѣса, съней, отверстія въ потолокъ и всего внутренняго расположенія бзрабинскому (гдѣ устраиваются уже срубы); только стѣны дѣлаются наискось или покато, и снаружи заваливаются ради тепла землею. Около избъ стоятъ чуланы и хлѣва.“ Больше подробностей объ этомъ типѣ мы видимъ въ описаніи Палласа. Зимнія юрты чулымскіе татары строили, по словамъ путешественника, изъ „лежащихъ прямо и поперекъ тоненькихъ березовыхъ брусевъ, на подобіе большого ящика съ косоватыми по бокамъ стѣнами. Передняя часть сего ящика остается пола и представляетъ сѣни, а другая половина загорожена поперечною стѣною съ небольшими

¹⁾ Вербницкій: Алтайскіе инородцы. стр. 12.

²⁾ Изд. Миллера. II. стр. 146.

дверцами и снаружи ради тепла завалена толсто землею“. Чу-валь помѣщался въ срединѣ зимовки, дымовое отверстіе, соотвѣтственно съ этимъ, находилось въ срединѣ потолка ¹⁾).

Далѣе аналогичное жилище, переходное отъ шалаша къ срубѣ, мы встрѣчаемъ у якутовъ. Основное различіе якутской юрты отъ русской избы заключается, по словамъ Мидлендорфа, въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозъ лѣса. Шесть от-

Рис. 11. Зимняя юрта бурятъ.

вѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклонныхъ во внутрь, столбовъ, продолжаетъ тотъ-же авторъ, у котораго мы находимъ обстоятельное описаніе и рисунокъ (рис. 11) зимней юрты якутовъ,—изъ которыхъ 4 по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ составляютъ главный остовъ; ²⁾ лежащее поперекъ обѣихъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собой свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому; такимъ образомъ образуется стѣна. Такія же тонкія бревна, положенныя сверху образуютъ крышу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и потолкомъ. Стѣны обмазываются смѣсью изъ глины и

¹⁾ Палласъ: Путешествіе II. пол. 2-я стр. 449, 450.

²⁾ По свидѣніямъ, сообщаемымъ г. Приклонскимъ, рама строится только изъ 4 вбитыхъ наклонно бревенъ. Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

навоза и обсыпаются землей; зимой все прикрывается снѣгомъ. Окна не превышаютъ квадратнаго фута. Зимой въ оконную раму вставляются куски льда; слюдяныя окна рѣдки. Съ уменьшеніемъ холодовъ ледъ въ окнахъ замѣняется плотно сплетенной сѣткой изъ конскаго волоса, которал, пропуская свѣжій воздухъ, предохраняетъ отъ комаровъ. Дверь дѣлается обыкновенно не больше 2-хъ футовъ въ квадратъ. Въ углу стоитъ чуваль. Основаніе чувала, по словамъ г. Приклонскаго, дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ, а стѣнки его дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной¹⁾. Впрочемъ на южномъ скатѣ Станового хребта встрѣчается „примѣненіе взятаго у гиляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло“. Прилавокъ этотъ, хотя и холодный, является неотъемлемой принадлежностью якутской юрты описываемаго типа; онъ, по мнѣнію того-же изслѣдователя, „былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Нерѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60° Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнутъ. Нерѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растлнувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ-же васъ не защититъ уже никакая шуба и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть ооченѣвшіе члены“. ²⁾ Полъ въ зимнихъ юртахъ якутовъ земляной, иногда изъ убитой глины, ³⁾ у богатыхъ иногда и деревянный.

Подробное описаніе способа устройства юрты сохранилось въ очень распространенной среди якутовъ сказкѣ „о бѣломъ юно-

¹⁾ Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

²⁾ А. Миддедорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири II. стр. 780—782.

³⁾ Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. XI, вып. 3, стр. 244; см. также: Приклонскій I. с.

лѣ“, Юрюнгъ-Уоланъ. ¹⁾ Желая построить себѣ юрту „выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ темный шумящій лѣсъ и, срубивъ тамъ четыре почтенныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и, притащивъ на средину поля, въ 4-хъ мѣстахъ въ землѣ продавилъ ступней четыре глубокія ямы и воткнулъ туда четыре столба, сказавши: „то будутъ четыре угла моего дома“. Изъ того-же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ 4 балки, которыя положилъ на столбы, а на нихъ двѣ матицы. Выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка, въ весенній разливъ сносить мелкій хворостъ, срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса, изъ котораго покрылъ потолокъ, — „чтобы дождемъ не мочило, снѣгомъ не заваливало“, поставилъ стѣны „чтобы проходящій, вольный вѣтеръ не продувалъ“ и настлалъ полъ, на которомъ не могъ-бы держаться на ногахъ семилѣтній мальчикъ — такъ онъ былъ гладокъ. „Весеннее мое солнце, кажется, съ этой стороны восходить“, сказалъ Юрюнгъ-Уоланъ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь. „Чтобы солнце не обдѣляло меня свѣтомъ, когда оно ходитъ по небу“, сказалъ Ю.-У. и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ. „Чтобы вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходили въ домъ“, Ю.-У. на потолокъ и стѣны настлалъ слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ одну сажень толщиною. По срединѣ избы поставилъ Ю.-У. изъ неочищенныхъ жердей, „чтобы глина лучше держалась“, остовъ комелька, обмазалъ его до низу сверху толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ и, притащивъ отсюда девять сухихъ словыхъ деревьевъ, затопилъ ими комелекъ, чтобы обмазка высохла“.

Что касается внутренняго устройства якутской юрты, то, по словамъ г. Приклонскаго, чувалъ съ западной стороны непременно имѣетъ отъ потолка навѣсъ (*чаранчи*); къ этому навѣсу придѣлывается полка для кухонной посуды, для сушки рукавиць, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка (*далбырь*) для просушки платья; на ней оттаиваетъ убитая дичь, хранится оружіе. Вдоль

¹⁾ Гороховъ: Юрюнгъ-Уоланъ въ Изв. В.-С. Отд. II. Р. Г. О. XV № 5—6, стр. 44.

южной стѣны юрты богатые дѣлаютъ глухой *оронъ* (нара), раздѣляющійся на 3 отдѣленія: ближайшее къ двери *солана-оронъ* предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй — *орто-оронъ* для посѣтителей болѣе почетныхъ, и наконецъ третій — *унга-оронъ* для гостей почетныхъ. На западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется *биллирикъ*, въ немъ спятъ дочери; онъ отгороженъ наглухо отъ сосѣднихъ, и на ночь завѣшивается занавѣсью (ситцевой или шелковой). Столбы биллирика, продолжая цитируемый авторъ, раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ; надъ биллирикомъ снаружи устраивается — *холлорукъ* — полка съ образами, которые ставятся въ рядъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ птицъ и кости вновь упрѣмыхъ животныхъ. Далѣе рядомъ съ этимъ орономъ, противъ устья чувала устраивается еще *кятляринъ-оронъ*, предназначающійся для самихъ хозяевъ. На сѣверной сторонѣ противъ унга-орона находится небольшой, отгороженный досками чуланъ — *юяхъ*, гдѣ хранится въ сундукахъ или шкафахъ лучшее семейное имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны — *хатасъ-оронъ*, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ (хлѣвъ). Средняя величина площади юрты не болѣе 3¹/₂ кв. саж., она освѣщается небольшими окнами, каждое въ 2—3 кв. четверти; число оконъ доходитъ иногда до 8-ми ¹). Въ окна вставляютъ лѣтомъ бумагу, бычачьи пузыри, плетеніе изъ конскаго волоса, зимой — куски льда, пузыри и слюду; куски льда, замѣняющіе стекло, прикрѣпляютъ снаружи выгнутой жердью, одинъ конецъ которой упирается въ кусокъ льда, а другой въ землю. На зиму устраиваютъ заваленки. Юрта богатаго отличается отъ юрты бѣдняка только размѣрами и внутреннимъ убранствомъ ²).

¹) В. Л. Приклонскій: Матеріалы для этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20—22.

²) Helmersen's Beiträge z. Kenntniss d. Russ. Reiches XXVI, стр. 35. Ergman: Reise II, стр. 241; Проскураковъ: О средне-визайскомъ улусѣ Визайскаго округа въ Этнограф. Сбор. И. Р. Г. О. VI, стр. 39.

Интересную подробность составляет фактъ, что чуваль помѣщается иногда посрединѣ юрты, т. е. на мѣстѣ, гдѣ помѣщается очагъ въ клуглыхъ шалашахъ; иногда его отодвигаютъ ближе къ сѣверной сторонѣ, но во всякомъ случаѣ такъ, что онъ не прислоняется къ углу ¹⁾. Эта-же особенность въ положеніи очага отмѣчена еще въ XVIII в., когда, повидимому, не всѣ якуты еще перешли къ замѣнѣ очага чуваломъ. То-же мы видѣли выше у чулымскихъ татаръ XVIII в. Окна, которыя въ настоящее время устраиваются въ стѣнахъ юрты, замѣнялись въ прошломъ столѣтіи еще окномъ, продѣланнымъ въ потолокъ ²⁾.

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ пристройкѣ подобія сѣней съ восточной стороны, гдѣ у якутовъ всегда помѣщается входная дверь; крыша нѣсколько удлиняется посредствомъ положенныхъ на нее досокъ, такъ что послѣднія образуютъ навѣсъ передъ дверью; навѣсъ поддерживается столбами, къ которымъ приѣзжающіе привязываютъ коней ³⁾.

Описанный видъ якутскаго жилища, который, какъ и зимовку чулымскихъ татаръ, можно было бы назвать трапецевиднымъ, такъ какъ въ разрѣзѣ онъ даетъ фигуру трапеціи, служитъ якутамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только зимнимъ жилищемъ, замѣняемымъ на лѣто берестяной конической юртой, въ другихъ этотъ типъ является господствующимъ и въ качествѣ зимняго равно и въ качествѣ лѣтняго жилья, и, наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зимнимъ жилищемъ якуту служитъ уже юрта, построенная изъ прочныхъ бревенъ, по русскому образцу, описанная трапецевидная юрта служитъ лишь лѣтнимъ жильемъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Средне-вилюйскомъ улусѣ, описанный типъ служитъ и зимнимъ и лѣтнимъ жилищемъ, первое отличается отъ второго тѣмъ, что къ жилой юртѣ пристраивается такая-же, только болѣе обширныхъ размѣровъ, служащая помѣщеніемъ для скота (*хотонъ*) она отдѣляется отъ жилого помѣщенія тонкою и рѣдкою перегородкою и нагрѣвается или, отъ жилой юрты, или, что впрочемъ случается очень рѣдко, посредствомъ

¹⁾ Приказонскій: в. с. стр. 20; Erman: Reise, II, стр. 35. Проскураковъ: О средне-вилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа. Этногр. Сбор. И. Р. Г. О., VI, стр. 39.

²⁾ Описание народовъ, изд. Миллера. II, стр. 182.

³⁾ Erman: Reise, II, стр. 306.

устроеннаго въ ней отдѣльнаго чувала¹⁾. Бѣдныя соединяють хотонъ дверью съ юртой, такъ что скотъ проходить въ него черезъ юрту. Телята содержатся въ самой юртѣ, за каменною. Богатыя, наоборотъ, устраиваютъ хотонъ или отдѣльно, или хотя и смежно съ юртой, но съ отдѣльнымъ ходомъ; въ этихъ случаяхъ въ хотонѣ всегда имѣется отдѣльный чуваль. Помѣщенія для скота въ лѣтнихъ юртахъ этого типа, которыя отличаются отъ зимнихъ только меньшими размѣрами, — строятся по возможности отдѣльно²⁾. Въ устройствѣ указанной юрты для скота въ непосредственной близости отъ жилого помѣщенія мы видимъ стремленіе соединить хозяйственныя строенія подъ одной кровлей съ жилими.

Балаганы (*булахан*) были извѣстны въ прежнее время и бурятамъ, причѣмъ они, по словамъ г. Хангалова, явились въ замѣнъ шалашей (*бухэкъ*).³⁾

Къ этому же типу жилищъ слѣдуетъ отнести и балаганы, извѣстные у башкиръ. О нихъ упоминаетъ Рычковъ: это шалаша изъ луба, которые, по его словамъ, переносились съ одного мѣста на другое и служили бѣднѣйшему населенію въ качествѣ лѣтняго жилья⁴⁾. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно, эти балаганы не переносятся; они строятся въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевокъ и представляютъ небольшие четырехугольныя зданія, часто даже безъ окопъ. „Берестяной домикъ — *аласыкъ*, пишетъ г. Назаровъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ того, что весь въ дырахъ, которыя въ совершенствѣ замѣняютъ окна и трубу. Нарѣ въ немъ нѣтъ, полъ-же устланъ разнымъ тряпьемъ“.⁵⁾ Среди горныхъ-башкировъ рода Катай, лѣтнее жилище, — тотъ-же балаганъ, мы встрѣчаемъ уже въ значительно развитомъ видѣ: это небольшой срубъ, сколоченный изъ тонкихъ деревьевъ, крытый корою, съ очень маленькою дверью; къ нему пристраивается со стороны двери большей частью сдѣланное изъ плетня небольшое помѣщеніе, въ которомъ устроенъ чуваль, и гдѣ готвится пища. Окно въ это жилище не имѣетъ: оно освѣщается свѣтомъ,

1) Проскуряковъ: 1. с., стр. 39.

2) Приклонскій: 1. с., стр. 20, 23.

3) М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣв. бурятъ.

4) Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

5) Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ, Этнограф. Обзор. IV, стр. 180.

проникающимъ черезъ дверь и черезъ щели въ стѣнахъ. Внутри устраиваются нары ¹⁾.

Вышеописанные типы балагановъ даютъ возможность начертить хотя-бы и въ общихъ чертахъ исторію ихъ развитія изъ шалаша: мы видѣли, что четырехгранный пирамидальный шалашъ, вѣроятно вслѣдствіе потребности къ расширенію внутренняго помѣщенія, обращается въ балаганъ, построенный изъ тонкаго лѣса, поставленнаго стоймя; но стѣнки его поднимаются не вертикально, а наклоняются во внутрь, что даетъ жилищу видъ трапезоида. Окно въ такомъ шалашѣ либо нѣтъ вовсе, либо окно продѣлывается на верху въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ; лишь впоследствии окна начинаютъ дѣлать въ стѣнахъ, причемъ прикрытіемъ ихъ служитъ брѣшина, ледъ, пузыри и пр. О стеклѣ еще нѣтъ и поминна. Стѣны постепенно выпрямляются, и жилище принимаетъ видъ правильнаго четырехугольника, по внѣшнему виду уже вполне напоминающаго срубъ въ его простомъ видѣ. Крыша остается плоской или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлается слегка на одинъ скатъ; покрытіемъ крыши служитъ тотъ-же матеріалъ, который употреблялся для покрытія шалашей: земля, береста, лубъ и т. п. Вслѣдствіе климатическихъ условій подобныя жилища обмазываются иногда глиной съ навозомъ, и тогда они представляютъ только то различіе отъ мазанокъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, что основу зданія представляетъ не плетень, а тонкія бревна. Устройство стѣнъ изъ стоекъ замѣняется горизонтальнымъ положеніемъ тонкихъ бревенъ, и въ этомъ своемъ видѣ балаганъ является ближайшимъ связующимъ звеномъ между этимъ типомъ жилья и срубомъ. Въ описанной лѣтовкѣ башкиръ-кайцевъ балаганъ развивается до прочнаго жилища съ плетевыми сѣнями, что не всегда бываетъ у первобытной формы сруба. Наконецъ, что касается внутренняго устройства, то первобытный очагъ замѣняется каминомъ-чуваломъ, причемъ этотъ послѣдній иногда продолжаетъ еще нѣкоторое время занимать мѣсто въ среднѣмъ помѣщеніи (якуты, чулымскіе татары)—мѣсто, на которомъ естественно устраивается очагъ въ круглыхъ юртахъ,—а затѣмъ уже переносится въ уголъ, находящійся у входныхъ дверей. Всѣ эти черты, характерныя для балагана въ его развитомъ видѣ, мы встрѣтимъ и въ первобыт-

¹⁾ Д. Берггольцъ: Горные башкиры-кайцы, Этпогр. Обзор. XVIII, стр. 77.

ныхъ срубяхъ. Это сходство доходить до того, что подчасъ лишь большая тонкость бревенъ, употребляемыхъ при устройствѣ балагановъ, отличаетъ ихъ отъ срубовъ.

Если разсмотрѣть географическое распредѣленіе описаннаго типа жилья, не трудно замѣтить, что оно распространено исключительно въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе богатыхъ лѣсомъ; тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ лѣсномъ строительномъ матеріалѣ, основой, образующей стѣны жилого помѣщенія, является обыкновенно плетень, что приводитъ къ новому типу жилья—мазанкамъ и ихъ разновидностямъ. Однако, зарожденіе плетневого жилья едва-ли будетъ справедливо искать исключительно въ степныхъ безлѣсныхъ пространствахъ: тамъ оно получило лишь большее распространеніе, но и въ лѣсныхъ областяхъ мы также встрѣчаемся съ этимъ типомъ, такъ какъ значительная легкость въ устройствѣ заставляетъ прибѣгать къ нему и въ областяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ.

Основа при устройствѣ плетневыхъ жилищъ заключается въ томъ, что стойки, образующія т. ск. раму, переплетаются плетнемъ отъ одной къ другой, чѣмъ образуются стѣны. Потребность сдѣлать жилье болѣе теплымъ приводитъ, какъ и при устройствѣ балагановъ, къ закидыванію стѣнъ глиной, навозомъ и пр., вслѣдствіе чего оно становится менѣе доступнымъ холоду и вѣтру.

В. Радловъ встрѣтилъ мазанки въ качествѣ зимняго жилища у телеуговъ на ряду съ балаганами. Плетень былъ забро-

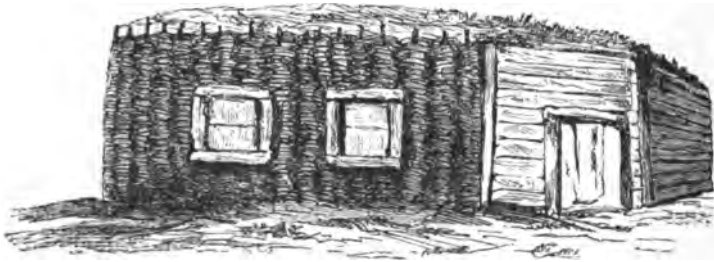

Рис. 12. Телеутская мазанка.

санъ глиною или землей. Въ деревнѣ, посѣщенной В. Радловымъ, эти дома служили телеутамъ и лѣтнимъ жильемъ. Преимущество подобныхъ построекъ заключается, по словамъ цитируемаго автора, въ томъ, что лѣтомъ онѣ прохладны, а зимой онѣ легко на-

грѣваются; кромѣ того постройка ихъ требуетъ немного труда и затратъ. Съ вѣшной стороны телеутскія мазанки чрезвычайно некрасивы и низки, такъ какъ онѣ находятся на половину подъ землей, но внутри онѣ не производятъ непріятнаго впечатлѣнія: стѣны и потолки чисто выбѣлены, полъ состоитъ изъ гладко утоптанной глины. Единственный недостатокъ этихъ домовъ, заключаетъ В. Радловъ, состоитъ въ томъ, что при каждомъ болѣе сильномъ дождѣ приходится страдать отъ проникающей сквозь стѣны сырости и что послѣ каждой непогоды стѣны требуютъ болшихъ или меньшихъ поправокъ ¹⁾. Рис. 12.

У абинскихъ татаръ, жившихъ по верхнему теченію р. Томи, около рр. Кондамы и Мразы, зимовки въ XVIII вѣкѣ представляли также мазанки, хотя и въ то время имъ были извѣстны уже бревенчатыя постройки. Зимнія хижины ихъ находились до половины въ землѣ, какъ и у современныхъ телеутовъ, но онѣ носили значительно болшее количество чертъ первобытности; свѣтъ проходилъ черезъ дымовое отверстіе; потолокъ состоялъ изъ жердей и былъ покрытъ землею. Внутреннее устройство ихъ было очень просто, и очагъ не вездѣ былъ замѣненъ еще чуваломъ ²⁾. Мы привели описаніе плетневыхъ построекъ у указанныхъ народностей въ доказательство, что онѣ не являются исключительнымъ достояніемъ степныхъ мѣстностей, по своему типу однако онѣ скорѣе подходятъ къ другой формѣ жилищъ—къ землянкамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже: вполне надземныя мазанки типичны для безлѣсныхъ степей.

Къ числу мазанокъ слѣдуетъ отнести зимнія хижины, которыя Мартинъ Броневскій видѣлъ въ XVI вѣкѣ у татаръ, кочевавшихъ между Днѣпромъ и Перекопомъ: „эта полоса земли, пшпестъ онъ, покрыта нивами, лугами и татарскими хижинами, которыя обыкновенно варвары называютъ улусами; онѣ сдѣланы изъ тонкихъ деревьевъ, обмазаны тиной, грязью или навозомъ и покрыты камышемъ“ ³⁾. Свидѣтельство Броневского однако недостаточно ясно, чтобы судить, идетъ-ли рѣчь о плетневыхъ постройкахъ или о балаганахъ, и только соображеніе, что онѣ встрѣчались въ бѣдныхъ лѣсами

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 331, 332.

²⁾ Описаніе... народовъ, изд. Миллера. II, стр. 167.

³⁾ Описаніе Крыма, Tartariae descriptio M. Броневского: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. VI, стр. 337.

пространствахъ, заставляетъ скорѣе склоняться въ пользу мнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ плетневыми строениями. Тѣмъ болѣе цѣннымъ является свидѣтельство доминиканца Жана де-Люка (ок. 1625 г.), который отмѣчаетъ, что у перекопскихъ татаръ встрѣчались, при господствѣ переноснаго жилья, и плетневые строения: „ихъ дома стоятъ бездѣлцу, пишетъ онъ; лучшіе складены изъ камня на извести; много у нихъ деревянныхъ и крытыхъ досками, другіе состоятъ изъ вбитыхъ въ землю колевъ, между которыми вплетаютъ древесныя вѣтви, и крыты соломой“¹⁾.

Плетневые постройки были извѣстны въ XVIII вѣкѣ и ногайцамъ, жившимъ около кавказскихъ горъ, которые, хотя и перешли уже къ осѣдлости, занимались не только скотоводствомъ, но и хлѣбопашествомъ, но не могутъ быть причислены вполне къ осѣдымъ народамъ, такъ какъ ихъ привычка кочевать выражалась въ частыхъ перемѣнахъ мѣстъ своихъ деревень: „они покидаютъ деревни свои часто и строятъ оныя, гдѣ покажутся имъ мѣста по-привольяге, вновь.“ Хижины ихъ „худыя, изъ хвороста сплетенныя и глиною обмазанныя“²⁾.

Наконецъ, астраханскіе калмыки за послѣдніе 30—40 лѣтъ начали на зиму устраивать себѣ мазанки. Зимна кибитокъ на зиму болѣе прочными задѣями идетъ, по словамъ г. Житецкаго, съ двухъ концовъ: выстраиваютъ себѣ жилища богачи и бѣдняки; первыхъ побуждаетъ комфортъ, вторыхъ — холодъ. Послѣднимъ, впрочемъ, является на помощь правительство, выдавая на постройку денежное пособіе. Распредѣленіе ихъ въ астраханской степи далеко не равномерно: ихъ болѣе на периферіяхъ, чѣмъ внутри степи³⁾. Подробное описаніе устройства мазанокъ у калмыковъ мы находимъ у В. В. Суслова⁴⁾. По сообщаемымъ этимъ авторомъ свѣдѣніямъ мазанки (*тарлушки*) устроены слѣдующимъ образомъ: въ границахъ небольшого прямоугольника поставлено восемь высокихъ пней, обращенныхъ корнями вверхъ. Между этими пнями—*бахна* (русск. сохи) воткнуты въ землю нѣсколько стоекъ *чеблыкъ*; послѣднія обвиваются хворостомъ. На сохи кладутъ про-

1) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ . Жана де-Люка въ Зап. И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. XI, стр. 483.

2) Описаніе... народовъ, стр. 40, 41.

3) Житецкій. Оч. быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

4) В. В. Сусловъ. Очерки по исторіи др. русскаго зодчества. I, стр. 62, 63.

гоны, а затѣмъ балки *юльденъ*; на эти послѣднія раскладываютъ жерди и на нихъ уже настилаютъ хворостъ. Весь этотъ скелетъ обмазываютъ глиною съ коровьимъ навозомъ и наконецъ, всѣ стѣны жилого помѣщенія бѣлятъ краскою. Крыша также промазывается глиною и оставляется плоской. Мазанки собственно раздѣляются на двѣ части: въ первой находятся сѣни и кладовая или отдѣленіе для мелкаго скота, а 2-я часть составляетъ жилое помѣщеніе. Здѣсь стоитъ печь съ котломъ для воды, а по стѣнамъ прибиты полки для посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Мазанки освѣщаются маленькими окнами и снаружи почти до половины засыпаются землей или глиною для сохраненія тепла въ помѣщеніи.

Ордосскіе монголы, занимающіеся уже кромѣ скотоводства и земледѣліемъ, почти совершенно оставили войлочные крты и живутъ въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ плетня и обмазанныхъ глиной. Большая часть этихъ мазанокъ, пишетъ Г. Н. Потанинъ, имѣетъ видъ

Рис. 13. Камышевый домикъ бузевскихъ киргизовъ.

продолговатыхъ сараевъ; сѣверная и южная стѣны длинныя, восточная и западная короткія; въ южной стѣнѣ дверь для входа; сверху зданіе покрыто коробовымъ сводомъ изъ такого-же плетня, какъ и стѣны; этотъ сводъ, сверху также обмазанный глиной, служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Внутри устройство и убранство такое-же, какъ въ китайскихъ фанзахъ: окна, оклеенныя бумагой, и жаровни для огня. Утварь китайская ¹⁾.

¹⁾ Г. Н. Потанинъ. Тяньцзунско-тибетская окраина Китая. I, стр. 108, 109.

Наконецъ, среди бунеевскихъ киргизовъ встрѣчаются плетневые строенія, — камышевые домики. Основа ихъ состоитъ, какъ и въ обыкновенныхъ плетневыхъ строеніяхъ, изъ стоекъ, а плетень замѣняется пучками камыша; форма ихъ, какъ и обыкновенно всѣхъ мазанокъ, четырехугольная. Крыша почти плоская; все зданія очень низкое и освѣщается небольшимъ окномъ (рис. 13).¹⁾ Плетневые постройки извѣстны и при-иртышскимъ киргизамъ, которые однако употребляютъ ихъ лишь въ качествѣ хозяйственныхъ строеній. Какъ мазанки, такъ и балаганы въ развитомъ своемъ видѣ подходятъ вполне подъ понятіе дома. Разница отъ прочной пзбы заключается только въ матеріалѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію срубовъ, мы должны остановиться еще на одномъ видѣ жилища, которое, какъ и шалашъ, приводитъ при своемъ развитіи къ срубѣ—именно на земляникѣ, которая, даетъ, однако, и развитыя самостоятельныя формы, до которыхъ у полукочевыхъ тюрковъ и монголовъ срубъ не доразвился.

Если шалашъ является эмбриономъ, изъ котораго постепенно выходятъ другія формы жилья у разсмотрѣнныхъ нами народностей, то того-же нельзя вполне утверждать относительно землянокъ, если понимать послѣднія въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. подземныхъ строеній; онѣ являются таковыми повидимому лишь у нѣкоторыхъ. Дѣло въ томъ, что потребность имѣть болѣе теплыя жилища на зиму привела нѣкоторыя народности къ отысканію себѣ жилищъ подъ землей. Землянки, т. е. врытыя въ землю жилища съ крышей, выходящей на поверхность земли, какъ извѣстно, широко были распространены у финновъ, у которыхъ онѣ играли выдающуюся роль въ исторіи развитія прочныхъ типовъ жилья. Поэтому насъ не должно удивлять, что этотъ-же типъ мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей.

У кузнецкихъ инородцевъ напр. встрѣчаются, по словамъ Н. М. Ядринцева²⁾, землянки, совершенно схожія съ остяцкими *карамо*. Послѣднія часто устраиваются въ пещерахъ и въ горѣ. Кроме того на основаніи данныхъ, изложенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ³⁾, есть полное основаніе думать, что остяцкія зем-

¹⁾ Рисунки всѣхъ типовъ жилищъ бунеевскихъ киргизовъ заимствованы изъ коллекціи фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ моимъ братомъ А. Н. Харузиннымъ.

²⁾ Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, стр. 115.

³⁾ Этнограф. Обзор. XXIV, стр. 46.

лянки возникли изъ жилищъ-ямъ, находившихся подъ землей, и лишь въ послѣдствіи постепенно поднялись надъ поверхностью. Этотъ фактъ выясняетъ тѣ переходные типы, которые мы встрѣтимъ среди землянокъ у тюрковъ. О существованіи аналогичныхъ жилыхъ строеній у телеутовъ мы имѣемъ свидѣтельства въ „описаніи ...народовъ;“¹⁾ телеуты въ прежнее время строили жилища „въ ярахъ и разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградой съ трехъ сторонъ; крышку и переднюю стѣну дѣлали изъ хворосту и пр.“ Далѣе, повидимому, обычай устраивать себѣ подземныя жилища не вышелъ изъ употребленія и среди бѣдныхъ азіатскихъ киргизовъ, которые „зимой живутъ въ ямахъ или подземныхъ хижинахъ, гдѣ помѣщаются и дѣти и животныя.“²⁾ Наконецъ, Г. П. Потанинъ сообщаетъ, что въ юго-восточномъ углу Ордоса, гдѣ монгольскія владѣнія захватываютъ часть площади лёсса, монголы живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ лёссѣ.³⁾ Хотя въ настоящее время мы имѣемъ сравнительно мало свидѣтельствъ объ обычаяхъ устраивать себѣ землянки въ чистомъ ихъ видѣ, но нѣкоторыя формы нынѣ существующихъ или по крайней мѣрѣ недавно существовавшихъ жилыхъ или хозяйственныхъ строеній заставляютъ предполагать сравнительно широкое распространеніе этого обычая.

Жилища, *наполовину* врытыя въ землю, мы имѣли отчасти случай описать выше. Подобныя-же наполовину подземныя жилища помѣщенія отмѣчены были и Гмелиномъ у кузнецкихъ татаръ;⁴⁾ ихъ дома были наполовину врыты въ землю, стѣны были выведены изъ земли-жс; наверху, въ крышѣ, было устроено дымовое отверстіе. У башкиръ Уфимской губ. въ башкирской усадьбѣ, въ небольшомъ отдаленіи отъ жилыхъ построекъ, на выгонѣ, устраивается до настоящаго времени еще землянка, въ которой сложена печь. Въ этой землянкѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ.⁵⁾ Въ другихъ мѣстностяхъ типъ почти первобытной землянки сохраняется башкирами при устройствѣ бань: бани—это срубѣики въ сажень шири-

¹⁾ П, стр. 161.

²⁾ Lansdell. Russisch-Central-Asien, стр. 236.

³⁾ Г. П. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 109.

⁴⁾ Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 278.

⁵⁾ Износковъ. Кара-Якуповская волость въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 2, стр. 184.

ны и длины, и аршина $1\frac{1}{2}$, много 2 высоты. Потолокъ и полъ земляные; оконъ нѣтъ. Входъ очень низкій, такъ что чрезъ него можно пролѣзть только на четверенькахъ. Слева печь изъ голышей, наваленныхъ въ видѣ кучи. Трубы нѣтъ. ¹⁾ Далѣе подобная же землянка, наполовину врытая въ землю, извѣстна кундровскимъ татарамъ: она строится только на зиму (въ ноябрѣ), и разбирается въ мартъ или апрѣлѣ.

Подробное описаніе ея мы находимъ у г. Мошкова ²⁾. Устройство землянки замѣчаетъ авторъ, по всей вѣроятности, заимствовано отъ русскихъ, потому что самое названіе ея — *з'эмнэнк'э* взято изъ русскаго. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что кундровскіе татары стали переходить къ полуосѣдности лишь за послѣднее время и что даже въ настоящее время не всѣ строятъ себѣ на зиму землянки, а многіе проводятъ холодную часть года въ юртахъ. Землянка кундровцевъ устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается четырехугольная яма (*шункур*) аршинъ въ семь длиной, аршинъ шесть шириной и глубиной около 1 арш. По угламъ ея, вдоль будущихъ стѣнъ (*каврхасы*), вбиваются деревянныя стойки (*тыкны* или *бахана*); къ стойкамъ снаружи прикладываются доски (*тахта*), возлѣ нихъ слой камыша и, наконецъ, слой земли. Въ переднюю и заднюю стѣнки вставляются 3—4 окна; эти послѣднія состоятъ изъ деревянныхъ рамъ со вставленными въ нихъ стеклами; рамы и стекла покупаются на базарѣ. Часть стѣны, приходящаяся надъ окнами, обкладывается камышемъ. На стойки передней и задней стѣнокъ кладутъ двѣ балки, а для 3-й балки (средней) ставится въ срединѣ землянки еще 3—4 стойки; на эти три балки кладутъ брусья потолка въ разстояніи четверти одинъ отъ другого. На нихъ насыпается камышъ, на камышъ — солома и сѣно, потомъ слой навоза и, наконецъ, песокъ. Высота землянки опредѣляется такъ: „чтобы самому высокому человѣку не приходилось нагибаться“. Посрединѣ передней стѣны вставляется досчатая, одностворчатая дверь, которая виситъ на желѣзныхъ крючкахъ. Всѣ деревянныя и желѣзныя части землянки заготовлены разъ навсегда, продолжаетъ г. Мошковъ, и по окончаніи зимы, когда землянку разбираютъ, скла-

¹⁾ П. С. Назаровъ. Къ этнографіи Башкирѣ. I, с.

²⁾ В. А. Мошковъ: Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнogr. при И. Каз. Ун. XII, вып. 1-й, стр. 13—15.

дываются на возъ и отправляются въ ближайшее поселеніе осѣдлыхъ погайцевъ, гдѣ за небольшую плату онѣ сдаются на храненіе. Посреди землянки складывается кирпичная печь (*биш*), длиною и вышиною аршина по 2 и шириною аршина въ $1\frac{1}{2}$. Отъ печи идетъ вертикальная кирпичная труба черезъ потолокъ; въ печь вмазывается чугунный котелокъ для варки пищи, а иногда и небольшая плита. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнокъ землянки дѣлаются деревянныя нары. Къ землянкѣ пристраивается дворъ, такъ что входная дверь землянки выходитъ въ него.

У киргизовъ Акмолинской области встрѣчаются еще выкопанныя въ землѣ жилища, съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердями съ земляной насыпью и дымовымъ окномъ ¹⁾).

Описанные виды землянокъ являются переходными типами отъ землянки—въ тѣсномъ смыслѣ слова, къ срубчатымъ или плетневымъ постройкамъ. Путемъ поднятія землянки изъ земли она становится все болѣе надземнымъ строеніемъ, при чемъ въ зависимости отъ того, происходитъ-ли укрѣпленіе стѣнъ посредствомъ плетня или бревень, развивается или мазанка или срубъ. Такимъ образомъ, землянка приводитъ постепенно къ срубѣ, такъ-же какъ къ нему приводитъ и шалашъ.

Нѣсколько другимъ путемъ происходитъ переходъ землянки къ срубѣ, когда для возведенія стѣнъ поднимающагося изъ-подъ земли жилища начинаетъ служить земля; происходитъ это, естественно, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, прежде чѣмъ перейти къ постройкамъ изъ необожженныхъ кирпичей, четырехугольныя постройки возводятся, какъ и чучела, изъ дерна. Въ первобытномъ ея состояніи мы встрѣчаемъ эту землянку у киргизовъ; устройство ея слѣдующее: стѣны возводятся изъ дерна, при чемъ толщина стѣнъ колеблется между 1 и 2 аршинами. Поверхъ земляной кладки стелется изъ жердей крыша слегка на одинъ скатъ или совершенно плоская. Окно въ землянкѣ нѣтъ; свѣтъ проходитъ черезъ отверстіе посрединѣ крыши, служащее также и дымовымъ отверстіемъ. Полъ земляной. ²⁾—Въ подобныхъ землянкахъ въ на-

¹⁾ Словцовъ: Путевыя замѣтки, стр. 13, въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. III.

²⁾ В. Шнѣ: Зимовки... кочевниковъ Акмолинской области въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й, стр. 4.

стоящее время помѣщаются только рабочіе, или онѣ служатъ кладовой; въ нихъ-же ставится мелкій или большой скотъ. Онѣ пристраиваются къ жилому помѣщенію и соединяются съ послѣднимъ посредствомъ двери; эти землянки значительно ниже жилыхъ, и хотя, какъ только-что было указано, онѣ служатъ теперь преимущественно для помѣщенія рабочихъ и хлѣвами, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ типъ болѣе древней землянки, которая послужила типомъ для общеупотребительнаго земляного или глинянаго зимняго жилища, распространеннаго у полукочевниковъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ.

Торгоутамъ зимними жилищами служатъ, по словамъ А. А. Ивановскаго, „маленькія, низкія, сбитыя изъ глины, смѣшанной съ галькой, лачужки. Два-три окна, величиною не болѣе квадратнаго полуаршина, затянутыя обыкновенно какими-нибудь старыми тряпками, съ трудомъ пропускаютъ въ такую зимовку дневной свѣтъ. Полъ — земляной. Печь сбита изъ глины, безъ трубы, а для выхода дыма, какъ и въ юртахъ, дѣлается наверху отверстие. Такая лачужка прикрываетъ отъ холода обыкновенно такое количество людей, что, располагаясь ночью спать, они занимаютъ три четверти ея, оставляя остальную четверть на долю маленькихъ ягнятъ, помѣщаемыхъ тутъ-же, рядомъ съ ними“¹⁾.

Мы остановимся подробнѣе на землянкѣ киргизовъ, такъ какъ она дастъ возможность уяснить себѣ постепенное развитіе этого типа жилища. Мы уже видѣли, что представляетъ собой наиболѣе простой типъ киргизской землянки. Дальнѣйшее ея развитіе можно наблюдать на зимовкѣ степныхъ киргизовъ въ Эмбенскомъ уѣздѣ²⁾. Киргизы названнаго уѣзда строятъ свои зимнія жилища обыкновенно на возвышенномъ берегу рѣки или также и въ низколежащихъ мѣстностяхъ; въ послѣднемъ случаѣ однако устраиваютъ ихъ такъ, чтобъ весенніе разливы не затопили жилья. На высокихъ мѣстахъ матеріаломъ для возведенія стѣнъ служитъ глина; на низкихъ она замѣняется дерномъ; кромѣ того, для постройки необходимы еще киргизу камышъ и липовыя жердя. Землянкѣ своей, замѣчаетъ М. А. Леваневскій, киргизъ старается дать правильную четырехугольную

¹⁾ А. А. Ивановскій: Монголы-торгоуты, стр. 11.

²⁾ М. А. Леваневскій: Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у. Земле-вѣдѣніе. 1894, № 3, стр. 48.

форму, но, не имѣя понятія ни объ отвѣсѣ, ни о ватерпасѣ, вылъпливаетъ ее обыкновенно кверху у́же, съ замѣтно кривыми стѣнками, окнами и дверями; слѣдовательно, такой типъ землянки получаетъ видъ неправильнаго трапезоида. Окна выходятъ на солнечную сторону. Крышей служатъ липовыя жерди или камышъ; сворхъ камыша кладется болѣе или менѣе толстый слой навоза съ землей, и затѣмъ все это смазывается глиной. Землянка представляетъ въ большинствѣ случаевъ лишь одну комнату: ее перегородиваютъ до извѣстной степени печь со смазаннымъ котломъ. Къ жилому помѣщенію пристраиваются обыкновенно сѣни, въ которыхъ помѣщается крупный скотъ. Къ сѣнямъ, въ свою очередь, пристраиваются помѣщенія для мелкаго скота, при чемъ они дверями соединяются съ сѣнями. Дверь въ землянку дѣлается изъ досокъ, узкая, низкая; дверной ручкой служитъ кусокъ палки, вбитый въ отверстіе, или кусокъ ремня или веровки.

Среди акмолинскихъ степныхъ киргизовъ употребительны зимовки изъ дерна. Отличительной чертой зимовокъ,—пишетъ г. Шнз, которому мы обязаны неболѣе обстоятельнымъ описаніемъ этого вида жилища у акмолинскихъ киргизовъ¹⁾,—является тѣсная связь людскаго жилья со скотными дворами. Сплоченность до такой степени близка, что, желая попасть въ жилище киргиза, вы должны пройти почти всѣ дворы и загородки для скота. Эта скученность жилыхъ помѣщеній съ хозяйственными постройками имѣетъ свое объясненіе въ условіяхъ, въ которыхъ живетъ киргизъ-степякъ: частыя зимнія бури вызываютъ свѣжныя заносы, и киргизу необходимо защитить отъ нихъ свое жилое помѣщеніе и, кромѣ того, оставить себѣ возможность обойти и осмотрѣть свое хозяйство, не подвергаясь стужѣ. Стѣны жилого помѣщенія возводятся у акмолинскихъ киргизовъ изъ дерна; ширина стѣнъ отъ 1—2 арш. Поверхъ земляной кладки вдоль стѣнъ накладываются бревна въ одинъ рядъ или вѣнецъ, который служитъ опорой крыши, а эта послѣдняя замѣняетъ потолокъ жилья. Крыша дѣлается плоскою или съ небольшимъ наклономъ или скатомъ. Въ первомъ случаѣ укладываются толстые горбыли со стѣны на стѣну по ширинѣ жилища; бревна лежатъ не сплошь, а съ промежут-

¹⁾ В. Шнз: Зимовки и др. постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 1—12 въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й.

ками, которые заполняются хворостомъ или камышемъ; поверхъ послѣднихъ настиляется дернъ. Крыша посреднѣ сдерживается балкой. Иногда, впрочемъ, устраиваются и двускатныя крыши; въ этомъ случаѣ, балка возвышается надъ общимъ уровнемъ стѣнъ на 6 — 12 вершковъ; укладка жердей идетъ на двѣ стороны ея, чѣмъ и образуется незначительный скатъ крыши, препятствующій застою воды въ дернѣ. Балка поддерживается 2—3 столбами внутри землянки, при чемъ нижніе концы столбовъ устанавливаются въ гнѣзда балки, лежащей на земляномъ полу жилья параллельно верхней. Дверь продѣлывается въ срединѣ стѣны со стороны двора, а въ противоположной стѣнѣ, лицевой, — одно или два окна, со вставленнымъ тусклымъ стекломъ и нерѣдко замѣняемымъ пузыремъ. Жилое помещеніе дѣлится на двѣ половины: передняя часть обставлена нарами въ $\frac{1}{4}$ арш. вышины; нары настиляются изъ досокъ или тесаныхъ бревенъ отъ нижней балки къ лицевой стѣнѣ, гдѣ опорой имъ служитъ другая балка или земляная заваленка. На нарахъ вся семья киргиза проводитъ день и ночь. На другой половинѣ землянки въ одномъ изъ угловъ ставится печь; она кладется изъ сырцоваго кирпича (глинобитныхъ печей, по словамъ г. Шнэ, не встрѣчается). Глиной же вымазываютъ печь снаружи и стѣны землянки; иногда то и другое еще подбѣливается. Печь состоитъ изъ двухъ отдѣленій, съ двумя отдѣльными трубами, которыя, однако, сходятся у потолка, и двумя топками: въ одномъ отдѣленіи, похожемъ на русскую лежанку, грѣется большой котелъ, замуравленный надъ топкой, а другое отдѣленіе сложенное въ видѣ пирамиды, представляетъ подобіе русской печи. По стѣнамъ землянки, по угламъ на полкахъ развѣшиваются и разставляются платье, конскіе уборы, кошмы и т. д. Описанное жилище имѣетъ обыкновенно 2 саж. длины, $\frac{1}{2}$ саж. ширины и 1 саж. вышины. Къ жилому помещенію приставляются справа и слѣва землянки для мелкаго скота, при чемъ эти помещенія обыкновенно вдвое больше размѣровъ жилья. Рядомъ съ хлѣвами строятся еще двѣ подобныя-же землянки для рабочихъ и для склада хозяйственныхъ припасовъ (кладовая). Вокругъ этихъ построекъ группируются еще загоны, устраиваемые болѣе просто: все пространство, которое образуетъ дворъ и окружается валомъ, стѣной (шириной въ $1\frac{1}{2}$ арш.) изъ земли съ тростникомъ, гнилымъ сѣномъ, валежникомъ, — киргизъ разбиваетъ на

отдѣльные квадратные загоны, съ отдѣльными воротами-калитками, съ высокимъ тыномъ изъ тальника и камыша. Весь дворъ, соединяющій въ себѣ хлѣвы, загоны и пр. прикрывается крышей, лежащей на столбахъ, которыхъ бываетъ до 30-ти и болѣе.

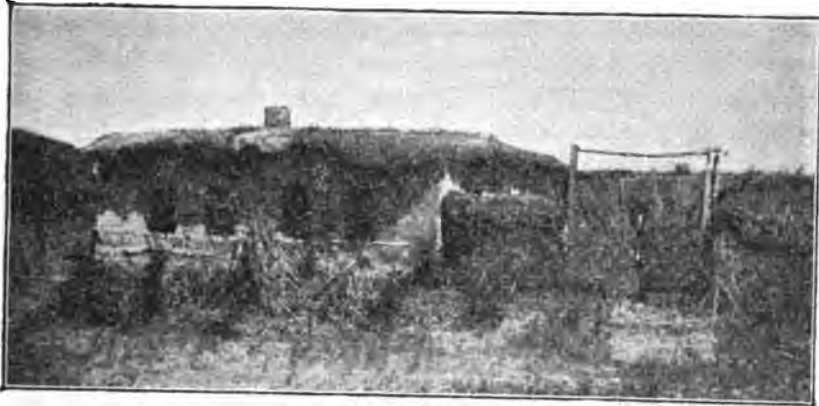

Рис. 14.

Рис. 15. Зимовки бухарскихъ киргизовъ.

Среди киргизовъ Бухарской орды мы встрѣчаемъ тотъ-же видъ зимовокъ, но тамъ матеріаломъ обыкновенно служитъ не дернъ, а глина, которая идетъ на выдѣлку кирпичей, просушиваемыхъ на солнцѣ. По внѣшнему виду и по внутреннему устройству зимовка не представляетъ существенныхъ отличій отъ только-что описаннаго типа. Рис. 14 и 15 представляютъ типы зимовокъ бухарскихъ киргизовъ.

Немногіе караногайцы, устраивающіе себѣ прочныя жилища на зиму, возводятъ стѣны также изъ не обожженныхъ кирпичей и кроютъ ихъ камышемъ ¹⁾. Тотъ-же принципъ соединенія хозяйственныхъ построекъ (помѣщеній для скота) съ жилыми мы видимъ и у кундровскихъ татаръ. Нѣсколько землянокъ (5—10), описаннаго выше типа, выстраиваются въ линію, при чемъ входныя двери обращены у всѣхъ въ одну сторону. Всѣ землянки имѣютъ одинъ общій четырехугольный дворъ, окруженный камышевымъ заборомъ, вышиною въ человѣческой ростъ, читаемъ мы у г. Мошкова. Дворъ раздѣленъ перегородками на части по числу отдѣльныхъ хозяевъ. Во дворѣ каждаго хозяина съ одной стороны выходитъ дверь землянки, къ передней стѣнкѣ которой, въ одну линію съ нею, пристроенъ заборъ, а съ другой, противоположной, ведутъ ворота, которыя дѣлаются обыкновенно изъ двухъ стоекъ и досчатой створки, привѣшанной желѣзными петлями на желѣзныхъ крючкахъ. Створки дѣлаются простыми или рѣшетчатыми. Заборъ, окружающій зимовку, устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается небольшой ровъ, глубиною въ аршинъ, въ него ставится сплошной рядъ камышевыхъ сноповъ, корень которыхъ зарывается въ землю, а верхушки оплетаются вокругъ перекладинъ, лежащихъ на деревянныхъ угловыхъ стойкахъ ²⁾.

Описанный типъ землянокъ и дворовъ полукочевниковъ претерпѣваетъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ зависимости отъ благосостоянія хозяина и отъ условій мѣстности. Хотя въ описанной у акмолинскихъ киргизовъ, со словъ г. Шнэ, зимовкѣ, мы и имѣемъ уже сравнительно развитой типъ жилища, она сохраняетъ и черты первобытности. Дѣйствительно мы видимъ въ ней уже печь, которая устраивается съ трубой; землянка раздѣлена на два помѣщенія, въ ней есть уже стекольчатая окна, но если откинуть эти появившіяся сравнительно недавно нововведенія мы увидимъ, что землянка киргиза носитъ всѣ черты первобытнаго жилья: небольшіе размѣры, плоская крыша, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ, земляной полъ—и отличіе такой землянки отъ землянки, употребляемой въ качествѣ помѣщенія для рабочихъ или въ качествѣ хлѣва, будетъ заключаться только въ присутствіи окна, которое однако иногда прикрывается еще пузыремъ, и въ замѣнѣ

¹⁾ Г. Авазьевъ: Караногайцы, стр. 43.

²⁾ В. А. Мошковъ, 1. с., стр. 15.

очага—печью. Описанный видъ землянки представляетъ еще тотъ интересъ, что онъ является переходомъ къ бревенчатымъ постройкамъ: земляныя стѣны облицованы бревнами—и если даже сравнительно у богатыхъ киргизовъ, несмотря на устройство трубной печи, иногда деревяннаго пола и относительно роскошнаго внутренняго убранства жилья, продолжаютъ держаться этотъ видъ землянокъ, то это объясняется исключительно отсутствіемъ лѣса, такъ какъ всѣ деревянныя части современныхъ землянокъ привозятся въ степь, которая позволяетъ степняку добывать на мѣстѣ только ивовый кустарникъ для плетня. Дѣйствительно въ тѣхъ частяхъ Акмолинской Области, гдѣ лѣсъ не составляетъ рѣдкости, зимовки дѣлаются уже бревенчатыя, хотя въ планѣ и внутреннемъ устройствѣ онѣ сохраняютъ тѣ-же черты, какія являются характерными для степныхъ землянокъ. Въ лѣсистыхъ частяхъ замѣчается также и другое расположеніе двора: маленькія рощи, среди которыхъ обыкновенно строятся зимовки, предохраняютъ отъ зимнихъ вьюговъ и заносовъ, и тамъ нѣтъ необходимости, какъ въ степныхъ частяхъ, скучивать въ одно жилье и хозяйственныя постройки; поэтому въ лѣсныхъ частяхъ хозяйственныя постройки оказываются отдѣленными отъ жилого помѣщенія¹⁾.

Мы видѣли, что описанные типы жилыхъ построекъ постепенно могутъ перейти въ срубы: балаганы и мазанки путемъ замѣны менѣе прочнаго матеріала болѣе устойчивымъ — бревнами, землянки—путемъ постепеннаго поднятія ихъ на поверхность земли, причѣмъ это поднятіе совершается или посредствомъ устройства между подземнымъ помѣщеніемъ и крышей плетня или сруба, или при устройствѣ земляныхъ стѣнъ—посредствомъ закрѣпленія ихъ облицовкой изъ бревенъ. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ дернъ замѣняется мѣстами сырыми кирпичами, замѣна, благодаря которой могутъ возникнуть уже правильныя кирпичныя или каменныя постройки; но такъ какъ послѣднія составляютъ уже принадлежность осѣдлыхъ народностей, то онѣ и не входятъ въ предѣлы названной статьи. Недостатокъ въ лѣсѣ служитъ также причиной того, что мазанки и землянки долго держатся среди степняковъ причѣмъ землянки, какъ это мы видѣли, развиваются до самостоятельной формы и уже въ этомъ развитомъ видѣ переходятъ въ срубчатыя постройки. Эти послѣднія естественно должны были

¹⁾ В. Шаз. I. с. стр. 8, 9.

зародиться въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и именно тамъ мы и находимъ наиболѣе примитивные типы срубовъ.

Первобытные срубы, представляющіе переходную форму отъ землянокъ, мы видѣли у башкиръ въ ихъ баняхъ, а въ качествѣ жилья они встрѣчаются у киргизовъ Акмолинской Области. Первобытный-же срубъ, среднее между мазанкой балаганомъ, мы встрѣчаемъ опять-таки у башкиръ въ ихъ лѣтнихъ жилищахъ: это небольшіе бревенчатые домики съ плоской, крытой лубомъ крышей; полъ земляной, оконъ нѣтъ. Двѣ стороны внутреннихъ стѣнъ заняты нарами, а у третьей стѣны помѣщается очагъ или иногда чумалъ. Такого рода домики башкиръ ставятъ на мѣстахъ своихъ перекочевокъ и такъ какъ этихъ послѣднихъ бываетъ иногда 5—6, то во владѣніи одной семьи иногда находится нѣсколько такихъ домиковъ ¹⁾.

Нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ этимъ лѣтнимъ помѣщеніемъ представляютъ срубы башкиръ рода Катай. Эти избы строятся изъ тонкихъ бревенъ, крыты дранью или лубками, въ 2 окна на улицу и 1 во дворъ. Обыкновенно изба состоитъ изъ одной комнаты; дверь прямо со двора, безъ сѣней. Во внутреннемъ своемъ устройствѣ эти дома совершенно схожи съ лѣтними жилищами, но въ нихъ иногда рядомъ съ чумаломъ устраивается маленькая печь, въ которую вмазывается котелъ, служащій для варки мяса и подогрѣванія воды; въ немъ-же стирается бѣлье. ²⁾ Въ тѣхъ-же чертахъ подобные срубы описаны у башкиръ въ XVIII ст.: „Въ деревнѣ (аулѣ) бываетъ дворовъ отъ 10—50, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ ³⁾“; они срублены изъ бревенъ худо и непрочны, и состоятъ по большей части въ одной избѣ съ плоскою крышкою. Внутри расположено все по татарскому вкусу, но худо. Полати служатъ часто и хлѣвами для молодой скотины. Очагъ огороженъ вокругъ шестиками, которые перевязаны и глиною обмазаны (*чумалъ*, подробное описаніе котораго у башкиръ находится у Палласа. I. стр. 649—650). Возлѣ онаго закладенъ кирпичами чугунный котелъ. Многія двери такъ малы, что надобно въ нихъ пролѣзать, свѣтловыя-же въ стѣнахъ окна обтянуты по большей части, вмѣсто стеколъ, пузырями, рыбьими кожами или оку-

¹⁾ П. С. Назаровъ. I. с.

²⁾ Берггольцъ: Горные Башкиры-Катайцы; Этногр. Обзор. XVIII, стр. 88, 89.

³⁾ II, стр. 88, 89.

нутыми въ масло тряпичами. При всякомъ жильѣ есть небольшая четырехугольная кладовая.“ Дворъ башкира-катайца до настоящаго времени отличается бѣдностью: на немъ обыкновенно не дѣлается никакихъ хозяйственныхъ построекъ, если не считать амбара, который встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ; скоть помѣщается въ огороженномъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ ¹⁾. Иногда въ этихъ срубикахъ кладутъ на землю доски или растилаютъ кошмы. Само помѣщеніе дѣлится на 2 части: первая, т. е. прихожая, служитъ для приготовленія кушанья; здѣсь же устраивается и очагъ, складывается провизія; вторая, отдѣленная стѣной или занавѣской, служитъ спальней. Около жилого помѣщенія обыкновенно устраивается дворикъ, обнесенный изгородью, куда загоняютъ на ночь скоть ²⁾.

Болѣе развитой срубъ отмѣченъ Г. Башевымъ въ описаніи быта перешедшихъ въ недавнее время къ полной осѣдлости башкирскія дер. Зіанчуриной (Орскаго у. Оренбургск. губ.); менѣе состоятельные башкиры имѣютъ въ качествѣ жилища грубосколоченные, необтесанные срубы съ 2—3-мя отверстиями для оконъ; „отверстія эти у одного и того-же дома различной формы и величины: одни имѣютъ видъ квадрата, сторона котораго $\frac{1}{2}$ арш. или $\frac{3}{4}$ арш.; другія—видъ прямоугольника, но никакъ не выше одного аршина. Рама въ нихъ вставляется прямо безъ косяковъ, а то затягиваются они и пузыремъ за неимѣніемъ рамъ.“ Такіе дома строятся обыкновенно слѣдующимъ образомъ: низенькія стѣны выводятъ прямо съ земли безъ фундамента, прорубаютъ отверстия для оконъ и двери; послѣднюю устраиваютъ съ косяками; „затѣмъ стелютъ полъ и потолокъ, кладутъ печь „полуголанку“ съ очагомъ. Далѣе на самыхъ верхнихъ, расположенныхъ другъ противъ друга, бревнахъ укрѣпляютъ два столбика отъ 1-1 $\frac{1}{2}$ арш. вышиною; на столбики кладутъ жердочку, а поперекъ нея лубки, концы которыхъ связываютъ, чтобы не сбросило ихъ вѣтромахъ. Это и есть обыкновенная крыша башкирскихъ домовъ.“ У большинства домовъ трубъ нѣтъ: онѣ замѣняются отверстиемъ въ крышѣ. ³⁾ Д. П. Ни-

1) Берггольцъ: 1. с. стр. 77.

2) Д. П. Никольскій: Изъ позадки къ лѣснымъ Башкирамъ. Землеустройство, 1895. IV, стр. 51.

3) М. Башевъ: Деревня Зіанчурина въ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. вып. 7, 1895 г., стр. 3—4.

кольскій встрѣчалъ у уральскихъ башкиръ въ деревняхъ избы, крытыя лубомъ, дранками, иногда просто землей. Настилка пола дѣлается, по словамъ изслѣдователя, на балкахъ и перилахъ; стѣны, потолокъ и полъ обтесаны. Обыкновенно 1-2 окна выходятъ на улицу, а одно во дворъ. Внутри избы, иногда среди наръ, оставляется промежутокъ, — мѣсто для стола, на которомъ ѣдятъ башкиры. Надъ нарами укрѣпляется шнуръ для вѣшанія платья и занавѣсь, отдѣляющая женскую половину отъ мужской. Около дверей помѣщается чумалъ, рядомъ съ которымъ стоитъ печь съ закрѣпленнымъ въ нее котломъ для варки пищи. Около дома — дворы и нѣкоторыя хозяйственные постройки ¹⁾.

Татары, жившіе полуосѣдло въ XVIII вѣкѣ около Астрахани, повидимому въ устройствѣ зимовокъ ушли недалеко отъ только что описанныхъ типовъ срубовъ: всѣ въ сихъ деревняхъ находящіеся дома, пишетъ Гмелинъ ²⁾, снаружи худы, деревянные, безъ кровель, построены безпорядочно и какъ дворы, такъ и скотскіе хлѣвы обнесены камышемъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Акмолинской Области киргизы строятъ бревенчатыя зимовки: онѣ состоятъ изъ сруба въ 15 — 17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревень толщиной 4—5 вершк. и длиною 5—7 арш. потолокъ настиляется изъ горбылей тѣхъ-же размѣровъ, и на него наваливается камышъ, земля, дернъ. Чаще всего прикрытіе зимовки этимъ ограничивается, въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила ³⁾. Если откинуть внутреннее расположеніе подобной зимовки, устройство въ ней хорошей печи и дѣленіе ея на двѣ комнаты, мы получимъ тотъ-же типъ первобытнаго сруба, который мы видѣли у башкиръ.

Далѣе подобные же срубы мы встрѣчаемъ у алтайскихъ тюрковъ. Это небольшая изба, длина и ширина которой равняется 2 саж., безъ сѣней, съ одной дверью и 2-мя маленькими окнами. „Покривившаяся печь, двѣ скамейки самой грубой работы и та-кой-же миниатюрный столъ, самой грубѣйшей работы, кровать.

¹⁾ Д. П. Никольскій. Изъ повѣдки къ лѣснымъ башкирамъ. Землеустройство, 1895. IV, стр. 54—55.

²⁾ Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. II, стр. 174.

³⁾ В. Шув. I. с. стр. 9.

Въ маленькомъ шкафикѣ, прибитомъ къ стѣнѣ, ничтожное количество плохой посуды“—такими словами описываетъ одинъ очевидецъ срубъ-избу алтайскихъ инородцевъ.¹⁾

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ томъ, что къ срубѣ дѣлается пристройка, служащая сѣнями. Часто эта пристройка дѣлается изъ плетня, обмазаннаго глиной, т. е. къ жилому помещенію въ видѣ сруба пристраивается мазанка, служащая чуланомъ. Мы уже имѣли случай описать подобную постройку у башкиръ, гдѣ плетневый чуланъ пристраивается къ лѣтнему жилищу, которое по способу устройства слѣдуетъ отнести къ балаганамъ.

Аналогичную постройку, но уже въ качествѣ зимняго жилища, мы видимъ у при-иртышскихъ киргизовъ, которые только что начинаютъ переходить къ сѣдлости. Объединеніе киргиза, лишая его единственнаго богатства скота,—вынуждаетъ его подчасъ идти на казачью линію и наниматься въ работники, а впослѣдствіи онъ обзаводится уже собственнымъ хозяйствомъ, занимается хлѣбопашествомъ и пр. Изба такого „джатака“ состоитъ обыкновенно изъ деревянной избы въ одну комнату: избы средняго достатка киргиза не имѣютъ потолковъ; крыши плоскія. Окна въ избахъ небольшія со стеклами, иногда эти послѣднія замѣняются пузыремъ или брюшиною. Къ избѣ пристраивается чуланъ (*эттыкъ*) изъ обмазаннаго глиной плетня. Дворъ подобнаго киргиза очень бѣденъ: отдѣльная изба строится для женатаго сына, устраиваются и глухіе скотные дворы изъ бревенъ, жердей и плетня, которые кроются жердями-же или хворостомъ²⁾.

У алтайцевъ кромѣ вышеописаннаго сруба мы видимъ въ качествѣ зимняго помещенія тотъ-же типъ жилья, но уже съ пристроенными къ нему сѣнями; этотъ видъ зимовки представляетъ собой небольшой срубъ изъ шести рядовъ; крыша скатомъ и покрыта землей: окно въ боковой стѣнѣ. Внутри, вокругъ стѣнъ, идетъ рядъ лавки, покрытой берестой; очагъ замѣненъ печью; дверь прикрѣпляется на первобытномъ шалнерѣ съ ремешкомъ³⁾. Плоская крыша иногда замѣняется двускатной, крытой берестой; бревна кладутся на мхъ. Много юртъ пятистѣнныхъ, пишетъ В. И.

1) Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

2) Катанаевъ: Прииртышскіе казаки и киргизы, стр. 24. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 2.

3) Ядринцевъ: Алтай. I. с. стр. 634.

Вербицкій, съ двумя дверями (одна противу другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится предъюртіе для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. Съ лѣвой стороны двери устраивается очагъ, иногда и чумалъ. Передъ чумаломъ, въ верху крыши, продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно закрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершковъ, покрываемыя берестю, какъ и въ болѣе развитомъ описанномъ выше, со словъ Н. М. Ядринцева, типъ сруба. Въ этихъ юртахъ нѣтъ потолковъ. Полъ застилается досками, причемъ около очага оставляется непокрытое земляное пространство, имѣющее видъ полукруга.¹⁾

Зимовки въ видѣ срубовъ извѣстны были сибирскимъ татарамъ еще въ XVIII в. Такъ напр. зимнее жилище барабинскихъ татаръ описывается какъ схожее съ выше отмѣченнымъ срубомъ башкиръ, но у барабинцевъ, уже пристраивались сѣни; кромѣ того окно дѣлалось въ потолкѣ, причемъ оно служило «не столько для свѣту и исхожденія паровъ, сколько для того, чтобы въ случаѣ великихъ метелицъ, во время которыхъ иногда совсѣмъ заносить снѣгомъ ихъ хижины, вылѣзть на дворъ симъ отверстіемъ и опрастывать двери»²⁾. Гмелинъ описываетъ срубы у кузнецкихъ татаръ и находитъ ихъ одинаковыми съ телеутскими; здѣсь также были широкія низкія нары³⁾. Радловъ отмѣчаетъ срубы у кумандинцевъ: это сооруженные изъ бревень дома, пишетъ онъ, съ небольшими сѣнями и кладовой. Жилое помѣщеніе всегда имѣетъ два окна, стекольчатыхъ или затянутыхъ брюшиной; внутри жиле имѣетъ печь; у стѣны идетъ широкая лавка и кромѣ того въ комнатѣ стоитъ еще нѣсколько ирбитскихъ сундуковъ. Въ общемъ внутри домовъ очень мало порядка⁴⁾.

Въ описанныхъ видахъ срубовъ обстановка обыкновенно бѣдна; въ нихъ часто грязно и неопрятно, и если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, ни они, ни земляныя зимовки киргизовъ не являются болѣе удобными, чѣмъ юрты, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ,

1) В. И. Вербицкій: Алтайскіе народцы, стр. 17, 18.

2) Описание . . . народовъ. II стр. 109.

3) Gmelin. Reise durch Sibirien. I. стр. 272.

4) Radloff. Aus Sibirien. I. стр. 363.

когда первобытный очагъ еще не замѣненъ чуваломъ или печью. Поэтому отъ большинства путешественниковъ приходится слышать жалобы на неудобства, съ которыми сопряжены остановки въ этихъ помѣщеніяхъ.

Въ срубѣ съ сѣнями мы имѣемъ уже основу для болѣе обширнаго и удобнаго жилья: по мѣрѣ увеличенія матеріальнаго благосостоянія и уровня культуры обстановка этихъ жилищъ становится чище, размѣры сруба увеличиваются, иногда появляется и крыша о нѣсколькихъ скатахъ и т. д. Съ другой стороны къ основному срубѣ съ сѣнями начинаютъ пристраивать другой срубъ и такимъ образомъ происходитъ расширеніе жилища помѣшенія.

Башкиры-катайцы, если имъ позволяетъ ихъ состояніе или если семья у нихъ большая, строятъ собѣ избы, состоящія изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, открытыми съ одной стороны ¹⁾. Башкиры Орскаго у. Оренбургской губ., въ дер. Зіанчуриной, жители которой лишь недавно перешли къ полной осѣдлости, если они состоятельны, имѣютъ также «два дома, которые ставятся другъ противъ друга и между ними сѣни изъ плетня или бревенъ. Все это подъ одной общей крышей; одинъ изъ этихъ домовъ имѣетъ назначеніе кухни (ашъ-ѳѳѳ), а другой—горницы (кунакъ ѳѳѳ) ²⁾».

Богатые буряты строятъ свои избы уже по русскому образцу, «столько углы постройки кладутся «въ лапу» и на шпяхъ, а не крючкомъ, какъ у русскихъ крестьянъ, чѣмъ достигается экономія относительно длины бревна» ³⁾. Внутреннее устройство такого усовершенствованнаго дома мало чѣмъ отличается отъ убранства лѣтнихъ юртъ бурятъ. Но здѣсь уже обыкновенно устраивается полъ. Какъ и въ круглой юртѣ, священное мѣсто помѣщается противъ входа, немного налѣво: здѣсь становится ящикъ, нѣчто въ видѣ комода, на которомъ разставляются бурханы. Наружныя доски комода или вывозятся изъ-за границы или являются подражаніями таковымъ со стороны мѣстныхъ мастеровъ; стѣнки ящика пестро разрисованы. Передъ идолами—бурханами—даже самые бѣдные буряты ставятъ небольшія мѣдныя чашечки съ жертвоприношеніями:

¹⁾ Берггольдъ: Горные башкиры — катайцы; въ Этногр. Обзор. XVIII, стр. 77.

²⁾ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. выш. 7-й 1895 г. стр. 4.

³⁾ Землеустройство Азіи К. Риттера: Восточ. Сибирь. I. стр. 345.

водой, зерномъ, масломъ; въ большіе праздники въ чашку съ жертвоприношеніями вставляютъ ароматическія свѣчи. Тутъ-же помѣщаются разныя украшенія: колокольчики, искусственные и естественные цвѣты, стеклянныя, фарфоровыя или металлическія вазы и пр. Если на одномъ ящикѣ идолы не умѣщаются, то рядомъ съ нимъ ставятъ для нихъ столики, причѣмъ послѣдніе драпированы яркими платками и ковриками. Вдоль стѣны, противоположной входу, стоитъ деревянная постель хозяина. Далѣе идутъ снова комоды, шкафики, этажерки, сундуки пестро раскрашенные; на право отъ входной двери иногда устраивается лавка и полка для посуды. Столы и стулья встрѣчаются у немногихъ: обыкновенно вдоль стѣнъ идутъ невысокія, вершковъ въ 6 вышины, нары, которыя служатъ постелями и диванами. Отапливается зимовка чуваломъ. Иногда тутъ-же устраиваютъ и русскую печь для приготовления хлѣба; впрочемъ печь чаще дѣлаютъ въ особомъ помѣщеніи, предназначенномъ для мелкаго скота. На одномъ изъ наружныхъ угловъ жилого помѣщенія устанавливаютъ шесть съ утвержденнымъ на немъ цилиндромъ; послѣдній обклеенъ монгольскими надписями и служитъ молитвеннымъ приспособленіемъ для бурятъ ¹⁾.

Если къ выше приведенному описанію бурятскаго жилища прибавить, что и у сѣверныхъ алтайцевъ, въ ихъ зимнихъ, четырехугольныхъ срубкахъ, лѣвая отъ входа стѣна за очагомъ считается мѣстомъ священнымъ, на которомъ никто не можетъ садиться кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей, ²⁾ мы увидимъ, что какъ у некрещенныхъ бурятъ, такъ и у алтайскихъ тюрковъ, перешедшихъ въ христіанство, остается твердымъ воспоминаніе о мѣстѣ священномъ въ круглой юртѣ: помѣщаясь въ послѣдней противъ входа, немного налѣво, оно остается на томъ-же мѣстѣ и послѣ перехода отъ круглаго жилища къ четырехугольному, причѣмъ у крещеныхъ алтайцевъ мѣсто идоловъ заняли православныя иконы, но ставимыя на прежнемъ, предназначавшемся для идоловъ мѣстѣ.

У якутовъ въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ они подчиняются русскому вліянію, встрѣчаются русскія избы, по крайней

¹⁾ А. Ѡ. Раевъ: Буряты. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858. XXIV, отд. 2 стр. 6, 7. Изъ путешествій А. В. Потаниной стр. 35, 36.

²⁾ Верблицкій, Алтайскіе инородцы, стр. 14.

мѣрѣ у тѣхъ изъ нихъ, которые лучше обставлены матеріально. Но срубы встрѣчаются и у тѣхъ якутовъ, которые не подвергаются въ отношеніи языка и обычаевъ воздѣйствію русскихъ: тѣ изъ якутовъ, у которыхъ есть сѣверные олени, пишетъ Миддендорфъ, пользуются этимъ упряжнымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣверныя равнины въ область притоковъ Таймыра. Какъ на зимовьяхъ своихъ, такъ и на лѣтовьяхъ они строятъ себѣ жилища въ видѣ срубовъ, причемъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія кочевья находятся въ тундрѣ, далеко отъ предѣловъ лѣсной растительности, устраиваются срубы: потребныя для постройки бревна съ большимъ трудомъ доставляются изъ лѣсныхъ областей ¹⁾. Цитируемый изслѣдователь замѣчаетъ, что помянутыя жилища якутовъ не разнятся отъ аналогичныхъ зимовокъ долгаевъ (якутовъ на Енисей), вслѣдствіе чего мы и приводимъ описаніе послѣднихъ: зимовье около предѣла лѣсной растительности всегда располагается около воды. «Вмѣсто крыши зимовье (оно строится по русскому образцу съ горизонтально лежащими бревнами) обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ. Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ, продолжаетъ Миддендорфъ; обратиться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человекомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей каминъ, но по огромному размѣру—печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котель, и которую по усмотрѣнію можно поворачивать къ огню или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ». Въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ, продѣлано дымовое отверстіе: оно закрывается при помощи жерди, къ которой наверху прикрѣпленъ кусокъ шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки, служащія одновременно и для сидѣнья и постелями; надъ ними, въ ростъ человека, прикрѣпляется рядъ досокъ, служащій для удержанія сажки, падающей съ потолка и стѣнъ. «Небольшое пространство,

¹⁾ А. Миддендорфъ. Путешествіе на сѣв. и востокъ Сибири, II, стр. 760, 761.

которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующій дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ¹⁾. (Рис. 16).

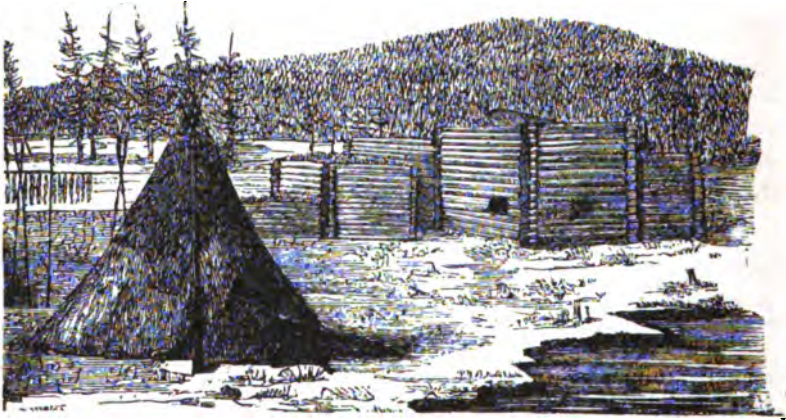

Рис. 16. Зимовка и коническій шалашь долганъ.

Наконецъ срубы въ развитомъ видѣ мы встрѣчаемъ у богатыхъ киргизовъ. Какъ примѣръ подобной зимовки приведемъ описанную г. Слопцовымъ зимовку богатаго киргиза Тотанова, которую авторъ встрѣтилъ во время своего путешествія по Акмолинской области: здѣсь небольшой дворикъ съ лицевой стороны былъ отгороженъ заборомъ съ тесовыми воротами, въ то время какъ задняя и боковыя части двора были открыты и имѣли сообщеніе съ дворами другихъ зимовокъ. Въ числѣ жилыхъ помѣщеній было и 3—4 такихъ, въ которыхъ было видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ. Въ пятистѣнной избѣ, пишетъ г. Слопцовъ, которую мы заняли, были три равныя по величинѣ жилья комнаты съ двумя печами, изъ которыхъ одна голландская, а другая русская. Въ первой комнатѣ со входа помѣщались обширныя нары, во второй наръ не было, третья—служила кухней. Окна во всемъ домѣ были неодинаковой высоты, потому что они прорубались не въ одно время, а по мѣрѣ приобрь-

¹⁾ Ibid. стр. 694, 695.

тенія рамъ при случаѣ на городскихъ рынкахъ ¹⁾). Зимнія жилища въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ той-же области, какъ сказано выше, строятся срубамн, въ 15—17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревенъ толщиною въ 4—5 вершк., длиною 5—7 арш. Въ лѣсныхъ частяхъ области срубчатая постройка не представляютъ привилегіи богатыхъ; онѣ встрѣчаются и у малосостоятельныхъ киргизовъ и въ этомъ случаѣ онѣ больше приближаются къ первобытному срубѣ; болѣе богатые въ обстановкѣ подражаютъ городскимъ постройкамъ. Крыша, какъ и въ степныхъ зимовкахъ-землянкахъ, дѣлается болшею частью плоской и служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Потолокъ-крыша настиляется изъ горбылей и на него наваливается камышъ, земля, дернъ. «Чаще всего, замѣчаетъ г. Шнэ въ своемъ описаніи этого типа жилищъ, прикрытіе зимовки этимъ и ограничивается; въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила. Домъ состоитъ изъ одной или двухъ комнатъ съ однимъ или двумя окнами въ каждой. Дверь входная одна и продѣлывается такъ-же, какъ и въ степной зимовкѣ, со двора. Комнаты дѣлятся стѣнной, въ которой, кромѣ прохода оставляется полое мѣсто для печи; внутреннія двери рѣдко навѣшиваются. Настилка пола дѣлается во все жилище и сверхъ него устраиваются нары, за исключеніемъ незначительной площади у входныхъ дверей и вокругъ печи». Нары покрываются циновками, кошмами, коврами. По стѣнамъ развѣшиваются, какъ и въ войлочной куртѣ, одежда, сѣдла, нагайки, кошмы, ковры и т. п. Небольшія въ 1 кв. аршинъ стекольчатая окна освѣщаютъ зимовку. Рамы не растворяются и на зиму дѣлаются двойными. Бѣдные киргизы продолжаютъ закрывать окна пузырямъ или брюшиной, причемъ и самыя оконныя отверстія дѣлаются меньшихъ размѣровъ. Печь ставится посрединѣ, между комнатами, продольной стороною своей—вдоль длины зимовки. Въ устройствѣ печи въ зимовкахъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ замѣчается различіе сравнительно съ печами въ степныхъ мѣстностяхъ: она не столь приспособлена къ варкѣ пищи, и кромѣ того по устройству «приближается или къ русской печи, или къ т. н. голландской, какія встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ. Для тѣхъ

¹⁾ Словоцовъ: Путевыя замѣтки. стр. 12 — 14, въ зап. Зап.-Сиб. отд. П. Р. Г. О. III.

и другихъ печей дѣлается бревенчатый окладъ немного выше пола, на немъ возводится печь; русская печь имѣетъ форму пирамидальную, голландскія совмѣщаютъ всю вычурность отдѣлки, на какую способенъ русскій каменщикъ. Въ русской печи дрова кладутся сзади дымовой трубы, въ глубь печи. Спереди печь затворяется не заслонкой, а дверцами на петляхъ. Внѣшній видъ такой печи очень напоминаетъ собой локомотивъ¹⁾.

Описанные типы сруба даютъ возможность выяснитъ ходъ его развитія: между пятистѣнной избой богатаго киргиза, въ которой мы уже видимъ три комнаты и первобытнымъ срубомъ—лѣтнимъ жилищемъ башкиръ, въ которомъ даже нѣтъ оконъ, существуетъ огромная разница. Но развитіе первобытнаго сруба идетъ не только путемъ устройства оконъ, расширенія сруба, пристроекъ къ нему сѣней и иногда пристройки къ послѣднимъ еще жилища—сруба: онъ развивается и другимъ путемъ, а именно посредствомъ раздѣленія внутренняго помѣщенія на комнаты, какъ мы это видѣли у киргизовъ и башкиръ. Далѣе устройство пола, замѣна очага или чувала печью, замѣна плоской крыши—крышей со скатами и т. д.—все вмѣстѣ взятое придаетъ этому типу жилья видъ прочнаго и благоустроеннаго дома. Но какъ бы не отличалось внутреннее устройство зимовки богатаго киргиза отъ кибитки, мы видимъ въ первой лишь подражаніе второй. Какъ и у бурятъ зимнее жилье въ своемъ внутреннемъ убранствѣ лишь повторяетъ кочевой шалашъ, такъ и у киргизовъ стѣны украшены тѣмъ-же, чѣмъ они украшаютъ и свои лѣтнія, переносныя юрты. Нары, которыя мы встрѣтили почти среди всѣхъ описанныхъ выше народностей являются лишь болѣе прочно устроенными мѣстами для сидѣнья, прототипъ которыхъ мы видимъ въ шалашѣ: низкое сидѣнье, образуемое въ кочевыхъ жилищахъ посредствомъ положенныхъ шкуръ, кошмъ, ковровъ, подушекъ, перинъ и пр. переходить въ такія-же широкія но непремѣнно низкія нары, которыя, какъ и въ кибиткѣ, идутъ по стѣнамъ;—другой мебели, если не считать изрѣдка заносимыхъ изъ городовъ стульевъ, которые можно видѣть лишь у очень немногихъ, мы не встрѣчаемъ въ зимовкахъ.

Что касается печи, то въ тѣхъ зимнихъ жилищахъ, въ кото-

¹⁾ В. Шнв: Зимовки Акмод. Обл. въ Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. I. стр. 9, 10.

рыхъ первобытный очагъ и чуваль успѣли уже уступить мѣсто болѣе сложнымъ сооруженіямъ мы несомнѣнно въ значительной степени видимъ вліяніе сосѣдей: появленіемъ голландскихъ, русскихъ печей полукочевыя народности обязаны имъ. Но характерно то, что рядомъ съ печью, или чуваломъ продолжаетъ устраиваться и другая печь, въ которую вмазанъ котель, какъ это мы видимъ у киргизовъ и башкиръ или очагъ, какъ это встрѣчается у долганъ и якутовъ. Что касается послѣдняго, то случаи сохраненія очага на ряду съ печью не является рѣдкостью среди народностей, переходящихъ отъ пользованія очагами къ пользованію печами: привыкшему варить себѣ пищу въ котлахъ, надъ огнемъ, полукочевнику трудно перейти къ другимъ способамъ варки, вслѣдствіе чего онъ передъ печью продолжаетъ устраивать еще очагъ, съ приспособленіями для подвѣшиванья надъ нимъ котла. Этотъ способъ соединенія очага съ печью продолжаетъ иногда сохраняться и послѣ перехода народа къ полной осѣдлости: такія-же печи можно наблюдать и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, у которыхъ напр. среди вотяковъ, эстовъ, тавастовъ, кореловъ, обыкновеніе соединять печи съ очагомъ продолжаетъ господствовать¹⁾. Болѣе интереснымъ является типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ. Этотъ типъ оказывается господствующимъ среди какъ полукочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ тюрковъ: для избы казанскихъ татаръ и осѣдлыхъ башкиръ онъ является характернымъ, и въ связи съ нарами онъ служитъ типичной чертой, отдѣляющей внутренность избъ тюрковъ отъ избъ ихъ русскихъ сосѣдей. Отъ осѣдлыхъ тюрковъ этотъ типъ печей перешелъ и къ нѣкоторымъ финскимъ народностямъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ финны подверглись въ болѣе значительной степени вліянію тюрковъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ деревняхъ мордвы и черемисовъ. Развитіе этого типа печи намъ не вполнѣ ясно: среди описанныхъ полукочевыхъ народностей обычай устройства подобныхъ печей можетъ, естественно, объясняться заимствованіемъ; но это не бросаетъ свѣта на исторію происхожденія этого типа печи. Въ качествѣ догадки мы рѣшаемся высказать слѣдующія соображенія. Первобытная печь, какъ извѣстно, возникаетъ изъ стремленія съ одной стороны предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра, съ дру-

¹⁾ См. мою статью: Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ, стр. 76.

гой—возможно дольше задержать тепло въ помещеніи. Последнее стремленіе приводитъ къ устройству т. н. каменки, т. е. очага, окруженнаго плитами и заваленнаго камнями: камни, накаляясь, задерживаютъ тепло нѣкоторое время и послѣ угасанія пламени; устройство подобныхъ печей крайне несовершенно: пламя выбивается часто наружу сквозь щели, оставляемыя камнями. Подобную каменку мы до настоящаго времени встрѣчаемъ въ банѣ у башкиръ. Съ другой стороны стремленіе предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра приводитъ къ устройству сквозныхъ прикрытій очага, какъ напр. у монголовъ, кочующихъ за границами Россіи, въ лицѣ описанной выше рѣшетки, которая замѣняетъ треножникъ, на которомъ первоначально прикрѣплялся котелъ: этотъ послѣдній ставится на рѣшетку. Болѣе первобытное приспособленіе для огражденія очага отъ дѣйствія вѣтра, чѣмъ монгольская рѣшетка, можно наблюдать въ лѣтнихъ юртахъ башкиръ, когда очагъ, какъ это было выше указано, выносится иногда за предѣлы помещенія, причемъ онъ ограждается четырьмя плитами; варка пищи въ котлѣ происходитъ посредствомъ постановки котла на плиты. Въ этомъ типѣ башкирскаго лѣтняго очага, представляющаго и первобытный типъ печи, равно и въ каменкѣ, представляющей лишь усовершенствованіе этого типа, мы склонны видѣть прототипъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ, распространенной среди полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ тюркскихъ народностей. Съ переходомъ къ болѣе прочнымъ типамъ жилищъ подобный очагъ могъ сохраниться и при замѣнѣ первоначальной ограды изъ каменныхъ плитъ другимъ матеріаломъ, а именно глиной, которой закидывались каменные плиты, такъ какъ глина распространяла и сохраняла теплоту дольше, чѣмъ эти послѣднія, и наконецъ перейти въ глинобитную печь со вмазаннымъ въ нее котломъ; замѣна глинобитной печи—печью, сложенной изъ кирпича, является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа. Высказанное нами—не болѣе какъ предположеніе, но фактъ, что этотъ типъ печи получилъ наибольшее распространеніе среди волжскихъ татаръ и среди башкиръ, что онъ является у этихъ народностей господствующимъ почти исключительно типомъ печи, въ то время какъ другія кочевыя или полукочевыя тюркскія и монгольскія народности или вовсе не поднялись въ своемъ развитіи до устройства печей, или заимствуютъ печи у русскихъ, какъ напр. буряты, или устраи-

ваютъ одновременно и русскій и описанный типъ печи, можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ зародился именно въ области, гдѣ мы встрѣчаемъ простѣйшій, какъ мы предполагаемъ, видъ ея, и оттуда уже перешелъ къ другимъ народностямъ какъ напр. къ киргизамъ.

Высшими типами срубовъ можно закончить исторію развитія жилыхъ помѣщеній у полукочевыхъ тюрковъ и монголовъ. Дальнѣйшее развитіе этого типа принадлежитъ уже осѣдлому населенію, и если полукочевникъ и заводитъ себѣ жилища болѣе обширныя и болѣе сложно устроенныя, чѣмъ описанныя, то онъ подражаетъ или, правильнѣе, воспроизводитъ образцы, которые его осѣдлые сосѣди представляютъ ему уже готовыми.

Что касается дворовыхъ построекъ, то подробно развитіе ихъ можно наблюдать именно на зимовкахъ, причемъ слѣдуетъ отличать два вида хозяйственныхъ строеній: строенія для хозяйственныхъ цѣлей въ узкомъ значеніи слова и строенія для помѣщенія скота. Зачатки тѣхъ и другихъ мы видѣли еще при описаніи типовъ кочевыхъ жилищъ: развитіе благосостоянія не позволяетъ богатому кочевнику помѣщать все свое имущество въ одной юртѣ; онъ строитъ рядомъ съ жилой юртой другія, въ которыя переходятъ жить члены его семьи съ частью семейнаго имущества, или онъ устраиваетъ спеціальныя юрты-кладовыя, назначенныя исключительно для храненія имущества, какъ мы это видѣли у татаръ въ описаніи Рубруквиса; но въ значительномъ большинствѣ случаевъ имущество кочевника не настолько велико, и онъ довольствуется только своей жилой юртой. Намъ здѣсь важенъ только принципъ, согласно которому постройки для хозяйственныхъ цѣлей, въ силу обстоятельствъ отдѣляются отъ жилого помѣщенія. Неумѣнье строить себѣ болѣе обширныя жилища приводитъ и полукочевыя народности, къ раздѣленію двора на рядъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ построекъ, причемъ, какъ это будетъ показано ниже, для этой цѣли утилизируются обыкновенно старыя формы жилья. Необходимость оберечь скотъ отъ зимнихъ холодовъ привелъ, какъ мы это видѣли выше, кочевника къ устройству крытыхъ загоновъ. Мы встрѣчаемъ ихъ-же, лишь въ болѣе развитомъ видѣ, у полукочевыхъ народностей. Мы видѣли эти крытые загоны у якутовъ, киргизовъ, кундровцевъ и караногайцевъ. Къ этимъ

типамъ можно присоединить и дворы у башкиръ, описаннымъ г. Износковымъ.

Но рядомъ съ этимъ у большинства помянутыхъ народностей, рядомъ съ соединенными съ жилыми помѣщеніями загонами устраиваются отдѣльно другія хозяйственныя постройки: такъ напр. у башкиръ, въ Уфимской губ., усадьба состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ дворовыхъ мѣстъ, загороженныхъ плетнями. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ устраивается пчельникъ, а въ другія, на ночь, загоняются лошади и разный домашній скотъ. На главномъ дворѣ, гдѣ находится изба и холодныя постройки, устраивается изъ плетня, промазаннаго навозомъ крытый соломой, круглый шалашъ, въ срединѣ котораго устанавливается котелъ: шалашъ служить для приготовления въ немъ пищи. Кромѣ того, въ небольшомъ отдаленіи отъ усадьбы, на выгонѣ, устраивается родъ землянки, въ которой пекутся хлѣбы, для чего землянка снабжена печью ¹⁾. У башкиръ рода Катай дворъ гораздо бѣднѣе: на немъ обыкновенно никакихъ другихъ построекъ не дѣлается, и только у немногихъ есть амбаръ ²⁾.

Дворъ якута представляетъ площадь въ 20 кв. саж., обнесенную городбой съ воротами съ восточной стороны; городба устраивается троякимъ способомъ: 1) *скляюзс-кюре* или *ють-кюре* — когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) *тоюсо-кюре*, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю кольца парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди и 3) *батулу-кюре* — изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины. Кромѣ юрты во дворѣ помѣщается хотонъ (хлѣвъ), который у богатыхъ строится отдѣльно отъ юрты; далѣе помѣщается *хоспохъ* — подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣверной части Якутской области вмѣсто *хоспоха* строится передъ входомъ въ юрту особый корридоръ съ чуланами посрединѣ. Наконецъ устраивается и особый навѣсъ для лошадей — *хасса*, и амбаръ, въ видѣ сруба съ плоской крышей; въ него складываютъ одежду и другія хозяйственныя принадлежности.

¹⁾ И. Износковъ: Кара-Якуповская волость, въ Изв. Об. Арх. Ист. и Этногр. при И. К. У. XI, вып. 2, стр. 184.

²⁾ Берггольцъ: Горные башкиры: въ Этногр. Об. XVIII, стр. 77.

Амбаръ заимствованъ якутами у русскихъ. Таковъ дворъ богатаго якута, у котораго около лѣтней юрты ставится еще и коническій шалашъ (ураса), помѣщаемый обыкновенно на востокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты. Хозяйственные постройки бѣднаго якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ ¹⁾.

Около зимовки богатаго киргиза строятся кромѣ помѣщенія для скота еще и жилища для рабочихъ, для гостей, большого скота и пр. Подчасъ такая зимовка, принадлежащая одному лицу, получаетъ характеръ цѣлой деревни. Такъ напр. зимовка киргизскаго бія Тотанова, описанная выше, представляла, по словамъ г. Словоцова ²⁾, небольшую деревеньку изъ 24 жилищъ, расположенныхъ группами, и обнесенныхъ изгородью. „Правильности въ постройкѣ домовъ и въ ихъ расположеніи нельзя было и ожидать. Архитектура построекъ самая разнообразная: здѣсь есть 3—4 жилища, въ которыхъ видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ, нѣсколько четырехстѣнныхъ хатъ, безъ крышъ (съ одной земляною насыпью), похожихъ на крестьянскія избы, и наконецъ образцы жилищъ первобытнаго человѣка, выкопанные въ землѣ съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердями съ земляною насыпью и дымовымъ окномъ“. Эти жилища, мало отличающіяся отъ помѣщеній для скота, были расположены около загоновъ; о томъ, что они служили жилищемъ для человѣка, можно было догадаться только на основаніи того, что изъ нѣсколькихъ кирпичей было сложено въ нихъ подобіе печи. На дворѣ былъ сложенъ кизякъ, запасы на зиму. Г. Шнэ отмѣчаетъ, что около жилья киргиза, въ зимовкѣ, строятся и чучела и коши и наконецъ первобытныя землянки, въ которыхъ находятъ себѣ убѣжище на зиму рабочіе. Чучела продолжаютъ сохраняться и въ качествѣ кухни, по крайней мѣрѣ среди богатыхъ киргизовъ, у которыхъ иногда происходитъ и видоизмѣненіе въ планѣ двора. Жилое помѣщеніе окружено дворомъ съ изгородью: ворота обыкновенно тесовыя на вереехъ; помѣщенія для скота продолжаютъ строиться по общему типу, но всегда стоятъ *въ сторону* отъ дома; да и самъ домъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно пятистѣнный, какъ въ зимовкѣ Тотанова, или круглый, въ четыре стѣны съ

¹⁾ Приклонскій. Матеріалы по Этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. Р. Г. О. XVIII, стр. 19—23.

²⁾ Словоцовъ: I. с., стр. 12, 13.

большими и свѣтлыми окнами, съ голландской печью и т. д. Кухня же отдѣляется отъ дома, и пища готовится въ чучель¹⁾.

Соединеніе подъ одной кровлей жилого помѣщенія и скотнаго двора у степнаго полукочеваго народа вполне естественно: ему необходимо съ одной стороны оградить свое жилище отъ свѣжныхъ заносовъ, а съ другой имѣть возможность во всякую погоду обойти и осмотрѣть свое главное богатство—скотъ, не подвергаясь стужѣ. Тотъ-же принципъ въ устройствѣ двора мы встрѣтили у якутовъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, гдѣ скотоводство является главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія: юрта для помѣщенія скота пристраивается къ жилому помѣщенію, стѣна объ стѣну. Но среди тѣхъ якутовъ, главный источникъ благосостоянія которыхъ заключается въ другихъ занятіяхъ, напр. въ рыболовствѣ, мы уже не встрѣчаемъ дворовъ этого типа; правильнѣе дворъ исчезаетъ, если не считать конической юрты, которая, какъ напр. у долганъ, (см. рис. 16) строится около срубообразной зимовки и служитъ для хозяйственныхъ нуждъ. Вполнѣ понятнымъ является и то, что степняки тамъ, гдѣ это позволяетъ мѣстность переходить къ другому типу дворовъ. Такъ киргизы, устраивающіе зимовки въ лѣсныхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ защиту отъ зимнихъ вьюговъ, „избираютъ мѣсто внутри или сбоку большого колка лѣса средняго возраста, растягивая хлѣва, дворы и загоны въ глубь колка, стараясь прикрыть зимовку лѣсомъ съ западной и сѣверо-западной стороны господствующихъ здѣсь вѣтровъ“. Кругомъ дома располагаются хозяйственныя постройки, но онѣ, въ противоположность зимовкамъ степняковъ, не столь обширны: здѣсь отдѣльно стоятъ землянки для барановъ, крытый хлѣвъ для тельныхъ коровъ, одна-двѣ клѣтушки для хозяйственныхъ принадлежностей. Для защиты скота отъ зимнихъ вьюговъ и морозовъ, киргизы въ этихъ мѣстностяхъ огораживаютъ тыномъ изъ валежника, тростника или камыша лѣсныя заросли или колки съ крупнымъ лѣсомъ, и это-то отгороженное мѣсто и служитъ, такъ сказать основаніемъ двора, въ предѣлахъ котораго располагаются жилища и хозяйственныя строения. Крытые загоны для скота составляютъ роскошь²⁾.

¹⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи Акмолинской обл. въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 17.

²⁾ Шав: 1. с., стр. 8, 10.

Наконецъ у бурятъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ благоустроенной зимовкой, загоны для скота и лѣтнюю юрту (многогранный срубъ), которая зимой служитъ кладовой и мѣстомъ приготовления тарасуна (хмѣльного напитка изъ молока). Мѣстами, кромѣ того строится абмаръ и лабазъ на столбахъ для храненія провизіи.

Наиболѣе развитые типы дворовъ мы встрѣчаемъ у башкиръ и киргизовъ: дворы другихъ полукочевыхъ народностей лишь подходятъ къ нимъ съ болѣе или меньшимъ приближеніемъ и могутъ быть подведены подъ два типа: 1) дворъ, въ которомъ помѣщенія для скота преобладаютъ надъ другими хозяйственными постройками и 2) дворъ, гдѣ наоборотъ хозяйственныя постройки отгѣсняютъ на второй планъ помѣщенія для скота. Первый типъ устраивается по принципу соединенія жилыхъ строеній съ помѣщеніями для скота, причѣмъ отдѣльно стоящія хозяйственныя постройки лишь служатъ т. ск. дополненіемъ; онъ характеренъ для скотовода и степняка. Второй типъ, наоборотъ, имѣетъ своей отличительной чертой разбросанность хозяйственныхъ построекъ и можетъ считаться характернымъ для мѣстностей лѣсныхъ, гдѣ скотоводство играетъ лишь второстепенную роль въ экономическомъ быту населенія: незначительное число скота или зимуетъ подъ открытымъ небомъ, или частью помѣщается въ самомъ жильѣ, а хозяйственныя постройки, повторяющія типы болѣе древнихъ жилищъ, устраиваются по близости отъ жилья, но не соединяются съ ними. Развитіе обоихъ типовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ экономическимъ бытомъ народности, причѣмъ благосостояніе каждаго отдѣльнаго лица и общій экономическій уровень народности вліяетъ на размѣры двора, количество находящихся на немъ построекъ и пр.

При выборѣ и устройствѣ прочныхъ зимнихъ жилищъ полукочевникъ руководствуется тѣми-же соображеніями, какъ и кочевникъ: у него мы видимъ, какъ и у послѣдняго регулированіе группъ жилищъ двумя принципами: родственнымъ и экономическимъ. Необходимость искать защиты отъ снѣжныхъ бурановъ вынуждаетъ кочевника искать для устройства зимовки мѣсто по возможности защищенное отъ вѣтровъ. Тюрко-татарское слово *oĵ* или *ev*, пишетъ Вамбери, означающее въ настоящее время *домъ*, жилище, слѣдуетъ по его внутреннему смыслу переводить: *углубленіе* *глубина долины, долина*; оно идентично съ корнемъ *oj*—*копать*,

выкапывать, углублять, и служить также названіемъ для понятій: *углубленіе, долина, яма, глубь* и т. д. Если мы поэтому хотимъ изслѣдовать вопросъ о первобытномъ жилищѣ тюркскихъ народностей, то, судя по современному образу жизни кочевниковъ, необходимо придти къ заключенію, что тюркъ въ первобытномъ своемъ состояніи имѣлъ жилище только въ теченіе суроваго времени года, и что оно устраивалось преимущественно въ такихъ долинахъ и углубленіяхъ, которыя были менѣе открыты вліянію холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и какъ таковое доставляло защиту людямъ и домашнимъ животнымъ ¹⁾. Если и лѣтомъ при устройствѣ юрты принимается особенно во вниманіе направленіе господствующихъ вѣтровъ, то при переходѣ къ полуосѣдности это соображеніе выступаетъ на первый планъ при устройствѣ зимовокъ. Еще кочующія народности, проводившія однако зиму, хотя и въ кибиткахъ, но на опредѣленныхъ мѣстахъ, руководствовались и руководствуются этимъ соображеніемъ при переходѣ на зимнія мѣста. Такъ еще Марко Поло отмѣчаетъ, что татары лѣтомъ кочевали въ горахъ, а на зиму спускались въ долины ²⁾. Киргизы у оз. Балхашъ, кочующіе лѣтомъ по Чингизъ-Тау, Тарбагатаю, Алатаунскимъ горамъ и пр. съ появленіемъ снѣга въ степи возвращаются на зимовку на старыя мѣста и выбираютъ для постановки своихъ юртъ на зиму—камыши, предохраняющіе ихъ отъ вѣтровъ ³⁾. Каракалпаки хотя и занимались еще въ XVIII в. преимущественно хлѣбопашествомъ, переходили на зиму въ камыши около Аральскаго моря ⁴⁾. Каракиргизы зимуютъ по берегамъ рѣкъ, а лѣтомъ поднимаются для кочевокъ въ горы ⁵⁾. Туркмены на зиму оставляютъ болѣе высокія мѣстности въ степи, въ которыхъ они проводятъ лѣто, и удаляются въ глубь долинъ и овраговъ, гдѣ и живутъ въ теченіе холоднаго времени года ⁶⁾. Букеевскіе киргизы устраиваютъ свои зимовки также въ запущенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ: зимою мы видимъ ихъ въ песчаной степи Царынъ,

1) Vámbéry: Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes. стр. 73, 74.

2) Марко Поло: Путешествіе пер. Шемякина, стр. 178.

3) Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, в. 1. ст. Никольскаго, стр. 80.

4) Рычковъ: Топографія Оренбургск. губ., стр. 125.

5) Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 527.

6) Vámbéry: Die primitive Cultur... стр. 74.

гдѣ песчаные бугры (барханы) оберегаютъ его отъ бурановъ; лѣтомъ-же они живутъ преимущественно въ „плоской“ степи ¹⁾).

Киргизы Акмолинской области, пишетъ г. Михайловъ, живутъ отдѣльными группами въ нѣсколько семействъ каждая, и эти группы носятъ названіе ауловъ съ прибавленіемъ имени главы семейства, обыкновенно самаго зажиточнаго въ данной группѣ киргиза. Въ большинствѣ случаевъ каждый болѣе или менѣе состоятельный киргизъ имѣетъ свой собственный аулъ, въ составъ котораго входятъ нѣсколько родственныхъ семействъ, менѣе его достаточныхъ. Нерѣдко сюда-же примыкаютъ обѣднѣвшіе киргизы, т. н. джатаки. Такой порядокъ жизни, продолжаетъ г. Михайловъ, оправдывается тѣмъ, что каждый состоятельный киргизъ стремится имѣть вблизи зимовки опредѣленную площадь для прокорма своего скота въ теченіе зимы на подножномъ кормѣ и извѣстную часть сѣнокосныхъ мѣстъ, которыми онъ могъ-бы свободно распорядиться ²⁾. Группировка въ болѣе или менѣе обширныя селенія происходитъ лишь тамъ, гдѣ почва позволяетъ прокормить значительное количество скота, причемъ, такъ какъ хорошіе покосы расположены преимущественно по берегамъ рѣчекъ, то, во избѣжаніе поврежденій жилищъ во время половодья, зимовки изъ углубленій и низинъ иногда поднимаются на вершины холмовъ. Описывая зимовки киргизовъ степной части Акмолинской области, г. Шнэ беретъ для примѣра зимовки въ урочищѣ Тлэнъ у оз. Чаглы (Петропавловск. у.); онѣ расположены числомъ около 10 на холмѣ возлѣ рѣчки Чаглинки; лучшіе по окружности степные покосы расположены по обѣ стороны отъ рѣчки. Зимовки разбросаны по увалу, несимметрично, безъ всякаго плана; часто встрѣчаются стойбища отъ 15 до 20 зимовокъ. Выше мы видѣли при описаніи кочевыхъ ауловъ киргизовъ, что киргизы до послѣдняго времени сохраняли обычай селиться сравнительно большими группами; этотъ обычай такимъ образомъ продолжаетъ сохраняться при устройствѣ зимнихъ стойбищъ, но только тамъ, гдѣ условія мѣстности позволяютъ. Дѣйствительно въ лѣсистыхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ лишь сравнительно незначительное количество сѣна, зимовки соединя-

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 55.

²⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи, стр. 5. Зап. З.-С. О. И. Р. Г. О. XV, 3.

ются въ незначительныя группы. Въ лѣсу, замѣчаетъ г. Шнэ, чаще встрѣчаются стойбища въ 2—5 зимовокъ и рѣдко найдется съ большимъ числомъ ихъ; въ лѣсныхъ стойбищахъ группы въ 15—20 зимовокъ, обычныя въ степяхъ, устраиваются только весьма богатыми киргизами, окружающими себя кліентами и бѣдняками — джатаками ¹⁾, т. е. это зимовка отдѣльнаго богатаго лица, причѣмъ джатаки служатъ ему рабочей силой, необходимой для охраненія его обширныхъ стадъ. Среди букеевскихъ киргизовъ зимовки располагаются также лишь очень небольшими группами: подчасъ встрѣчаются совершенно одиночныя, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ травы, необходимой для прокорма скота, зимою мало.

Въ общемъ соображенія чисто экономическаго характера содѣйствуютъ или препятствуютъ устройству зимовокъ большими группами. Эти соображенія приводятъ къ тому, что у алтайскихъ тюрокъ зимовки группируются въ незначительномъ количествѣ, подчасъ даже стоятъ одиночно, — фактъ, который можно наблюдать и у якутовъ, оставляющихъ свой скотъ на зиму на подножномъ кормѣ. Незначительное количество дворовъ, образующихъ зимнія деревни телсутовъ и сибирскихъ татаръ было отмѣчаемо еще въ XVIII вѣкѣ ²⁾. Тоже подтверждаетъ и Гельмерсенъ ³⁾, равно и другіе изслѣдователи. Во всей Якутской Области, пишетъ г. Приклонскій, въ мѣстахъ населенія якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни, или хотя-бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ и нѣсколько различествуютъ въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородныя управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ ⁴⁾. К. Мейнстаузенъ замѣчаетъ, что мѣста, гдѣ встрѣчаются совмѣстно 2—3 юрты рѣдки; юрты располагаются на зиму на берегахъ озеръ, такъ какъ именно тамъ сохраняются лучшія пастбища ⁵⁾, а слѣдовательно и наибольшій запасъ на зиму сѣна. Селясь всегда у рѣкъ изобилующихъ раздольными, пологими берегами, пишетъ г. Гамовъ, якуты не живутъ селами или деревнями,

¹⁾ Шнэ: I. с., стр. 1, 8.

²⁾ См. Описание... народовъ, изд. Миллера II.

³⁾ Helmersen. I. с. ст. 48, 9°.

⁴⁾ Приклонскій, I. с. стр. 19.

⁵⁾ Helmersen's Reiträge XXVI стр. 36.

но семействами, дворами. Дворы отстоять другъ отъ друга верстъ на 50—200; замѣчено что якутскіе юрты ближе скучиваются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инородцы усиленно занимаются земледѣліемъ ¹⁾).

Естественно также, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о правильности въ расположеніи поселка: единицей является дворъ и каждый ставитъ его тамъ, гдѣ онъ находитъ это для себя удобнѣе. Такъ напр. въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ якуты живутъ селеніями, въ этихъ послѣднихъ вѣтъ порядка: всякій ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ ²⁾).

Лишь особія обстоятельства видоизмѣняютъ беспорядочность плана поселковъ, характерную для всѣхъ народностей, стоящихъ на низкой ступени развитія. Такъ климатическія условія вынуждаютъ башкиръ располагать мѣстами свои зимовки правильно въ рядъ, направляя окна на югъ. Правильность въ расположеніи зимовокъ отмѣчено нѣкоторыми писателями у бурятъ. „Подъѣзжая къ бурятской деревнѣ, пишетъ г. Раевъ, замѣчаешь прежде всего на горизонтѣ чернѣющія, движущіяся точки—это кочующій скотъ: лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды. Но также въ отдаленіи вы видите группу черныхъ точекъ большаго размѣра,—это юрты... онѣ стоятъ довольно правильно одна возлѣ другой, и представляютъ видъ деревни“ ³⁾. Довольно трудно однако опредѣлить, объясняется ли относительная правильность построекъ въ зимнихъ селеніяхъ бурятъ климатическими условіями или воздѣйствіемъ русскихъ. Во всякомъ случаѣ неправильность въ планѣ слѣдуетъ въ общемъ считать господствующей въ зимнихъ селеніяхъ полукочевыхъ народностей. Тоже слѣдуетъ сказать о малолюдности селеній, такъ какъ болѣе или менѣе обширныя по количеству жилыхъ строеній зимовки извѣстны намъ почти исключительно лишь среди киргизовъ и башкиръ, и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе травъ позволяетъ первымъ составлять сравнительно большія группы, а вторымъ дается эта возможность путемъ заготовленія сѣна на зиму; этимъ ослабляется воздѣйствіе условій мѣстности, такъ какъ соображенія о достаточности или недостаточности подножнаго корма скоту перестаетъ, при заготов-

¹⁾ И. Гамовъ, Очерки далекой Сибири, стр. 26.

²⁾ Приклонскій, I. с. стр. 19.

³⁾ А. О. Раевъ, Буряты. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858, стр. 6.

къ сѣна, играть выдающуюся роль при выборѣ мѣста зимовки. Мы отмѣчаемъ эти характерныя черты для селеній полукочевыхъ народностей, какъ элементы, развитіе которыхъ происходитъ уже послѣ перехода ихъ къ полной осѣдности, вслѣдствіе чего мы не считаемъ необходимымъ останавливаться на нихъ подробнѣе.

Намъ остается коснуться еще вопроса о времени перехода описываемыхъ народностей отъ чисто кочевого къ полукочевому быту и связанному съ нимъ переходу отъ переносныхъ жилищъ къ постояннымъ. Если признать, что полукочевой бытъ имѣетъ свое начало съ того момента, когда данный народъ, мѣняя нѣсколько разъ свои кочевки лѣтомъ, начинаетъ проводить зиму въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то большинство кочевыхъ народностей пришлось-бы причислить къ полукочевымъ: каждый кочевникъ избѣгаетъ совершать передвиженія зимой и старается перезимовать въ мѣстности, уже извѣстной ему какъ вслѣдствіе обилія травъ такъ и возможности укрыться отъ вѣтровъ. Такія опредѣленныя перекочевки съ лѣтнихъ мѣстъ на опредѣленныя зимнія отмѣчаетъ еще Рубруквисъ среди татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ предѣлахъ современной европейской Россіи. Въ настоящее время лишь немногія народности кочуютъ и зимой: такъ напр. племена, живущія въ Монголіи, мѣняютъ свои зимнія мѣста только подъ давленіемъ крайней необходимости—именно недостатка травъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить о нерчинскихъ бурятахъ, которые въ 40-хъ годахъ текушаго столѣтія совершали перекочевки на большія пространства вслѣдствіе недостатка корма¹⁾.

Пребываніе зимой въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ не лишаетъ, однако, описанныя народности всѣхъ чертъ, типичныхъ для кочевника. Намъ кажется поэтому болѣе справедливымъ признать за моментъ перехода народности отъ кочевого къ полукочевому быту появленіе у него постоянныхъ, прочныхъ жилищъ на зиму: только тогда народъ можетъ считаться прикрѣпленнымъ къ извѣстной почвѣ—черта типичная для понятія объ осѣдности—и различіе полукочевника отъ вполне осѣдлаго будетъ заключаться въ томъ, что въ то время, какъ послѣдній прикрѣпленъ къ постоянному жилищу въ теченіе всего года, первый прикрѣпляется къ нему лишь

¹⁾ Erman. Archiv, 1843, стр. 51. Ueber die Burjaten des Nertschinscker Kreises.

пока продолжается холодное время года. Устройство прочных зимовок есть, конечно, лишь вы́шнее выраженіе осѣданія народа: параллельно съ этимъ идетъ сокращеніе района кочевокъ, постепенное избѣганіе передвигаться и лѣтомъ и пр.; новѣе эти черты мѣсяе наглядны, мѣнѣе уловимы въ бытѣ народа и не могутъ быть прослѣжены съ тою точностью, какъ это можно сдѣлать относительно исторіи появленія постоянныхъ зимовокъ. Слѣдуетъ, однако, признать, что данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ распоряженіи этнографіи, не достаточно полны, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ народностей. Въ общемъ, однако, представляется возможнымъ придти къ заключенію, что осѣданіе народа происходитъ раньше, если онъ живетъ въ лѣсистой полосѣ, чѣмъ если онъ кочуетъ въ степяхъ,—правило, которое, однако, какъ мы это увидимъ, допускаетъ иногда исключенія.

Вліяніе лѣса въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовано Н. М. Ядринцевымъ, и, хотя его слова относятся преимущественно къ алтайскимъ тюркамъ, они могутъ быть распространены вообще на охотничьи народности, живущія въ лѣсу, равно и на кочевниковъ-скотоводовъ, поселившихся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: мы имѣемъ полное основаніе думать, пишетъ г. Ядринцевъ, что лѣса имѣли огромное значеніе на остановку передвиженія и кочеванія первобытныхъ народовъ, на ихъ культуру и образъ жизни. Можно сказать, что осѣдность зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ. Лѣса замедляютъ и ставятъ много непреодолимыхъ препятствій въ свободѣ передвиженій хозяйства, сравнительно съ степными условіями. Лѣсникъ не имѣетъ простора, онъ не выжигаетъ лѣса и привыкъ дорожить лѣсомъ, какъ звѣроловъ... Лѣсной охотникъ, пѣшеходъ на лыжахъ, хотя и дѣлаетъ огромныя разстоянія, но не такія, какъ степнякъ... Рыбные промыслы хотя и побуждаютъ отлучаться отъ постоянныхъ мѣстъ и жилищъ, въ то-же время заставляютъ держаться вблизи богатыхъ рыбалокъ и рѣкъ,—иначе ими завладѣютъ другіе. ¹⁾ Въ горномъ Алтаѣ мы видимъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, что алтайскій скотоводъ далеко не таковъ, какъ номадь-киргизъ или монголъ; горы и горныя долины замкнули и ограничили его передвиженія, перекочевки и съузили ихъ до нѣсколькихъ верстъ... Лѣса той-же горной мѣст-

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 117.

ности еще болѣе замкнули и сѣзвили переходы населенія—они создали особенную форму быта. ¹⁾ Дѣйствительно, зародыши осѣдлости мы замѣчаемъ уже у большинства алтайскихъ инородцевъ, не смотря на то, что формы жилища многихъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ разряду наиболѣе первобытныхъ; если тамъ осѣданіе народа происходитъ въ известной степени раньше, чѣмъ переходъ къ болѣе высокимъ формамъ жилищъ, то это происходитъ оттого, что лѣсъ, доставляя въ обиліи матеріалъ для постройки, даетъ возможность строить первобытный шалаашъ настолько прочно, что остовъ его оставляютъ при перекочевкахъ на старыхъ мѣстахъ. Но лѣсъ, сѣзвивая районъ перекочевокъ и содѣйствуя такимъ образомъ осѣданію племени, долгое время не приводилъ алтайскихъ инородцевъ къ устройству болѣе прочныхъ жилищъ: и до сихъ поръ многіе изъ нихъ довольствуются исключительно одной конической юртой, и попытки устраивать имъ избы не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ, что, впрочемъ, до известной степени можетъ объясняться тѣмъ, что для алтайца переходъ въ выстроенную для него избу иногда влечетъ за собой и попытки приучить его къ земледѣлю и сдѣлать его такимъ образомъ окончательно осѣдлымъ. Новокрещенный алтаецъ не можетъ, пишетъ тотъ же авторъ, примириться сразу съ осѣдлымъ жилищемъ (какъ онъ не можетъ сразу по крещеніи сдѣлаться осѣдлымъ земледѣльцемъ, къ чему стремятся обыкновенно миссіонеры): органическая потребность въ воздухѣ и привычка передвиженія не позволяютъ ему примириться съ избой. Отъ этого новокрещены не могутъ сразу жить въ избахъ; даже даваемая имъ изба отъ миссіи злупущена и грязна, и живутъ они въ большинствѣ въ берестяныхъ шалаашахъ ²⁾.

Начало устройства срубовъ у *нѣкоторыхъ* изъ алтайскихъ народностей, слѣдуетъ, повидимому, отнести въ сравнительно далекое прошлое, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, телеуты имѣли уже прочныя зимовки, хотя въ то время воспоминанія о жизни въ землянкахъ были еще живы: „нынѣ строятъ они (телеуты) жилища свои на чистыхъ мѣстахъ; языческаго закона телеуты во всемъ сходны съ барабинскими... а содержащіе мугаметанскую вѣру и

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай; въ Ист. Вѣсти. XX, стр. 633.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

превосходящіе идолопоклонную свою братію разумомъ, прилежаніемъ, заживностью и достатками, подобныя во всемъ россійскимъ деревенскимъ избамъ, выключая только свойственныя татарамъ полаты и комелекъ¹⁾.” Кумандинцы, повидимому, также довольно давно перешли уже къ зимовкамъ, типы которыхъ у нихъ довольно разнообразны; ихъ можно было-бы причислить даже къ вполне осѣдлымъ народностямъ, если-бы въ качествѣ переживания прошлаго кочевого быта у нихъ не осталось стремленія черезъ нѣскольکو лѣтъ мѣнять мѣста своихъ деревень²⁾. Въ общемъ, однако, полное господство коническихъ юртъ среди большинства алтайскихъ народностей, устройство себѣ зимовокъ немногими, болѣе богатыми, служить доказательствомъ, что алтайцы лишь въ очень недавнее время стали обращаться въ полуосѣдлое населеніе и, если не считать телеутовъ и отчасти кумандинцевъ, еще далеко не всѣхъ представителей разныхъ алтайскихъ народностей можно назвать полукочевниками.

Далѣе качинскіе татары въ настоящее время всѣ уже обзавелись зимовками, и В. Радловъ приводитъ эту черту, какъ отличающую качинцевъ отъ алтайскихъ тюрковъ³⁾, причемъ начало перехода ихъ отъ кочевого къ полукочевому быту слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, Палласъ ничего не упоминаетъ объ ихъ зимовкахъ, указывая только, что юрты они употребляютъ какъ въ качествѣ лѣтняго, такъи зимняго жилья⁴⁾; въ „Описаніи... народовъ“ (II, стр. 153) говорится то же, причемъ прибавляется, что они кочуютъ и лѣтомъ и зимою; но Гмелнъ, посѣтившій ихъ въ 1735 г. сообщаетъ, что богатые качинцы уже обзавелись курными избами, въ которыхъ они живутъ зимой, а лѣтомъ переходятъ жить въ юрты⁵⁾.

Между тюрками, извѣстными подъ общимъ названіемъ сибирскихъ татаръ, переходъ къ полуосѣдлости совершился еще въ XVII вѣкѣ, причемъ въ то время всѣ они имѣли уже зимовки, т. е. процессъ перехода отъ кочевого къ полукочевому быту уже завершился. Въ этомъ фазисѣ развитія застаютъ писатели XVIII

1) Описаніе... народовъ; изд. Миллера, II, стр. 161, 162,

2) Н. М. Ядринцевъ: Алтай, стр. 635.

3) Radloff: Aus Sibirien. I., стр. 376.

4) Палласъ. Путешествіе. II, пол. 2-я стр. 461.

5) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 381.

вѣка абинскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и др. татаръ¹⁾. Въ настоящее время сибирскіе татары перешли отъ полукочеваго уже къ вполнѣ осѣдлому быту. Исключеніе до известной степени представляютъ кизильцы: хотя отъ кочевокъ во многихъ мѣстахъ осталось лишь одно воспоминаніе, но кизильцы, живущіе въ степной части лѣваго берега Бѣлаго Юсса, продолжаютъ еще перекочевывать на лѣтнія мѣста²⁾.

Бураты также стали переходить къ полусѣдлости довольно давно; дѣйствительно этотъ процессъ совершался неравномѣрно; во всякомъ случаѣ для насъ важенъ фактъ, что еще Гмелинъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія нашелъ у нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, уже срубчатыя многоугольныя юрты³⁾. Впрочемъ мы видѣли выше, что нерчинскіе бураты въ концѣ 1-й половины XIX в. продолжали сохранять еще кочевой бытъ.

Якуты еще по свѣдѣніямъ прошлаго столѣтія всѣ имѣли зимовки, и процессъ осѣданія въ то время у нихъ уже завершился, хотя иногда имъ приходилось и зимой мѣнять свое мѣстопробываніе, что объясняется вѣроятнѣе всего недостаткомъ подножнаго корма на мѣстахъ зимовокъ, но зимнія юрты у нихъ въ то время были общимъ явленіемъ⁴⁾.

Накопецъ башмиры въ XVIII же вѣкѣ почти всѣ перешли уже къ полусѣдлости: «башкиры до самаго того времени, какъ Россіянами покорены, да и послѣ того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало по малу они соединили странственную нагушью жизнь съ сопряженнымъ со всегдашними жилищами землешествомъ. Нынѣ всѣ они имѣютъ одномѣстныя зимнія хижины и подвижныя лѣтнія юрты⁵⁾, «Отъ другихъ степныхъ народовъ, замѣчаетъ Палласъ, разнятся они тѣмъ, что зимою живутъ въ избахъ⁶⁾. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбо-

1) Gmelin: Reise durch Sibirien: I, стр. 272, 278; Палласъ: Путешествіе, II, пол. 2, стр. 449, Описаніе ...вародовъ. II, стр. 109, 110, 146, 167.

2) А. Д. Клеменцъ: Предвар. свѣд. объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XX, № 1, стр. 45.

3) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 404, 405.

4) Описаніе народовъ II. стр. 182; Strahlenberg: въ Изв. О. А. И. и Э. при И. Каз. У. XI, 3, стр. 244.

5) Описаніе народовъ II, стр. 88, 89.

6) Палласъ: Путешествіе. I. стр. 649.

пашество не являлось существеннымъ занятіемъ, какъ напр. среди башкиръ по берегамъ р. Діомы (притока р. Бѣлой), о которыхъ Рычковъ выражается, что «всѣмъ извѣстно, что они въ хлѣбопашествѣ почти совсѣмъ не упражняются, а польза ихъ происходитъ отъ одного только скотоводства», ¹⁾ населеніе уже всецѣло обзавелось прочными зимовками. Несмотря на приведенныя показанія авторовъ, слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что переходъ къ полукочевому быту совершался среди башкиръ въ разныхъ мѣстахъ ихъ жительствова не одновременно, но въ общемъ можно признать, что къ концу XVIII вѣка этотъ переходъ уже почти совершенно завершился и даже начались переходы отъ полусѣдлаго къ осѣдлому быту, какъ напр. среди башкиръ Кара-якуповской волости, о которыхъ г. Износковъ сообщаетъ, что они сдѣлались осѣдлыми еще въ концѣ прошлаго столѣтія ²⁾.

Приведенныхъ фактовъ, кажется, вполне достаточно, для установленія того общаго положенія, что указанныя нами народности начали переходить къ полукочевому быту и обзаводиться прочными зимовками еще въ XVIII в., причемъ у нѣкоторыхъ этотъ процессъ завершился уже къ началу текущаго столѣтія. Даже среди алтайскихъ тюрковъ, наиболѣе отставшихъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ начало перехода къ полусѣдлости въ теченіе прошлаго столѣтія: ихъ изолированность, низкій уровень ихъ культуры задержалъ переходъ къ полной осѣдлости; охотничій и рыболовецкій бытъ вѣроятно сыгралъ въ этомъ отношеніи задерживающую роль.

Совершенно другое замѣчаемъ мы среди степныхъ монголовъ и тюрковъ: у нихъ не было подъ рукой лѣсовъ, которые, задерживая перекочевки, доставляли-бы одновременно и матеріалъ для построекъ, болѣе прочныхъ, чѣмъ переносная юрта; этимъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что переходъ къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ совершился у нихъ очень поздно, у многихъ продолжается еще совершаться, а у нѣкоторыхъ почти даже не начинался.

Исключеніе изъ этого составляютъ только нѣкоторыя народности, которыя перешли къ полусѣдлости сравнительно давно,

1) Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

2) П. Износковъ: Кара-Якуповская волость, стр. 184.

причемъ этотъ переходъ совершился подъ влияніемъ осѣдлыхъ сосѣдей.

Такъ переноскіе татары по свѣдѣніямъ конца XVI и начала XVII в. вели уже полуосѣдлый образъ жизни: о зимовкахъ болѣе прочныхъ, чѣмъ переносныя юрты упоминаютъ Мартинъ Броневскій и Жанъ де-Люкъ ¹⁾, хотя большая часть степныхъ крымскихъ татаръ и продолжала еще зимовать въ кибиткахъ. Процессъ перехода къ полуосѣдлости совершался однако лишь крайне медленно, такъ какъ еще въ 1804 г. Таврической вице-губернаторъ А. Шостакъ свидѣтельствовалъ, что на зимнихъ мѣстахъ только «у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяну“ ²⁾. Появленіе хотя-бы зародышей полуосѣдлости въ столь отдаленное время именно среди степныхъ крымскихъ татаръ, слѣдуетъ, повидимому, объяснить влияніемъ, оказываемымъ на нихъ жителями горныхъ частей Крыма, которые представляли и въ то время коренное осѣдлое населеніе. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что болѣе отдаленные отъ вліянія осѣдлыхъ сосѣдей бессарабскіе татары еще въ концѣ XVIII в. зимовали въ юртахъ, хотя и устраивали уже закрытые загоны для скота ³⁾.

Далѣе подъ влияніемъ кабардинцевъ переходятъ въ XVIII в. почти къ полной осѣдлости и часть ногайцевъ, жившихъ около кавказскихъ горъ: ихъ деревни, которыя ногайцы часто перемѣщали съ мѣста на мѣсто, были воспроизведеніемъ кабардинскихъ деревень, отличающахся отъ послѣднихъ большей бѣдностью и отсутствіемъ въ нихъ крѣпкихъ башенъ, характерныхъ для кабардинскихъ селеній ⁴⁾.

Наконецъ часть астраханскихъ татаръ вела въ XVIII в. уже полуосѣдлый образъ жизни: ихъ небольшія деревни съ срубобразными жилыми помѣщеніями были населены исключительно только зимою ⁵⁾. Эта перемѣна быта касалась однако только тѣхъ татаръ, которые жили недалеко отъ Астрахани, гдѣ жили и совершенно осѣдлые татары, и несомнѣнно была вызвана влияніемъ

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. VI стр. 337 и XI, стр. 483.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1843, часть XI, отд. II, стр. 156.

³⁾ Kleemann's Risen, I, с.

⁴⁾ Описаніе народовъ, II, стр. 40.

⁵⁾ Гмелинъ: Путешествіе по Россіи: II, стр. 174.

города, такъ какъ татары, жившіе нѣсколько ниже по Волгѣ, вели въ XVIII в. еще вполне кочевую жизнь.

Въ то время, какъ въ лѣсной полосѣ конецъ прошлаго столѣтія застаеть уже большинство не осѣдлыхъ тюрковъ и монголовъ перешедшими въ значительной степени къ полукочевому быту— въ степной области наоборотъ большинство народностей ведетъ кочевой образъ жизни еще въ началѣ текушаго столѣтія, причемъ переходъ къ полuosѣдлому быту происходитъ лишь въ немногихъ пунктахъ и распространяется не на всю народность, а лишь на отдѣльных ея представителей. Даже въ настоящее время далеко не всѣ неосѣдлые тюрки и монголы, населяющіе Европейскую Россію перешли къ полuosѣдлости. Такъ среди астраханскихъ калмыковъ только въ послѣдніе 30—40 лѣтъ кибитка у значительной впрочемъ части ихъ, стала, главнымъ образомъ на зиму, замѣняться и постоянными жилыми постройками, причемъ переходъ къ полuosѣдлости покровительствуется правительствомъ, путемъ выдачи бѣднымъ калмыкамъ денежныхъ пособій; круглыя или многогранныя каменные постройки, повторяющія типъ войлочныхъ кибитокъ стали появляться также лишь въ недавнее время ¹⁾. Торгоуты, хотя имѣютъ въ настоящее время въ качествѣ зимнихъ жилищъ прочныя постройки, но несомнѣнно обзавелись ими лишь въ сравнительно недавнее время: до переселенія ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія за предѣлы Россіи они представляли еще совершенно кочевое населеніе, и попытки правительства пріохотить представителей высшихъ классовъ къ жизни въ прочно устроенныхъ жилищахъ оказались, по словамъ Гмелина совершенно тщетными ²⁾.

Караногайцы и до настоящаго времени принадлежать къ кочевымъ народностямъ и попытка правительства сдѣлать караногайцевъ, хотя отчасти, осѣдлыми, привела къ ничтожнымъ результатамъ. Попытка эта, пишетъ г. Ананьевъ ³⁾, заключалась въ томъ, что любому караногайцу для постройки сакли отпускалась на извѣстное число лѣтъ небольшая сумма денегъ безъ процентовъ.

1) И. Житецкій: Оч. быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 5.

2) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи I.

3) Г. Ананьевъ: Караногайцы въ Сб. Мат. для оп. хвстн. и племенъ Кавказа, XX, стр. 42.

Однако нашлось только нѣсколько семействъ карачагайцевъ, желающихъ построить себѣ сакли. Это были исключительно карачагайцы, живущіе около Терекли-Мектенъ (административнаго центра карачагайцевъ). Выстроенныя ими сакли образуютъ маленький хуторокъ, въ которомъ хозяева живутъ только зимою, лѣтомъ же они переселяются въ свои кибитки, а сакли остаются совершенно пустыми.

Относительно кавказскихъ турменъ извѣстно, что первыя попытки привести ихъ къ осѣдности относятся лишь къ 60-мъ годамъ XIX в.

Наконецъ, что касается кундровскихъ татаръ, то писатели XVIII в. рисуютъ ихъ еще вполне кочевыми; переходъ къ полуосѣдности началъ совершаться лишь въ теченіе XIX в., причемъ въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія часть кундровцевъ не перешла еще къ прочнымъ зимовкамъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ только часть кундровцевъ, по словамъ г. Неболсина, проводила зиму въ постоянныхъ избахъ, построенныхъ на русскій ладь и русскими плотниками; лѣтомъ эта группа кочевала въ кибиткахъ; другая, меньшая, группа круглый годъ кочевала въ кибиткахъ. Г. Мошковъ¹⁾, сообщающій намъ наиболѣе новыя свѣдѣнія о кундровцахъ, замѣчаетъ по этому поводу: есть еще третья группа кундровцевъ, составляющая средину между двумя упомянутыми, о которой у г. Неболсина ничего не говорится. Кундровцы этой группы, хотя не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но и не остаются круглый годъ въ кибиткахъ: они строятъ себѣ на зиму землянки, описанныя нами выше въ своемъ мѣстѣ, которыя съ наступленіемъ весны разбираютъ. «Существовала-ли эта группа во времена г. Неболсина, продолжаетъ г. Мошковъ, или она продуктъ повѣйшаго времени? Если-же кундровцы, кочевавшіе въ 50-хъ годахъ круглый годъ въ кибиткахъ, перешли въ наше время къ землянкамъ, то всѣ-ли они это сдѣлали или только часть ихъ? Эти вопросы я не берусь рѣшить». Если однако предположить, что въ настоящее время всѣ кундровцы уже перешли къ полуосѣдности, то свидѣтельство г. Неболсина во всякомъ случаѣ приводитъ къ заключенію, что этотъ переходъ совершился лишь въ самое недавнее время.

¹⁾ В. А. Мошковъ: въ Изв. Об. Арх. Ист. и Этнографіи при И. Каз. У., XII, 1, стр. 13.

Переходъ киргизовъ къ полуосѣдлости совершился въ настоящее время еще не вполне: и теперь еще многіе киргизы, какъ напр. живущіе около оз. Балкашъ и по р. Или, не знаютъ прочныхъ зимовокъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднія уже есть, бѣднѣйшее населеніе продолжаетъ однако все еще зимовать въ кибиткахъ. Въ XVIII в. и въ началѣ текущаго столѣтія киргизы представляли собой еще совершенно кочевое населеніе, причемъ переходъ къ зимовкамъ начался прежде всего у западныхъ киргизовъ, въ частности среди тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ханомъ Букеемъ перешли въ предѣлы Европейской Россіи. Начало осѣдлой жизни въ Букеевской ордѣ, пишетъ А. Н. Харузинъ¹⁾, у котораго мы заимствуемъ свѣдѣнія о началѣ перехода какъ букеевскихъ, такъ и азіатскихъ киргизовъ къ полуосѣдлости, положилъ ханъ Джангиръ. «Примѣръ, который я подалъ къ домообзаведенію, замѣчаетъ ханъ Джангиръ въ своихъ запискахъ, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству на зимовкахъ домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями». Однако самъ ханъ Джангиръ, воспитанный въ домѣ астраханскаго губернатора, человѣкъ образованный, по словамъ М. Киттара, до 1824 г. вель, подобно своимъ предшественникамъ и прочимъ киргизамъ, жизнь кочевую, но вступивъ въ этомъ году въ бракъ съ дочерью оренбургскаго муфтія—Фатимою, образованной по европейски, въ скоромъ времени построилъ себѣ домъ, чѣмъ и положилъ начало полуосѣдлости среди киргизовъ и мѣстному административному центру—Ханской Ставкѣ. Остатокъ зимы 1824 г. ханъ провелъ съ молодою женою на берегу Каспійскаго моря, гдѣ онъ и убѣдился, сколько неудобствъ представляетъ кибитка зимою для женщины, привыкшей съ дѣтства къ городскимъ теплымъ домамъ; по крайней мѣрѣ, замѣчаютъ Киттара, если вѣрить рассказамъ, мысль объ устройствѣ постоянного зимняго жилища родилась въ умѣ Джангира именно въ это время. Зиму 1826 г. ханъ провелъ уже въ деревянномъ домѣ на мѣстѣ современной Ханской Ставки; но сдѣлавъ этотъ важнѣйшій шагъ къ осѣдлости, ханъ Джангиръ не сразу простился съ прежнимъ образомъ жизни: въ своемъ деревянномъ домѣ онъ жилъ только

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I. стр. 55—58, 77, 78.

зимою, а лѣтомъ выходилъ на кочевье «къ подвластнымъ ему киргизъ-кайсакамъ». Лишь впоследствии имъ былъ выстроенъ и лѣтній домъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимней ставки. Хану начали подражать другіе киргизы, но при немъ обзавелся зимовками только $\frac{1}{16}$ часть всего населенія; еще въ 1840 г. прочныя зимнія жилища представляли исключеніе. Въ 1862 г. уже около $\frac{2}{3}$ киргизовъ Букеевской орды устроили себѣ зимнія жилища, въ то время какъ остальные продолжали еще и зимой жить въ кибиткахъ. Въ настоящее время, замѣчаетъ цитируемый авторъ, можно смѣло сказать, что зимніе дома имѣютъ всѣ киргизы въ Букеевской степи, а въ кибиткахъ проводятъ зиму только пастухи, которые и не могутъ иначе усмотрѣть за пасущимся скотомъ. Нѣкоторые киргизы, преимущественно богатые, проводятъ уже въ домахъ и лѣто.

Переходъ къ зимовкамъ началъ совершаться въ Букеевской степи раньше, чѣмъ за Ураломъ. Между тѣмъ какъ разные авторы говорятъ о зимнихъ домахъ въ Букеевской степи уже въ 50-хъ, 40-хъ и даже 30-хъ годахъ, М. Михайловъ (1867 г.) въ своемъ очеркѣ зауральскихъ киргизовъ говоритъ, что они въ кибиткахъ живутъ и лѣто и зиму. Впрочемъ это свидѣтельство М. Михайлова слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что *большинство* киргизовъ не имѣетъ зимовокъ, такъ какъ двумя годами позднѣе Л. Арасанскій (Причины волненія въ киргизскихъ степяхъ) считаетъ возможнымъ раздѣлить киргизовъ на двѣ группы; значительно большую—кочевую, не знающую зимовокъ, и меньшую—полукочевую, строящую себѣ зимовки. Киргизы первой группы, по словамъ того-же автора, богаче полукочевыхъ: послѣдніе переходятъ къ полусѣдлости подъ вліяніемъ бѣдности; ихъ вынуждаетъ вести полукочевой образъ жизни недосатокъ свободныхъ мѣстъ для перекочевокъ. „Степь, замѣчаетъ г. Арасанскій, не смотря на свою необъятность, все-таки раздѣлена между родами на части, и этотъ раздѣлъ строго соблюдается“. Бѣдность, какъ мы увидимъ ниже, является крупнымъ стимуломъ при переходѣ киргизовъ къ полусѣдлому и даже къ сѣдлому быту, но фактъ, что и богатые киргизы строятъ себѣ зимовки служитъ доказательствомъ, что бѣдностью нельзя исключительно объяснить переходъ азіатскихъ киргизовъ къ полусѣдлости. Если вѣрить свидѣтельству А. Левшина (Вѣсти. Европы. 1820, № 22) мысль объ устройствѣ проч-

ныхъ зимовокъ появилась у хана Малой орды даже ранѣе, чѣмъ совершился переходъ хана Джангира къ полуосѣдлости. Левшинъ, имѣвшій въ первомъ десятилѣтїи XIX в. свиданіе съ ханомъ Малой орды Ширгазомъ, говоритъ, что Ширгазъ искренно желалъ выстроить себѣ домъ и побуждать киргизовъ къ осѣдлости. «Послѣ увеселеній, пишетъ Левшинъ, насъ опять позвали къ хану Ширгазъ. Мы нашли его, грѣящимся у разведеннаго въ кибиткѣ его огня, и, накинувъ на себя поданныя намъ собольи шубы, сѣли возлѣ него. Холодъ, дававшій себя сильно чувствовать въ кибиткѣ, навлекъ разговоръ о невыгодахъ кочевой жизни; ханъ долго разсуждалъ объ этомъ и неоднократно высказывалъ желаніе имѣть домъ и свое намѣреніе завести хлѣбопашество для примѣра подвластнымъ ему киргизамъ». Этому намѣренію хана нескоро удалось осуществиться, но это свидѣтельство важно, какъ доказательство, что починъ къ переходу къ болѣе высокимъ типамъ жилища исходилъ и здѣсь, какъ и въ Букеевской степи, отъ главы народа.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время устройство зимовокъ подвигается среди азіатскихъ киргизовъ двоякимъ путемъ: ихъ строятъ богатые киргизы, при чемъ бѣдные продолжаютъ жить и зимой или въ кибиткахъ или въ чучелахъ. Но переходятъ къ полуосѣдлости и бѣдняки; этотъ фактъ хорошо наблюдается на при-иртышской казачьей линїи, при чемъ часто киргизы подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ становятся и вполне осѣдлыми. Число киргизовъ, выселяющихся изъ степи и осѣдающихъ при казачьихъ пограничныхъ линїяхъ (особенно по Иртышу), пишетъ г. Катанаевъ ¹⁾, можно сказать увеличивается съ каждымъ годомъ. Каждый сколько-либо значительный падежъ скота въ степи, всякая засуха, всякое болѣе или менѣе общее и частное обнищаніе той или иной семьи киргизовъ-степняковъ, всякій вновь открывающійся на линїи источникъ заработковъ или спросъ на рабочую силу и пр. имѣютъ послѣдствіемъ выселеніе киргизовъ изъ степи къ русскимъ поселеніямъ, массами или по одиночкѣ. При первоначальномъ своемъ появленіи на казачьей линїи киргизъ представляетъ изъ себя бѣдняка, лишившагося своего имущества—скота, и не могущаго слѣдовать при перекочевкахъ за своимъ ауломъ.

¹⁾ Катанаевъ: При-иртышскіе казаки и киргизы Семипалатинскаго у., стр. 21—24 въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О, XV, вып. 2.

Онъ начинается съ того, что нанимается въ поденщики или вообще въ рабочіе къ кому-либо; черезъ годъ—два онъ старается перевести въ себѣ свою семью и родственниковъ, которые по прибытіи на линію также поступаютъ въ рабочіе. Иногда, проживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, эти рабочіе (джатаки) возвращаются въ степь и приселяются съ собственными зимовками къ другимъ киргизамъ. Въ большинствѣ-же случаевъ, разъ поселившійся на казачьей линіи киргизъ уже не возвращается въ степь на постоянное жительство: тамъ въ степи ему уже нечего дѣлать; здѣсь его прикрѣпляютъ вновь усвоенныя имъ привычки, потребности, заработки всякаго рода. «Киргизы на казачьей линіи, продолжаетъ г. Катанаевъ, зимуютъ частью на войсковыхъ запасныхъ земляхъ, частью на казачьихъ надѣльныхъ. Есть мѣстности, гдѣ зимовыя постройки киргизовъ настолько прочны и постоянны, что ихъ можно считать за осѣдлыя поселенія въ общепринятомъ смыслѣ. Не далѣе какъ 15—20—30 лѣтъ тому назадъ стоянки эти представляли собою не болѣе, какъ гнѣзда юртъ въ беспорядкѣ разбросанныхъ по казачьимъ землямъ. Нынѣ зимовыхъ юртъ уже совсѣмъ не существуетъ; всюду (близъ казачьихъ линій) онѣ замѣнены болѣе постоянными — землянками и деревянными избушками, сгруппированными мѣстами какъ-бы деревнями. Съ наступленіемъ лѣта киргизы покидаютъ свои зимовки и отходятъ отъ нихъ съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе далеко. Числясь зачастую въ отдаленныхъ отъ линій степныхъ волостяхъ, прилинейные киргизы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряютъ связь съ своими волостями, прикрѣпляясь къ осѣдлымъ русскимъ поселеніямъ. Неоднократно такіе киргизы ходатайствовали не только о закрѣпленіи за ними насиженныхъ казачьихъ земель, но и о совершенномъ обращеніи ихъ въ казаки съ оставленіемъ лишь неприкосновеннымъ ихъ вѣроисповѣданія. Съ другой стороны не прекращающійся за послѣднее время приливъ киргизовъ къ Иртышу начинаетъ уже беспокоить казаковъ; эти послѣдніе, усиливъ вообще надзоръ за самовольными приселеніями киргизовъ на ихъ земли, не разъ уже въ нѣкоторыхъ поселкахъ возбуждали ходатайства о выселеніи киргизовъ въ ихъ степныя волости». Въ заключеніе г. Катанаевъ сообщаетъ, что въ районѣ казачьихъ земель Павлодарскаго и Семипалатинскаго уу., по обѣимъ сторонамъ Иртыша живетъ болѣе или менѣе постоянно киргизовъ до 12000 душъ об.

пола. Среди азіатскихъ киргизовъ переходъ къ полуосѣдлой жизни болѣе интенсивно, какъ и у астраханскихъ калмыковъ, направляется по периферіямъ, тамъ гдѣ они близко сталкиваются съ осѣдлымъ населеніемъ, но этотъ переходъ въ настоящее время еще не законченъ.

Азіатскіе туримены перешли къ полуосѣдлости и даже къ осѣдлости, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они близко сталкивались съ осѣдлыми сосѣдями, у которыхъ они заимствовали и типы зимовокъ и осѣдлыхъ жилищъ.

Что касается т. н. азербейджанскихъ татаръ¹⁾, то повидимому осѣданіе ихъ началось въ давнее время и очевидно происходило подѣ влияніемъ осѣдлыхъ жителей Закавказья. Процессъ этого перехода однако, насколько онъ касается сельскаго населенія, уловить весьма трудно, потому что повидимому значительная часть,

¹⁾ По корректурному недосмотру мною пропущено при изложеніи типовъ кочевыхъ жилищъ тюрковъ и монголовъ, описаніе юрты кочевыхъ азербейджанскихъ татаръ. Ихъ *алачуги* представляютъ какъ бы переходный типъ отъ коническаго шалаша къ рѣшетчатой юртѣ. Алачуги „устраиваются изъ тростника или изъ нѣсколькихъ жердей или тычинокъ гибкихъ деревьевъ, согнутыхъ въ *дугу* и *воткнутыхъ обоими концами въ землю*. Эти жерди переплетаются другими въ горизонтальномъ направленіи, такъ что внутренность такого помѣщенія представляетъ видъ купола“. Остовъ закрывается войлокомъ или камышевою рогожею; отверстіе для двери завѣшивается войлокомъ. Юрта изнутри поддерживается шестомъ. Наверху вырѣзывается круглое или четырехугольное дымовое отверстіе, служащее часто и окомъ. Противъ входа въ алачугу, пишетъ Н. Дубровинъ, у котораго мы заимствуемъ описаніе ея, у стѣны, сложены подушки, одѣяла, платье, оружіе, конская сбруя и пр. По одну сторону, за перегородкою хранятся масло, молоко и сыръ, а по другую сторону, также за перегородкою, мука, сорочинское шено и все съѣстное. Алачуга дѣлится тростяковыми перегородками на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Извѣдка устраивается и карачадры—четыреугольныя палатки изъ черной шерстяной матеріи; этотъ видъ жилищъ заимствованъ татарами у курдовъ, у которыхъ онъ является господствующимъ. (Дубровинъ: Ист. войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2, стр. 353). Иногда дѣтнее жилище даже у осѣдлыхъ азербейджанскихъ татаръ сохраняетъ еще слѣды прешняго кочеваго быта: онъ устраивается такъ, что стѣны окружаютъ помѣщеніе только съ 3-хъ сторонъ, а четвертая остается открытой, и завѣшивается во время непогоды войлокомъ. Постоянныя жилища состоятъ мѣстами изъ подземныхъ жилищъ-ямъ (*сез*), покрытыхъ деревомъ и сверху засыпанныхъ землею; потолокъ поддерживается изнутри 4-мя столбами; крыша обыкновенно круглая. Мѣстами эти землянки представляютъ переходный типъ отъ подземной землянки къ над-

говорящих на азербейджанскомъ нарѣчіи, мусульманъ Закавказья представляютъ лишь тюркизированныхъ коренныхъ жителей, которыхъ пришедшій тюркскій элементъ засталъ уже осѣдлыми. Изученіе типовъ постоянныхъ жилищъ у азербейджанцевъ поэтому является крайне затруднительнымъ, такъ какъ они находятся въ такой тѣсной связи съ типами жилищъ ихъ осѣдлыхъ сосѣдей, совершенно чуждыхъ имъ по языку и происхожденію, что есть полное основаніе предполагать, что турки заимствовали ихъ отъ тюркизированныхъ ими народовъ, которые издавна употребляли, хотя и первобытные, но постоянныя жилища. Азербейджанскіе татары сохранили кочевой или полукочевой бытъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія климатическія и рельефа страны особенно способствовали поддержанію скотоводческо-кочеваго быта.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, можно придти къ заключенію, что въ общемъ процессъ перехода къ полuosѣдлости и высшимъ формамъ жилья за нѣкоторыми исключеніями у степныхъ тюрковъ и монголовъ Россіи направлялся съ запада на востокъ, если не считать центральную Азію, гдѣ наводнявшія ее кочевыя народности перешли къ осѣдлости очень давно, подъ вліяніемъ коренного населенія. Чѣмъ дальше кочевники заходили отъ своей первоначальной родины, чѣмъ дольше они оставались въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ скорѣе они, подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, обзаводились прочными жилищами на зиму: въ настоящее время крымскіе степные татары представляютъ уже вполне осѣдлое населеніе, букеевскіе киргизы обзавелись всѣ зимовками, то же, повидимому, слѣдуетъ сказать и про кундровскихъ татаръ; среди азіатскихъ киргизовъ происходитъ также процессъ осѣданія, хотя среди нихъ еще многіе проводятъ зиму въ юртахъ. Но чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ меньше успѣ-

земнымъ жилищамъ, т. е. подъ землей находится лишь половина жилища, а другая выходитъ наружу. Наконецъ строятся и турлучныя землянки (*оба*), оконныя отверстія которыхъ закрываются камышевыми рогожами. Ими пользуются обыкновенно жители горныхъ деревень, спускающіеся въ долину только весной для воздѣлыванья полей, осенью же возвращающіеся въ горы (*ib.* 354). Несмотря на тюркскія названія этихъ видовъ жилищъ, есть, какъ это было указано, полное основаніе предполагать, что они не являются продуктомъ самостоятельнаго развитія азербейджанскихъ татаръ, и вслѣдствіе этого не могутъ быть введены въ общую исторію развитія жилищъ у тюрковъ.

ховъ степные народы сдѣлали по пути къ полуосѣдлости: у торгоутовъ мы видимъ еще зимовки, а у другихъ монгольскихъ народностей Монголіи, если оставить въ сторонѣ перешедшихъ къ осѣдлости подѣ влияніемъ Китая монголовъ, мы ихъ уже совсѣмъ не встрѣчаемъ, и монголы перекочевываютъ даже въ зимнее время. Исключеніемъ изъ этого общаго правила направленія процесса перехода къ полуосѣдлости отъ запада на востокъ составляютъ только астраханскіе калмыки, караногайцы и кавказскіе туркмены, причемъ это объясняется особенными условіями ихъ быта, сравнительной изолированностью и отсутствіемъ инициаторовъ въ ихъ средѣ, которые, какъ напр. киргизскіе ханы, подавали примѣры къ переходу къ полуосѣдлости; впрочемъ у калмыковъ этотъ процессъ, разъ начавшись, продолжается довольно интенсивно. Въ этомъ отношеніи, однако, степняки значительно отстали отъ своихъ сородичей, населяющихъ богатая лѣсомъ мѣстности: процессъ перехода у первыхъ начинается въ серьезныхъ размѣрахъ только съ начала текущаго столѣтія, тогда какъ у послѣднихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ алтайскихъ инородцевъ и части бурятъ, онъ уже завершился въ концѣ прошлаго вѣка. Что переходъ къ полуосѣдлости, а затѣмъ и къ полной осѣдлости совершается преимущественно подѣ влияніемъ сосѣдей, доказывается между прочимъ тѣмъ, что осѣданіе народа совершается по периферіямъ, вдоль черты, по которой происходитъ наиболѣе частое столкновеніе кочевыхъ и осѣдлыхъ народностей. Фактъ, отмѣчаемый г. Житецкимъ, для астраханскихъ калмыковъ, переходъ которыхъ къ полуосѣдлости совершается преимущественно именно по окраинамъ территоріи, населенной калмыками, можно прослѣдить и на всей территоріи, занятой монгольскими и тюркскими народностями. Относительно тюрковъ и монголовъ европейской Россіи мы имѣли возможность прослѣдить это; что касается до азіатскихъ, то мы видѣли, что наиболѣе старыя свидѣтельства объ осѣданіи киргизовъ относятся къ области при-иртышской, гдѣ киргизы сталкиваются съ русскимъ элементомъ. На югѣ, въ центральной Азіи, турки перешли къ осѣдлой жизни только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ плодородная почва уже съ древнихъ временъ привела къ развитію прочнаго осѣдлаго населенія. Но, въ случаяхъ, когда они находятся дальше отъ осѣдлаго населенія, они продолжаютъ еще вести кочевой образъ жизни. Если мы будемъ подви-

гаться дальше на востокъ, мы замѣтимъ, что тюрки и монголы осѣдаютъ исключительно въ мѣстностяхъ, гдѣ они сталкиваются съ осѣдыми сосѣдами — китайцами; примѣромъ этого могутъ служить описанные Г. Н. Потанинымъ въ «Тангутско-тибетской окраинѣ Китая» ордосскіе монголы, равно и сарты въ Хами, о которыхъ говоритъ тотъ-же путешественникъ въ «Очеркахъ Сѣв.-Западной Монголіи». Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что фанзы этихъ сартовъ представляютъ отличія отъ китайскихъ; судя по вышеприведенному свидѣтельству о томъ, что и до настоящаго времени сарты въ Хами не перешли еще окончательно къ осѣдности, есть основаніе предполагать, что процессъ осѣданія ихъ началъ совершаться въ сравнительно недавнее время.

Подводя итоги вышеизложенному мы можемъ въ краткихъ словахъ выставить нижеслѣдующія положенія. У разсмотрѣнныхъ нами народностей процессъ развитія жилища подвигался слѣдующимъ образомъ: 1) первобытный конусообразный шалашъ, покрываемый вѣтвями, берестой, звѣриными шкурами служитъ одной изъ исходныхъ точекъ для развитія болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилья; изъ него постепенно вырабатывается войлочная юрта, сначала простая, затѣмъ черезъ нѣсколько переходныхъ типовъ рѣшетчатая, которая, повидимому, выработалась въ степныхъ мѣстностяхъ; тамъ-же она получила и наибольшее распространеніе, что слѣдуетъ приписать тому объединяющему значенію, которая имѣетъ степь, въ противоположность лѣсистымъ и горнымъ мѣстностямъ. «Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ большей или меньшей степени членами одной семьи». Этимъ значеніемъ степи слѣдуетъ объяснить, что на всемъ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ разными степными народностями, мы видимъ только два типа рѣшетчатыхъ юртъ. Представляя высшій типъ въ исторіи развитія формъ переноснаго шалаша, рѣшетчатая юрта, при переходѣ народа къ осѣдности, служитъ типомъ для устройства болѣе прочныхъ жилищъ, повторяющихъ ея форму: они строятся изъ земли, плетня, наконецъ бревенъ или камня и приводятъ къ типу многогранныхъ каменныхъ или срубчатыхъ построекъ (киргизы, астрах. калмыки, буряты, алтайскіе тюрки). Конусообразный

шалашъ приводитъ къ срубѣ и другимъ путемъ: замѣна жердей образующихъ остовъ досками даетъ типъ четырехграннаго шалаша, изъ котораго постепенно развиваются трапецевидные балаганы, равно и плетневые постройки, которыя при замѣнѣ болѣе прочнымъ матеріаломъ переходятъ въ срубы (якуты, алтайскіе тюрки, астрах. калмыки). 2) Къ срубамъ приводятъ и землянки: первобытная землянка или постепенно поднимается надъ поверхностью почвы, образуя въ верхней своей части мазанку или срубъ, или надземное земляное жилище покрывается вначалѣ деревомъ для большей устойчивости стѣнъ, а впоследствии замѣняется срубомъ. 3) Первоначальный срубъ даетъ дальнѣйшій толчокъ къ развитію избы, какъ и первобытное надземное земляное жилище: въ наиболѣе простыхъ типахъ оконъ нѣтъ, ихъ замѣняетъ дымовое отверстіе; окно въ стѣнѣ появляется впоследствии при чемъ первоначально оно прикрывается льдомъ, брѣшиной и пр.; очагъ находится по срединѣ, какъ и въ шалашѣ. Постепенно очагъ переходитъ въ каминъ (чуваль), который затѣмъ переставляется въ уголъ помещенія. вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и печь, причѣмъ она устраивается или въ видѣ каменки или со вмазаннымъ въ нее котломъ. Другіе виды печей являются заимствованными; привычка готовить пищу въ котлѣ, привѣшиваемомъ надъ очагомъ, приводитъ къ соединенію заимствованнаго типа печи съ печью со вмазаннымъ въ нее котломъ (киргизы, башкиры) или съ очагомъ (долгане). Во внутреннемъ устройствѣ эти типы жилищъ продолжаютъ повторять въ общихъ чертахъ убранство шалашей. Развитіе срубовъ и надземныхъ земляныхъ жилищъ приводитъ къ расширенію ихъ путемъ пристройки къ основному типу—сѣней, сначала плетневыхъ или бровенчатыхъ, а также пристройки такого-же типа жилища къ сѣнямъ (киргизы, башкиры). Земляной полъ постепенно замѣняется деревяннымъ, а плоская крыша — крышей со скатами. 4) Соотвѣтственно съ ходомъ усовершенствованія жилища появляются и хозяйственныя постройки: развивается понятіе о дворѣ, который изъ простой изгороди для скота и постановки отдѣльныхъ юртъ для взрослыхъ членовъ семьи, переходитъ болѣе или менѣе въ обширное сооруженіе, при чемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство играетъ первенствующую роль, скотные дворы устраиваются крытыми и соединяются подъ одну кровлю съ жилымъ помещеніемъ (якуты, киргизы) и наоборотъ, гдѣ скотоводство не

является исключительнымъ источникомъ благосостоянія, или гдѣ условія мѣстности это позволяютъ, хозяйственныя постройки разбрасываются по двору (башкиры, киргизы въ лѣсистыхъ областяхъ).

5) Прочныя жилища (балаганы, землянки, мазанки, срубы и пр.) появляются съ переходомъ народа отъ кочевого къ полукочевому быту; тогда-же развивается и устройство двора. Переходъ къ полусѣдности начался раньше въ лѣсистыхъ частяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Алтай) осѣданіе народа предшествуетъ даже появленію высшихъ формъ жилья. Въ степныхъ областяхъ переходъ къ полусѣдности, повидимому, начался съ народностей, живущихъ на западѣ и въ направленіи къ востоку становится менѣе интенсивнымъ, захватывая только периферію.

6) Съ переходомъ къ полусѣдности и замѣной примитивнаго жилья болѣе развитыми типами, старыя формы не уничтожаются: онѣ привариваются къ хозяйственнымъ нуждамъ и строятся на ряду съ болѣе сложными жилищами строеніями, вслѣдствіе чего, находясь на одномъ дворѣ, является возможность прослѣдить исторію жилища въ главныхъ моментахъ его развитія. Такъ около культурной землянки богатаго киргиза, стоитъ обращенная въ жилище для рабочихъ или въ хлѣвъ болѣе первобытная землянка, на половину углубленная въ землю, безъ оконъ и съ первобытнымъ очагомъ; рядомъ съ ней кошъ для гостей и рабочихъ, и тутъ-же земляная юрта—чучела. У башкира на одномъ дворѣ около бревенчатой избы мы встрѣчаемъ одновременно и первобытный круглый шалашъ, служащій въ настоящее время кухней, и землянку, назначенную для печенія хлѣба, и низенькій срубъ съ каменкой, служащій теперь баней, и лѣтній срубъ съ крышей изъ луба, гдѣ семья башкира иногда живетъ лѣтомъ, и наконецъ тутъ-же на дворѣ, башкиръ лѣтомъ, если онъ почему-нибудь не отправляется на кочевье, раскидываетъ и свою войлочную рѣшетчатую юрту и живетъ въ ней въ теченіе жаркаго времени года.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Аблайча—16.
 Аласыкъ—68.
 Алачуга—119.
 Алтайскіе тюрки. Конусообразный шалашъ, 6—9, 18; Изгороди для скота—19. Расположеніе жпл. строеній въ поселкахъ—19, 20. Вліаніе лѣса на бытъ—20. Переходный типъ отъ кон. шалаша къ рѣшетч. юртѣ—22, 23. Рѣшетчатая юрта—37. Многогранный бревенчатый срубъ—58. Четырехгранный шалашъ (яйлу)—61; балаганы—62. Мезанки—70; землянки—75, срубы—86, 87. Переходъ къ осѣдлости—108.
- Баһана—76.
 Барун-баран—34.
 Баскуръ—30, 31.
 Бахна—72.
 Башкиры. Коническій шалашъ—13; рѣшетч. юрта—37; балаганы—68, 69; землянки—75; срубы—84 и слѣд. 89; дворовыя строенія—86, 98, 123. Переходъ къ полусѣдлости—110.
 Билярскіе—66.
 Божница: устройство ея у монголовъ—34, бурать—89, 90.
 Боканъ—29.
 Босага—28, 29.
 Буряты: коническій шалашъ—12, 20; рѣшетчатая юрта—39; многогранныя срубчатыя юрты—56; балаганы—68; срубы—89; дворовыя строенія—101; переходъ къ полусѣдлости—110; расположеніе строеній въ селеніяхъ—20, 105.
 Бухъкъ—12.
 Гольденъ—73.
 Даба—15.
 Далбырь—65.
 Далимба—15.
 Дверь (устройство): у алтайскихъ тюрковъ—7, 8, 37, 59, 62, 87; киргизовъ—28, 55, 79, 93; въ Монголіи и у астрах. калмыковъ—29, 33, 73; башкиръ—37, 76, 85; караногайцевъ—39; татаръ XIII в.—41; якутовъ—64, 91; кундровскихъ татаръ—76.
 Дворъ: его развитіе и типы—19, 50—53, 79, 81, 82, 86, 87, 92, 97—101.
 Деберъ—33.
 Джіскъ—31.
 Дшиль-бау—29.
 Дзолонъ—15.
 Додеге—31.
 Долгана: коническій шалашъ—14, 91; зимовки—100.
 Евъ—119.
 Есыкъ—29, 31.
 Зегесенъ—30.
 З'эвнэнк'э—76.
 Зюн-баранъ—34.

Иткерме—29.
Иргечли—33.
Ишиге удун—33.
Ишикь-акъ—37.

Кавраасы—76.

Калыны: коническій шалашъ—15.
Рѣшетч. юрта (остовъ)—26. Вѣшнее покрытие—33, внутреннее устройство—34. Группировка юртъ—49.
Зимовки—72, 78. Переходъ къ полуосѣдности—113, 119, 120.

Канатъ—27, 31.

Карагасы. Конусообразный шалашъ—5—6; вліяніе лѣса на бытъ—20.

Каракалпакъ: рѣш. юрты—38.
Мѣста кочевокъ—102.

Каранагайцы: рѣш. юрта—39, отовъ—40; хозяйственныя приспособленія—52; зимовки—82. Дворовыя строенія—82, 97. Переходъ къ полуосѣдности—113, 119.

Каракадра—119.

Кебеже—32.

Кедшеге—44.

Береге—26, 27, 29.

Киргизы: коническій шалашъ—15, кошъ—16, 28, аблайча—16, рѣшетчатая юрта: остовъ и покрытие—26 и слѣд., внутреннее устройство рѣш. юртъ—31, группировка въ аулы—49, 101, 123. Устройство „чучель“—55. Камышевые дома (мазеньки)—74; землянки—75, 77, 82. Срубы—86, 92. Дворовыя строенія—52, 79, 81, 87, 92, 98, 99. Переходъ къ полуосѣдности—115 и слѣд.

Кошъ—16, 28, 29.

Бо"шкэ—34.

Брыша въ зимовкахъ: киргизовъ—55, 78, 80, 86, 87, 93, калмыковъ—56, 78, бурятъ—56—57, алтайскихъ инородцевъ—59, 61, 87, 88, якутовъ—63, 91, ордосскихъ монголовъ—73, башкиръ—84, 85.

Кульдереушъ—28.

Кундровскіе татары: неподвижныя плетневыя юрты—23—24; рѣш. юрты—39; юрты на колесахъ—42; зимовки—76, 82. Дворовыя строенія—97; переходъ къ полуосѣдности 114.

Куй-мэ—39.

Кэтигаринь-оронъ—66.

Лашъ—37.

Мандайча—28.

Майханъ—15.

Монголы: коническій шалашъ—15; майханъ—15; рѣшетчатая юрта (остовъ и вѣшнее покрытие)—26 и слѣд. Сырхинныкъ—27 примѣч.; внутреннее устройство рѣш. юрты—34. Хозяйственныя постройки—51. Мазанки—73, землянки—75. Переходъ къ полуосѣдности и осѣдности—119.

Оба—120.

Обахам—14.

Окно: въ рѣш. вѣбиткахъ бурятъ—47; въ зимовкахъ—69, у алтайскихъ тюрковъ—62, 88; якутовъ—64, 66, 67; кундровскихъ татаръ—76, киргизовъ—77, 87, 93, 98; торговцовъ—78, башкиръ—84 и слѣд., сибѣр. татаръ—88.

Окъ—27.

Орве—33.

Оронъ—66.

Орта-оронъ—66.

Осадалъ—32.

Отбасы—32.

Отовъ—39, 40, 45.

Очагъ: въ коническихъ юртахъ: у карагасовъ—5, алт. тюрковъ—8, 11, 12, бурятъ—13, башкиръ—13, якутовъ—13. Въ рѣшетч. юртахъ: у киргизовъ—32, калмыковъ и др. монгольскихъ народностей—34, 36.

Въ чучелахъ киргизовъ—55, въ многогранныхъ бревенчатыхъ юртахъ бурятъ—57, 58, см. печь, чувалъ.

Палатка—44.

Печь у башкиръ—37, 47, 84, 85; калмыковъ—73; кувдровскихъ татаръ—77; киргизовъ—79, 80, 93; бурятъ—90; долганъ и якутовъ—91. Развѣтѣ ея—94 и слѣд.

Покрытіе юртъ: у карагасовъ—5, алтайскихъ тюрокъ—6, 9, 10, 37, сибирскихъ татаръ—10, 11, 38; бурятъ—13; башкиръ—13, якутовъ—13, 14; долганъ—14; монголовъ—15, 33, астр. калмыковъ—15, 33; киргизовъ 16, 30—31; каракалпакъ—38; татаръ XIII—XVIII в.—41, 43, 46.

Поль: устройство у киргизовъ и у монгольскихъ народностей въ рѣш. юртѣ—35, 39. Въ зимовкахъ: бурятъ—57, 89; якутовъ—65, башкиръ 68, 84, 85.

Саба—32.

Сандыкъ—32.

Сарты въ Хамі: рѣшетч. юрты—37; переходъ къ полусѣдности—121.

Солана-оронъ—66.

Сыршакъ—32.

Сырхынныкъ—27.

Табца—34.

Таклыи шире—34.

Тарасунъ—58.

Тарлушка—72.

Татары азербейджанскіе: типъ кочевого жилища—119; типы пстоаяныхъ жилищъ—119, 120; переходъ къ осѣдности—119.

Татары по описаніямъ писателей XIII—XVIII в.: юрты на колесахъ—40 и слѣд. Рѣшетчатая юрты—43, 46; хозяйственныя приспособленія—

50, 53; зимовки—71, 72, 86. Переходъ къ полусѣдности—112.

Татары сибирскіе: конусообразный шалашъ—10; переходный типъ отъ кон. шалашъ къ рѣшетч. юртѣ—22; рѣшетч. юрта—38. Зимовки—62, 71, 74, 75, 88. Переходъ къ полусѣдности—109.

Таянышъ—28.

Тезъ—26.

Терме—26.

Тершой—37.

Тёръ (tör)—9, 32.

Тогоней-гыръ—51.

Тонъ—15, 17, 28.

Торгоуты см. калмыки.

Труба теплопроводная у якутовъ—64.

Туръ-башъ—37.

Турго—33.

Турмены: рѣшетч. юрты—36; мѣста кочеванья—102; переходъ къ полусѣдности и осѣдности—119.

Туурлыкъ—31.

Тыкма—10.

Тышны—76.

Тюндукъ—31.

Тюсенъ-орунъ—32.

Угъ—10.

Укъ—27, 28, 31.

Узюкъ—31, 33.

Унга-оронъ—66.

Унинъ—27, 28.

Ураса см. Уросъ.

Уросъ—14, 92, 99, 100.

Уйче—26.

Хангасъ-оронъ—66.

Харачи—28, 56.

Хатгуръ—15.

Хоболъ—34.

Хогонъ (калмыковъ)—49.

Хотовъ (хлѣвъ якутовъ)—66, 67.

Холлорукъ—66.

Чангарагъ—16, 17, 28, 55.
 Чарапчи—65.
 Чебашкь—72.
 Черные татары. См. алтайск.
 тюрки—20.
 Чий—30.
 Чуваль у алтайскихъ тюрокъ—62,
 чувашскихъ татаръ—63, 67, 69; яку-
 товъ—64, 67, 68, 69; башкиръ—
 85; бурякъ—90.

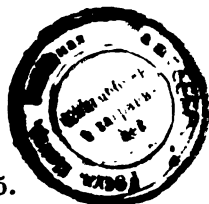
Цагрыкъ—28, 56.
 Цокцо—34.

Шаршау-уси—37.
 Шункур—76.

Этгыкъ—87.

Югяхъ—66.
 Юрюнгъ-уоланъ—65.

Якуты: коническій шаламъ—13,
 100; зимовки—63, 91; дворовыя
 строенія—97, 98; расположепіе жи-
 лыхъ строеній въ поселкахъ—104;
 переходъ къ полусѣдности—110.
 Яйлу—61.

4705

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

10 Mar '50 MB

31 Oct '50 D

2 Sep '57 ec

DEC 30 1952 LM

6 Jul '53 KW

JUL 6 1953 LU

11 Jun '56 KW

REC'D LD

JUN 3 1958

LIBRARY USE

JUN 19 1958

REC'D LD

JUN 19 1958

2 Sep '65 JO

REC'D LD

AUG 19 '65 -1 PM

JUN 3 1982

REC. CIR. MAY 04 1982

APR 26 2003

YD 19674

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C047130822

931388

DR33
K5

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY